ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2020. Т. 65, № 4

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2020. Т. 65, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Г. П. Коршунов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Кодин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2020. Т. 65, № 4.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Н. И. Кашуба*

Подписано в печать 06.10.2020. Выход в свет 27.10.2020. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 90 экз. Заказ 172.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,32 руб., ведомственная подписка – 29,31 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2020

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2020, vol. 65, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belsky – Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Alexander I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Gennady P. Korshunov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Gennady V. Palchik – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Editorial Council:

Alexander N. Bulyko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Valery I. Zhuk – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
Evgeny V. Kodin – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr P. Tolochko – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum. belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2020, vol. 65, no. 4.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 06.10.2020. Published on 27.10.2020. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 90 copies. Order 172.
Number price: individual subscription – BYN 12.32, departmental subscription – BYN 29.31.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2020

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

Гусакоў У. Р., Каваленя А. А. Захаваем беларускую мову – захаваем беларускую душу 391

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Смоляков Д. А. Интернационализация высшего образования в философско-исторической перспективе..... 401
Ильюшенко Н. С., Давыдик О. И. Новые этические риски в эпоху биокапитализма 410
Данилов А. Н. Приоритет культуры при формировании идеала будущего 417

ГІСТОРЫЯ

Барахвостов П. А. Великое Княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций 424
Володькин А. А. Предпосылки формирования внешнеполитических приоритетов стран Балтии в период их борьбы за независимость (1989–1991 гг.)..... 432
Белозорович В. А. Научно-организационная деятельность сотрудников Института истории Академии наук БССР (1929–1941 гг.) 443

МОВАЗНАЎСТВА

Зиневич Н. В. Научный дискурс в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности 451

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. Аспекты нелинейности в музыке второй половины XX века..... 461
Гулак Н. А. Абарончы рытуал “хаджэнне хлеба”: міфасемантыка і культурны кантэкст 467

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Максімовіч В. А. Літаратурны канон у паэтычнай спадчыне Максіма Багдановіча: генеалогія, рэцэпцыя, семіёзіс 476
Шаладонава Ж. С. Катэгорыя прасторы ў гуманітарным дыскурсе 486

ПРАВА

Шувалов И. И. О предпринимательской правоспособности публично-правовых образований в России 493

ЭКАНОМІКА

Тригубович Л. Г. Структурирование проблемного поля инновационного развития малой открытой экономики как объекта управления 500

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Валерий Гурьевич Тихиня (К 80-летию со дня рождения)..... 510

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

Gusakov V. G., Kovalenya A. A. If we preserve the Belarusian language we will preserve the Belarusian soul 391

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Smaliakou D. A. Internationalization of higher education in a philosophical and historical perspective 401
Ilyushenka N. S., Davydik O. I. New ethical risks in the bio-capitalism era 410
Danilov A. N. Priority of culture in forming the ideal of the future..... 417

HISTORY

Barakhvostov P. A. Grand Duchy of Lithuania: institutional transplantation experience..... 424
Valodzkin A. A. Preconditions of the Baltic states' foreign policy priorities formation in the period of their struggle for independence (1989–1991) 432
Belozorovich V. A. Scientific and organizational activity of the staff of the History Institute of the Belarusian Academy of Sciences (1929–1941) 443

LINGUISTICS

Zinevich N. V. Scientific discourse from the aspect of interaction between the categories of modus and modality 451

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G. Aspects of nonlinearity in music of the second half of the XX century 461
Hulak N. A. Servage ritual "bread walking": mythosemantics and cultural context 467

LITERARY SCIENCE

Maksimovich V. A. Literary canon in Maksim Bogdanovich's poetic heritage: genealogy, reception, semiosis..... 476
Shaladonava Z. S. Category of the space in humane discourse 486

LAW

Shuvalov I. I. On the entrepreneurial legal capacity of public legal entities in Russia 493

ECONOMICS

Trigubovich L. G. Structuring the problem field of innovative development of the small open economy as a management object..... 500

SCIENTISTS OF BELARUS

Valery Guryevich Tikhinya (To the 80th Anniversary of Birth) 510

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 800.7 (947.6)
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-391-400

Паступіў у рэдакцыю 09.07.2020
Received 09.07.2020

У. Р. Гусакоў, А. А. Каваленя

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЗАХАВАЕМ БЕЛАРУСКУЮ МОВУ – ЗАХАВАЕМ БЕЛАРУСКУЮ ДУШУ

Ільняная і жытнёвая. Сялянская.
Баравая ў казачнай красе.
Старажытная. Ты самая славянская.
Светлая, як травы ў расе.
Вобразная, вольная, пявучая,
Мова беларуская мая!

П. Панчанка

Аннотация. Показан сложный путь становления белорусского языка. Отмечено, что белорусский язык на протяжении многих столетий являлся важнейшим средством передачи социально-исторического опыта, формирования национальной культуры, традиций, идентификации народа и образования национальной государственности. Основываясь на историческом опыте, авторы подчеркивают общественно-политическую значимость сохранения и развития белорусского языка в условиях глобализации мирового сообщества как важную задачу каждого белоруса.

Ключевые слова: язык, национальные языковые группы, национальный язык, белорусский язык, старобелорусский язык, государственность, летописи, словари, духовная культура

Для цитирования: Гусакоў, У. Р. Захаваем беларускую мову – захаваем беларускую душу / У. Р. Гусакоў, А. А. Каваленя // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 391–400. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-391-400

Vladimir G. Gusakov, Alexander A. Kovalenya

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

IF WE PRESERVE THE BELARUSIAN LANGUAGE WE WILL PRESERVE THE BELARUSIAN SOUL

Abstract. The article outlines the complicated path of formation of the Belarusian language. On a number of examples, in general terms, it is noted that the Belarusian language for many centuries has been the most important means of transmitting socio-historical experience, the formation of national culture, traditions, identification of people and the formation of national statehood. Based on the historical experience, the authors emphasize the importance of preserving and developing the Belarusian language in the context of globalization of the world community – as an important task for every Belarusian.

Keywords: language, national language groups, national language, Belarusian language, Old Belorussian language, statehood, annals, dictionaries, spiritual culture

For citation: Gusakov V. G., Kovalenya A. A. If we preserve the Belarusian language we will preserve the Belarusian soul. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 391–400 (in Belarusian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-391-400

Уводзіны. Усе жывыя істоты могуць мець зносіны адзін з адным з дапамогай сігнальных выяўленняў, але толькі чалавек здолеў развіць сігнальны абмен у маўленчую форму. Якім чынам гэта адбылося, і сёння цалкам не вытлумачана. Мова ўяўляе сабой унікальнае спалучэнне прастаты і складанасці, выразнасці і таямнічасці, яна не толькі адлюстроўвае, але і стварае тую

© Гусакоў У. Р., Каваленя А. А., 2020

рэальнасць, у якой мы жывём, па сутнасці, фарміруе і нас саміх. Нездарма старажытны грэчаскі філосаф Сакрат адзначаў: “Пачні гаварыць, каб я цябе ўбачыў”.

Асноўная частка. Мова заўсёды выступала ўніверсальным сродкам зносін паміж людзьмі, у гэтым заключаецца адна з яе найважнейшых грамадскіх функцый – камунікатыўная[1]. На працягу многіх стагоддзяў фарміраваўся лексічны склад, фанетычныя, марфалагічныя і стылістычныя асаблівасці нацыянальных моўных груп. Пры ўсёй шматлікасці моў свету[2] кожная з іх з’яўляецца ўнікальнай, мае свае асаблівасці развіцця і функцыянавання. Фарміраванне моў – працэс аб’ектыўны і працяглы, ён заўсёды папярэднічае тэрытарыяльным, а затым і дзяржаўным утварэнням. Менавіта этнамоўная аснова з’яўляецца найважнейшым фактарам станаўлення першых дзяржаўных утварэнняў і аб’ектыўнай перадумовай вызначэння меж дзяржаў. Вядома, што заснавальнік беларускага мовазнаўства акадэмік Я. Ф. Карскі яшчэ ў 1918 годзе, складаючы “Этнографическую карту Беларуского племени”[3], для вызначэння меж Беларусі імкнуўся строга прытрымлівацца этналінгвістычнага падыходу, прымаючы пад увагу выключна жывую народную мову [1, с. 32–34].

Неабходна падкрэсліць, што мова з’яўляецца найважнейшым элементам нацыянальнай кансалідацыі, невычэрпнай крыніцай, духоўна-культурным сховішчам традыцый і звычаяў кожнага народа, яго душой. Сучасная лінгвістычная навука сцвярджае, што мова – гэта не толькі гістарычна сфарміраваная сістэма супольнасці людзей, але і сродак, з дапамогай якога людзі могуць ператвараць свае думкі ў духоўна-культурнае багацце грамадства, назапашваць веды і перадаваць іх новым пакаленням. Як вядома, “нацыянальнай называецца мова, якая з’яўляецца сродкам пісьмовых і вусных зносін нацыі” [2, с. 368].

Свае адметныя асаблівасці ўласцівы і беларускай мове. Менавіта мова выступала найважнейшым сродкам захавання і перадачы сацыяльна-гістарычнага вопыту беларускага народа, формай увасаблення яго светапогляду, духоўных каштоўнасцей, мастацка-эстэтычнага вопыту і навуковых дасягненняў. На працягу многіх стагоддзяў беларуская мова была неад’емным элементам фарміравання нацыянальнай культуры і дзяржаўнасці, з’яўляючыся галоўным паказчыкам ідэнтыфікацыі народа.

У шэрагу прац беларускіх вучоных-лінгвістаў, гісторыкаў, антраполагаў, этнолагаў пераканаўча даказана, што беларуская мова – адна з самых старажытных славянскіх моў[4]. Ужо ў XIX стагоддзі ўпершыню паўстала пытанне аб самастойнай беларускай мове, што з’явілася адным з важных фактараў умацавання беларускай этнічнай самасвядомасці. Гэтаму ў значнай меры спрыяла развіццё этнаграфіі і фальклярыстыкі. З’явіўся шэраг публікацый пра вусную народную творчасць беларусаў: песні, казкі, прыказкі, прымаўкі; былі выдадзены этнаграфічныя зборнікі, у якіх папулярызавалася беларуская мова. Ля вытокаў фарміравання беларускай літаратурнай мовы стаялі прадстаўнікі мясцовай інтэлігенцыі.

---

[1] Мова – сістэма знакаў, якая самаарганізуецца і выконвае ў грамадстве шэраг важных функцый. Найбольш значнымі з іх з’яўляюцца наступныя: кагнітыўная, камунікатыўная, рэгулятыўная, выхаваўчая, фатычная, эматыўная, намінатыўная, метамоўная, эстэтычная, апелятыўная, дэнататыўная, эўрыстычная, аксіялагічная і інш.

[2] На пачатак 2020 г., па даных ЮНЕСКА, у свеце налічвалася 7117 моў. Напрыклад, у Папуа-Новая Гвінея налічваецца 840 жывых моў, на шматлікіх астравах Інданезіі – 710 моў, у Нігерыі, якая ў недалёкай будучыні зойме трэцяе месца ў свеце па колькасці жыхароў, налічваецца 524 мовы. Сёння каля 40 % моў свету знаходзяцца на мяжы знікнення.

[3] “Этнографическая карта Беларуского племени” складзена ў 1918 г. Я. Ф. Карскім. Выданне надрукавана ў Ваенна-тапаграфічным аддзеле галоўнага ўпраўлення Генеральнага штаба. Я. Ф. Карскі – філолаг-славіст, фальклярыст, палеограф, этнограф. Выдатны даследчык культуры беларускага народа, мовы, літаратуры іншых славянскіх народаў. Заснавальнік беларускага навуковага мовазнаўства і літаратуразнаўства. Аўтар больш за 700 навуковых прац па славістыцы, беларусістыцы, русістыцы, у тым ліку грунтоўных даследаванняў па дыялекталогіі, гісторыі беларускай мовы, літаратуры, фальклоры, этнаграфіі і інш. Фундаментальная праца “Беларусы” – вышэйшае дасягненне еўрапейскай славістыкі канца XIX – пачатку XX ст., фактычна энцыклапедыя беларусазнаўства. Я. Ф. Карскі быў акадэмікам Імператарскай Санкт-Пецярбургскай акадэміі навук (1916 г., член-карэспандэнт з 1901 г.), Расійскай акадэміі навук (1917 г.) і Акадэміі навук СССР (1925 г.), правадзейны член Інстытута беларускай культуры, пазней – Беларускай акадэміі навук (1922 г.) і Чэшскай акадэміі навук (1929 г.).

[4] Славянскія мовы прынята дзяліць на тры групы: усходнеславянская група – руская, украінская, беларуская мовы; заходнеславянская – польская, славацкая, чэшская мовы; паўднёваславянская – сербахарвацкая, балгарская, македонская, славенская мовы. На гэтых мовах размаўляюць больш за 400 мільёнаў чалавек.

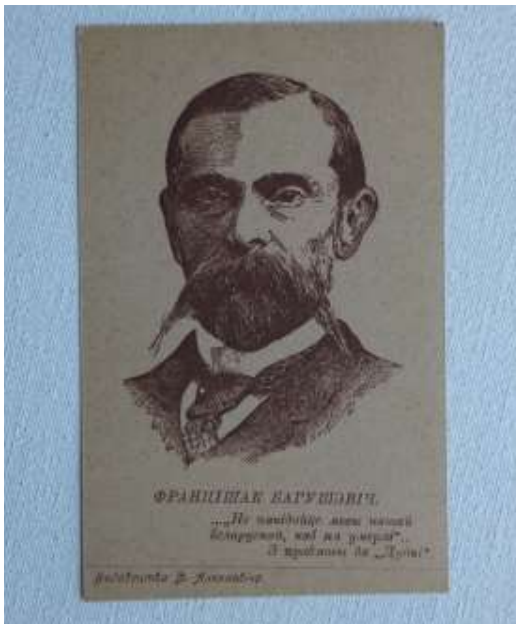

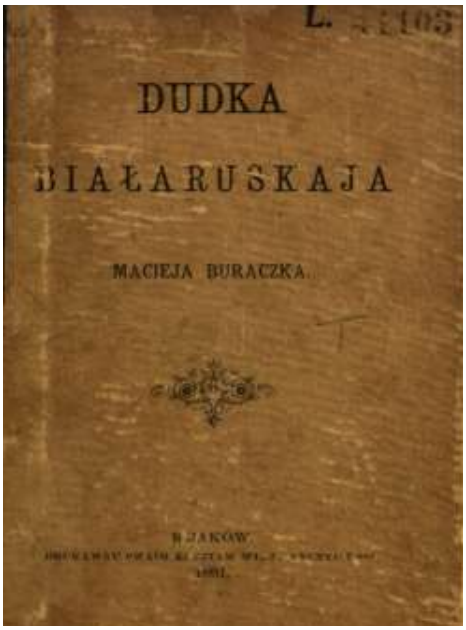

Прыжыццёвыя выданні Я. Ф. Карскага (1861–1931 гг.)
Lifetime editions of E. F. Karsky (1861–1931)

Ужыванне беларускай мовы значна актывізавалася ў канцы XIX стагоддзя. Яе пачалі выкарыстоўваць у літаратурных творах такія выдатныя нацыянальныя пісьменнікі і паэты, як Францішак Багушэвіч, Алаіза Пашкевіч (Цётка), Максім Багдановіч, Янка Купала, Якуб Колас і многія іншыя, нягледзячы на тое, што іх творы ў гэты перыяд яшчэ не падпарадкоўваліся адзіным арфаграфічным і граматычным нормам. Грунтоўнае навуковае даследаванне асаблівасцей беларускай мовы ўпершыню правёў Я. Ф. Карскі. У сваёй трохтомнай працы “Беларусы”, выдадзенай у 1902–1922 гадах, ён усебакова раскрыў не толькі для беларусаў, але і для свету самабытнасць, нацыянальную адметнасць беларускага народа, паказаў багацце яго культуры і мовы [3–5]. У 1906 годзе ў Пецярбургу было заснавана першае беларускае выдавецкае таварыства “Загляне

Выданні Францішка Багушэвіча (1840–1900 гг.)
Publications of Frantsisk Bogushevich (1840–1900)

сонца і ў наша аконца”[1]. Галоўнай яго задачай з’яўлялася “друкаваць і распаўсюджваць сярод людзей кніжкі беларускія і ўсё, што тычыцца Беларусі”. У гэтым жа годзе пабачыла свет і першая легальная беларуская газета “Наша доля”[2], дзе друкаваліся матэрыялы, якія заахвочвалі беларусаў да нацыянальнага жыцця.

[1] “Загляне сонца і ў наша аконца” – першае беларускае легальнае выдавецкае таварыства. Заснавана 5 мая 1906 г. у Пецярбургу групай перадавой інтэлігенцыі па ініцыятыве выкладчыка Пецярбургскага ўніверсітэта Б. Эпімах-Шыпілы. Першай кнігай выдавецтва з’яўляўся “Беларусі лемантар, або Першая навука чытання”. Гэта быў падручнік для дзяцей беларусаў, нягледзячы на тое, што на той час не існавала ніводнай беларускай школы. Упершыню былі выдадзены “Дудка беларуская” і “Смык беларускі” Ф. Багушэвіча; “Гапон”, “Вечарніцы”, “Шчароўскія дажынкі. Купалле” В. Дуніна-Марцінкевіча; “Жалейка”, “Сон на кургане”, “Шляхам жыцця”, “Паўлінка” Янкі Купалы; “Батрак” Якуба Коласа; “Абразкі” Змітрака Бядулі; “Песні” Цішкі Гартнага.

[2] “Наша доля” – штотыднёвая газета. Першы нумар выйшаў 14 верасня 1906 г. Палова накладу друкавалася кірыліцай, а другая палова – лацінкай. Разавы тыраж склаў 10 тыс. экзэмпляраў. Чатыры з шасці нумароў былі канфіскаваныя. У студзені 1907 г. выданне газеты было забаронена.

Важную ролю ў фарміраванні нацыянальнай мовы і культуры, павышэнні самасвядомасці беларусаў адыграла газета “Наша Ніва”[1]. На яе старонках фарміраваліся лексічныя і граматычныя нормы новай беларускай літаратурнай мовы. Рэпрэзентуючы беларускую рэчаіснасць, газета, з аднаго боку, адлюстроўвала на сваіх старонках асаблівасці маўленчай культуры беларускага народа, з другога – актыўна ўплывала на яе фарміраванне, паскараючы працэс нацыянальнай крышталізацыі. Як справядліва адзначаў М. І. Ермаловіч, газета была голасам народа, яго “духоўным асяродкам, розумам і сэрцам” [6, с. 166]. Дзейнасць аўтараў “Нашай Нівы” станоўча паўплывала на ўмацаванне гістарычнай памяці і нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Заклікамі захоўваць і вывучаць беларускую мову былі напоўнены многія творы беларускіх паэтаў і пісьменнікаў. Гэта тэма пранікнёна гучала ў зборніках Францішка Багушэвіча “Дудка беларуская” і “Смык беларускі”, вершы “Роднай старонцы” Янкі Лучыны, зборніках Алаізы Пашкевіч “Хрэст на свабоду” і “Скрыпка беларуская”, паэмах Янкі Купалы “Курган” і “Бандароўна”, паэмах Якуба Коласа “Новая зямля” і “Сымон-музыка”, вершы-гімне “Пагоня” Максіма Багдановіча і многіх іншых. Так, у вядомым наказе Францішка Багушэвіча “Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі!”, які прагучаў у прадмове да зборніка “Дудка беларуская”, паэт заклікаў беларускі народ захоўваць родную мову, якая з’яўляецца найважнейшым фактарам фарміравання нацыянальнай дзяржаўнасці. Глыбока перакананым у неабходнасці захавання роднай мовы заставаўся Янка Купала, які сцвярджаў, што пакуль жыве мова – жыве і народ. Гэтай думкай прасякнуты яго верш “Роднае слова”:

“Бяссмертнае слова ты, роднае слова!
Ты крыўды, няпраўды змагло;
Хоць гналі цябе, накладалі аковы,
Дый дарма: жывеш, як жыло!”

Любоў да роднай мовы ва ўяўленні класіка айчыннай літаратуры – адна з найважнейшых праяў любові да Айчыны і свайго народа, неабходная ўмова нацыянальнага адраджэння. Ідэі захавання і развіцця беларускай мовы не губляюць сваёй актуальнасці і сёння.

Дзякуючы намаганням многіх сучасных беларускіх вучоных-лінгвістаў пераканаўча даказана, што беларуская мова, з’яўляючыся адной з самых старажытных славянскіх моў, сёння дастаткова развітая і шырока выкарыстоўваецца ва ўсіх сферах жыцця нашага грамадства. Пачынаючы

Прэзентацыя “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы”, Мінск,
Прэзідыум НАН Беларусі, 26 кастрычніка 2017 г.

Presentation of the “Historical Dictionary of the Belarusian Language”, Minsk,
Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, October 26, 2017

[1] “Наша Ніва” – беларуская штотыднёвая грамадска-палітычная, навукова-асветніцкая і літаратурна-мастацкая газета, выдавалася ў Вільні ў 1906–1915 гг. Выходзіла на беларускай мове кірыліцай, а таксама беларускай лацінкай.

з 60-х гадоў XX стагоддзя ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі пад кіраўніцтвам членаў-карэспандэнтаў, дактароў філалагічных навук НАН Беларусі А. І. Жураўскага і А. М. Булыкі ажыццяўлялася мэтанакіраваная распрацоўка канцэпцыі ўнікальнага выдання – "Гістарычны слоўнік беларускай мовы". Некалькі пакаленняў таленавітых беларускіх лінгвістаў займаліся даследчай працай і ўнеслі важкі ўклад у распрацоўку фундаментальнага акадэмічнага праекта. Вельмі складанай задачай аказалася вызначэнне крыніц фактычнага матэрыялу. Варта адзначыць, што большая частка помнікаў старабеларускага пісьменства знаходзіцца за межамі Беларусі. Вучоныя-лінгвісты здолелі ажыццявіць велізарную пошукавую працу і прывезці на Радзіму фотакопіі шматлікіх гістарычных твораў. У выніку была складзена арыгінальная картатэка, якая налічвае больш за мільён картак. Намаганнямі даследчыкаў ў 2017 годзе было завершана і выдадзена ўнікальнае 37-томнае выданне.

Амаль за 80-гадовы перыяд працы беларускія вучоныя змаглі выявіць і апісаць больш за 75 тысяч слоў, зафіксаваных у граматах, дагаворах, статутах, летапісах, хроніках, хранографах, воінскіх і рыцарскіх раманах і аповесцях, мемуарных, публіцыстычных, навуковых і рэлігійных творах XIV–XVIII стагоддзяў. Важна падкрэсліць, што гэта быў перыяд, калі беларускія землі з'яўляліся цэнтрам магутнай еўрапейскай дзяржавы – Вялікага Княства Літоўскага, а старабеларуская мова выконвала функцыі дзяржаўнай мовы.

"Гістарычны слоўнік беларускай мовы" ў 37 выпусках
"Historical Dictionary of the Belarusian Language" in 37 issues

Варта заўважыць, што ў гэтай фундаментальнай працы акадэмічныя лінгвісты ўпершыню ў гісторыі ажыццявілі грунтоўнае лексікаграфічнае даследаванне, у якім найбольш поўна адлюстравана гісторыя і багацце слоўнікавага фонду старажытнай беларускай мовы. Сёння "Гістарычны слоўнік" з'яўляецца надзейнай крыніцай звестак не толькі пра фарміраванне беларускай мовы, але і пра мінулае Беларусі, ён змяшчае каштоўную інфармацыю пра сацыяльна-эканамічнае жыццё, матэрыяльную і духоўную культуру беларускага народа на працягу 500-гадовай гісторыі.

Даследчая праца вучоных-лінгвістаў паспяхова працягваецца і сёння, пра што пераканаўча сведчаць дасягненні Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. У якасці прыкладу можна згадаць распрацоўку і стварэнне поўнага беларускага лінгвістычнага даведніка "Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы" [7]. Аўтарскі калектыў Інстытута мовазнаўства і Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам доктара філалагічных навук В. П. Русак распрацаваў метадалогію канвертавання электроннага арфаграфічнага запісу беларускіх слоў у транскрыпцыю і стварыў першы поўны беларускі лінгвістычны даведнік. Выданне стала пераможцам конкурсу "ТОП-10" па выніках дзейнасці вучо-

14. Cooper, M. Clinical labor: tissue donors and research subjects in the global bioeconomy / M. Cooper, C. Waldby. – Durham : Duke Univ. Press, 2014. – 290 p. https://doi.org/10.1215/9780822377009

15. Tauli-Corpuz, V. Biotechnology and indigenous peoples / V. Tauli-Corpuz // Redesigning life?: the worldwide challenge to genetic engineering / ed. B. Tokar. – Montreal ; London, 2001. – P. 252–270.

16. Burrows, B. Patents, ethics and spin / B. Burrows // Redesigning life?: the worldwide challenge to genetic engineering / ed. B. Tokar. – Montreal ; London, 2001. – P. 238–251.

17. Baylis, F. Women and health research: from theory, to practice, to policy / F. Baylis, J. Downie, S. Sherwin // Embodying bioethics: recent feminist advances / ed.: A. Donchin, L. M. Purdy. – Lanham, 1999. – P. 253–268.

18. Тищенко, П. Д. Этические проблемы развития биотехнологий / П. Д. Тищенко // Биоэтика и гуманитар. экспертиза. – 2008. – № 2. – С. 55–82.

19. Fumagalli, A. M. Valorization and financialization in cognitive biocapitalism / A. M. Fumagalli, S. Lucarelli // Investment Management a. Financial Innovations. – 2011. – Vol. 8, iss. 1. – P. 88–103.

20. Малабу, К. Жизнь одна: сопротивление биологическое, сопротивление политическое [Электронный ресурс] / К. Малабу. – Режим доступа: https://syg.ma/@sygma/katrin-malabu-zhizn-odna-soprotivlieniie-biologhichieskoie-soprotivlieniie-politichieskoie. – Дата доступа: 29.03.2020.

References

1. Rykhtik M., Kvashnin D. Contemporary biopolitics and issues of new riskcs management (problem description). *Vlast' = Power,* 2009, no. 8, pp. 28–31 (in Russian).

2. Negri A. Labor of multitude and the cloth of biopolitics. *Polit.ru*. Available at: https://polit.ru/article/2008/12/03/negri/ (accessed 03.03.2020) (in Russian).

3. Gorz A. *L'immatériel: connaissance, valeur et capital* [The intangible: knowledge, value and capital]. Paris, Galilée, 2003. 152 p. (in French).

4. Yu J., Liu J. The new biopolitics. *Journal of Academic Ethics*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 287–296. https://doi.org/10.1007/s10805-009-9098-8

5. Shenk D. Biocapitalism: what price the genetic revolution? *Harper Magazine*, 1997, December, pp. 37–45.

6. Agamben G. If the state cuts through your body. *Gefter.ru*. Available at: http://gefter.ru/archive/7525 (accessed 06.03.2020) (in Russian).

7. Agamben G. *Upcoming community*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008. 144 p. (in Russian).

8. Mbembe A. At the edge of the world: boundaries, territoriality, and sovereignty in Africa. *Public Culture*, 2000, vol. 12, no. 1, pp. 259–284. https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259

9. Fumagalli A. M., Morini C. Cognitive bio-capitalism, social (re)production and the precarity trap: Why not basic income? *Knowledge Cultures*, 2013, vol. 1, no. 4, pp. 106–126.

10. Miller T., McHoul A. *Popular culture and everyday life*. London, Sage, 1998. 240 p.

11. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. *Global capitalism: three great transformations*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2008. 608 p. (in Russian).

12. Lekhtsier V. L. *Illness: experience, narrative, hope*. Vilnius, Logvinau Publ., 2018. 312 p. (in Russian).

13. Vatolina Yu. *"Ethics of care" vs. Medicine as technology: the sceneries of deconstruction*. Available at: https://syg.ma/@iuliia-vatolina/etika-zaboty-vs-mieditsina-kak-tiekhnologhiia-stsienarii-diekonstruktsii (accessed 20.03.2020) (in Russian).

14. Cooper M., Waldby S. *Clinical labor: tissue donors and research subjects in the global bioeconomy*. Durham, Duke University Press, 2014. 290 p. https://doi.org/10.1215/9780822377009

15. Tauli-Corpuz V. Biotechnology and indigenous peoples. *Redesigning life?: the worldwide challenge to genetic engineering*. Montreal, London, 2001, pp. 252–270.

16. Burrows B. Patents, ethics and spin. *Redesigning life?: the worldwide challenge to genetic engineering*. Montreal, London, 2001, pp. 238–251.

17. Baylis F., Downie J., Sherwin S. Women and health research: from theory, to practice, to policy. *Embodying bioethics: recent feminist advances*. Lanham, 1999, pp. 253–268.

18. Tishchenko P. D. Ethical problems of biotechnological development. *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza* [Bioethics and Humanitarian Expertise], 2008, no. 2, pp. 55–82 (in Russian).

19. Fumagalli A. M., Lucarelli S. Valorization and financialization in cognitive biocapitalism. *Investment Management and Financial Innovations*, 2011, vol. 8, iss. 1, pp. 88–103.

20. Malabu K. *Life is the only one: resistance biological, resistance political*. Available at: https://syg.ma/@sygma/katrin-malabu-zhizn-odna-soprotivlieniie-biologhichieskoie-soprotivlieniie-politichieskoie (accessed 29.03.2020) (in Russian).

Информация об авторах

Надежда Сергеевна Ильюшенко – научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: n.iliushenko@gmail.com.

Ольга Игоревна Давыдик – научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: volha.davydzik@gmail.com.

Information about the authors

Nadezhda S. Iliushenko – Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: n.iliushenko@gmail.com.

Olga I. Davydik – Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov, Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: volha.davydzik@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 316(075.8)
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-417-423

Поступила в редакцию 27.07.2020
Received 27.07.2020

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ПРИОРИТЕТ КУЛЬТУРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИДЕАЛА БУДУЩЕГО

Аннотация. Доказывается приоритетная роль культуры при формировании идеала будущего, раскрывается технология этого процесса. Рассматривается культура как среда сохранения и трансформации духовного наследия. Крупные перемены предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысления и обновления фундаментальных жизненных смыслов и базовых ценностей. В современных условиях происходят стихийный поиск возможных решений назревших проблем, размывание жизненных смыслов, в том числе таких основополагающих понятий, как гражданство, национальная, профессиональная и религиозная идентичность. Такая неопределенная ситуация не может оставаться бесконечно долгой. Культура, адсорбировав возможные варианты развития, делает свой выбор идеала будущего. Сегодня нет видения будущего у большинства постсоветских стран, а жить без концепции будущего бессмысленно.

Анализируются концепции, которые могли бы объяснить проблемы выстраивания общего видения идеала будущего, точки роста новых ценностей, которые формируются в недрах старой культуры. Представляются ориентиры и цели, которые большинство населения желало бы достигнуть. Ответом на новые риски выступает адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, а также формирование новых жизненных смыслов и ценностей. Поскольку будущее человечества многовариантно и не задано однозначно, гуманитарные науки не успевают за слишком быстрыми переменами. Тем более, что современные технологии помимо пользы несут человеку и новые проблемы, открывая широкие возможности информационному насилию, манипуляции общественным сознанием.

Целью статьи является раскрытие приоритета культуры при формировании идеала будущего. Представляется, что именно культура является той сферой надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, где формируется идеал будущего.

Ключевые слова: культура, приоритет культуры, жизненные смыслы, ценности, идеал будущего, информационное насилие, манипуляции общественным сознанием

Для цитирования: Данилов, А. Н. Приоритет культуры при формировании идеала будущего / А. Н. Данилов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 417–423. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-417-423

Alexander N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

PRIORITY OF CULTURE IN FORMING THE IDEAL OF THE FUTURE

Abstract. The priority role of culture in formation of the ideal of the future is proved, the technology of this process is revealed. Culture is considered as an environment for the preservation and transformation of spiritual heritage. Major changes involve cultural change, which, as a rule, are the result of rethinking and updating fundamental life meanings and basic values. In modern conditions, there is a spontaneous search for possible solutions to pressing problems, the erosion of life meanings, including such fundamental concepts as citizenship, national, professional and religious identity. Such an uncertain situation cannot remain indefinitely. Culture, having adsorbed possible development options, makes its choice of the ideal of the future. Today, most post-Soviet countries have no vision of the future, and living without a concept of the future is meaningless.

Concepts are analyzed that could explain the problems of building a common vision of the ideal of the future, points of growth of new values that are formed in the depths of the old culture. It presents benchmarks and goals that the majority of the population would like to achieve. The response to new risks is the adequate development of national culture, which naturally is in dialogue with world culture, the formation of new meanings and values in life. Since the future of humanity is multivariate and not unambiguous. The humanities are not keeping pace with too rapid change. Moreover, in addition to benefits, modern technologies bring new problems to a person, opening up wide opportunities for information violence, manipulation of public consciousness.

© Данилов А. Н., 2020

The purpose of the article is to reveal the priority of culture in the formation of the ideal of the future. It seems that it is culture that is the sphere of the supra-biological programs of human life, where the ideal of the future is formed.

Keywords: culture, the priority of culture, meanings of life, values, the ideal of the future, informational violence, manipulations with public consciousness

For citation: Danilov A. N. Priority of culture in forming the ideal of the future**.** *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 417–423 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-417-423

Введение. В ситуации, когда современный мир приобрел многообразные черты неопределенности, примечательным стал возврат к пониманию и осмыслению всей многогранной и сложной проблематики формирования идеала будущего. Тем более, что интерес человечества к будущему наблюдался всегда и был зафиксирован уже на ранних этапах его развития. Не случайно к XIX в. зарождается такой жанр литературы и искусства, как фантастика, который включает описания возможных сценариев будущего, появляются периодические научные издания, реализуется идея об институционализации проблематики будущего. Эта потребность осуществляется в общественной жизни и вскоре приобретает официальный государственный статус. В настоящее время сложились и функционируют различные сообщества, фокусирующиеся на осмыслении феномена будущего и осуществляющие прогнозы социального развития.

При этом нельзя не отметить, что научное осмысление происходящих перемен при формировании идеала будущего происходит без мобилизации всего созидательного потенциала общества. Особенно это заметно сейчас, в условиях глобальной нестабильности, новых вызовов, непредсказуемости настоящего. Что влияет на этот процесс и как зарождаются варианты выбора? Какое место в этом сложном механизме занимают надбиологические программы, регулирующие социальную жизнь, деятельность, поведение и общение людей? И почему культура становится той сложноорганизованной, исторически развивающейся системой надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, где формируется идеал будущего?

Основная часть. В условиях глобальной нестабильности, в переломные этапы человеческой истории в самых различных сферах культуры происходят стихийный поиск возможных решений назревших проблем, размывание жизненных смыслов, в том числе таких основополагающих понятий, как гражданство, национальная, профессиональная и религиозная идентичность. Такая неопределенная ситуация не может оставаться бесконечно долгой. Культура, адсорбировав возможные варианты развития, сделает свой выбор идеала будущего. Время по-разному высвечивает этот процесс. В частности, известный немецкий аналитик Винфрид Бёттчер в свое время писал: «Системный кризис, в котором мы находимся самое позднее с 1990 г., будет длиться, пока мы на Западе не признаем, что и мы должны претерпеть преобразования вместе с Востоком в новую систему. Наши в XIX веке сформированные понятия и идеи не годятся более для XXI века. Мы находимся в глубоком общественно-политическом кризисе. Не только в сфере экономики мы едва ли представляем, как дальше вести дело. <…> Параллельно с экономическим кризисом идет распад ценностей. У нас нет ответа на вопрос, как мы собираемся жить завтра» [1, с. 7]. К сожалению, нет такого видения будущего и у большинства постсоветских стран. А без ясного видения перспектив вряд ли можно рассчитывать на поддержку народа, без которой эти страны обречены на перманентный кризис и новые революции.

Человечество сегодня еще далеко от достижения консенсуса по самым острым вопросам современности. И первый из этих самых острых вопросов: как уберечь мир от угрозы новых потрясений, войн и революций, его полного уничтожения? Юваль Ной Харари в своем бестселлере отмечает: «В конце XX века казалось, что грандиозные идеологические сражения между фашизмом, коммунизмом и либерализмом завершились полной победой последнего, что демократия, права человека и капитализм с его свободным рынком обречены на торжество во всем мире. Но история, как всегда, совершила неожиданный вираж – и после краха фашизма и коммунизма под угрозой оказался либерализм. Куда же мы движемся теперь?» [2, с. 12–13]. И далее: «… В 1938 г. человечество могло выбирать из трех глобальных проектов; в 1968 г. – из двух; в 1998 г. казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018 г. мы остались ни с чем. Неудивительно, что либеральные элиты, которые в последние десятилетия диктовали повестку почти всему миру, испы-

тали шок и растерянность. Жить с единственной концепцией очень удобно: все абсолютно ясно. А вот остаться совсем без концепции страшно – все кажется бессмысленным» [2, с. 22].

В настоящее время идет активный поиск концепций, которые могли бы объяснить проблемы выстраивания общего видения идеала будущего. Можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности? Сегодня в защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Без богатства внутреннего мира человека наступает эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью. Мы должны признать, что строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания. Но насколько устойчива такая опора? Ведь эти ступеньки человека разумного в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а источником эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу.

Как получилось, что отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой? Семья, построенная на любви мужчины и женщины, трактуется как отживший анахронизм. Человеческая жертвенность, подвижничество, проявление героизма осмеиваются и подвергаются остракизму, во главу угла ставится свобода нравов. Такая ситуация ведет мир к хаосу, народы и люди утрачивают способность договариваться, не испытывают потребности в диалоге. В результате у небольшой группы людей появляется реальная возможность безраздельно править миром. Теории, ранее воспринимавшиеся как самые фантастические утопии, могут превратиться в реальность.

Время диктует необходимость перехода к принципиально новому типу цивилизационного развития, где вновь возникает ключевой вопрос о ценностях, задающих ориентиры этого перехода. Новые ценности должны начать формироваться в недрах старой культуры, необходимо отыскать их точки роста. Здесь следует отметить важность органичной связи рассматриваемых аспектов системной трансформации с политической организацией мирового сообщества. В обществе перманентно возникает потребность в переменах и власть должна улавливать эти импульсы, искать адекватный ответ, чтобы существующие ростки нового воплотились в идеале прогресса.

Все ускоряющаяся динамика времени, глобальный характер перемен в сфере коммуникации и диалоге культур меняют наши представления о культуре: «До периода научно-технической революции культура в силу относительно небольшого и нединамического поля коммуникации была стационарным образованием. Понятие культуры в некотором смысле всегда выражало то, что остается стабильным на протяжении не только жизни отдельного человека, но и многих поколений. Жизнь людей протекала как бы на фоне культуры, и включение в нее каких-то новых ценностей могло занять целую жизнь человека. Ценности становились внутрикультурными после достаточно длительного историко-социального отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей» [3, с. 89].

Чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которые большинство желало бы достигнуть… и новые герои должны вести к новым высотам, сознательно нести свой нелегкий крест, быть нравственным, моральным примером, жертвуя собой. Новое состояние цивилизации – это крутой поворот в развитии ее ценностного содержания. А. А. Гусейнов писал: «Советская “Атлантида” ушла под воду. И мы там, где находятся все народы, – в суровой реальности, где бал правит частный интерес и где каждый за себя» [4, с. 434]; «Поражает другое. Все сколько-нибудь серьезные исторические изменения… сопровождались интеллектуально-духовными прорывами. Достаточно назвать всплеск в поэзии, литературе, кино, философии, порожденные хрущевской оттепелью. А сейчас? Произошли фундаментальные изменения строя жизни, положения… в мире – и никакого отзвука на высших этапах сознания… Надо задуматься: что собой представляют, куда ведут преобразования, которые осуществляются без вдохновения, без мысли и чувства?» [4, с. 451]; «…Для сдавшейся армии поэты не слагают гимнов, композиторы не пишут маршей» [4, с. 452]; «Будущее не падает с неба, оно делается сейчас» [4, с. 468].

В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей, без должного

историко-социального отбора, что может создавать иллюзию будущего. Может возникнуть опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей.

Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. Все больше в мире ощущается недостаток в духовных лидерах, способных увидеть мир, адекватный новым вызовам. Великий Ли Куан Ю в своих размышлениях о будущем писал: «Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас» [5, с. 362].

Ответом на новые риски должны выступать адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей: «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня – одна из главных задач философии» [6, с. 740]; «В центре философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества» [6, с. 761]; «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение в свою очередь требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий – “человек”, “природа”, “человеческая деятельность”, “личность”, “рациональность”, “власть”, “добро”, “зло”, “справедливость”, “свобода” и т. д.» [6, с. 762].

Прав Л. И. Абалкин, который утверждал, что «будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью <…> Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций?» [7, с. 21]. В этой ситуации приоритет культуры в формировании идеала будущего обозначился вполне конкретно. Хотя так получилось, что гуманитарные науки запаздывают в осмыслении слишком быстрых и глобальных перемен. «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития», – писал В. С. Стёпин [6, с. 737]. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность.

В общественной жизни аналогом такого генофонда В. С. Степин видел культуру: «Причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование» [6, с. 726].

Культура все больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия: «В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия» [6, с. 429]. В. С. Стёпин проводит аналогию между биологическими организмами, опыт приспособления которых фиксируется в их наследственных генетических кодах, в совокупности представляющих генофонд жизни, и общественной жизнью, где таким генофондом является культура. Причем ее основания, т. е. мировоззренческие универсалии, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности.

Наполнение новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека.

Время содержательно меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человека, со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационной средой обитания. С современной информационной коммуникационной революцией радикально изменился сам механизм восприятия и влияния информации. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. Подтверждением тому могут служить размышления В. С. Стёпина о точках роста новой цивилизации: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [8, с. 10].

Человеку дано наблюдать этот процесс, но в его ли силах изменить мир? Постепенно накапливается исследовательский материал, который мог бы определить контуры новой стратегии цивилизационного развития. В этой связи возникает вопрос о предпосылках и механизмах формирования точек роста нового содержания матрицы ценностей, как ответ на перемены в мире и мутации, происходящие в его культурном коде.

Однако современные технологии несут человеку и новые беды. Они открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляции с общественным сознанием. На современном этапе на роль доминирующего сценария претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада.

Так сложилось, что сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, реально нет идеала, заимствовать который стремись бы другие. Поэтому вполне закономерно, что новые независимые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. В. С. Степин, в частности, писал, что «сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития» [8, с. 11].

На наш взгляд, «мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Признание устройства жизни и модели развития сильнейшего в качестве образца – это капитуляция, сдача своих национальных интересов и, таким образом, перекодирование собственных культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего» [9, с. 9].

Сегодня уже очевидно, что мир вновь меняет свои очертания. Что для него спасительно? Что губительно? Как устоять в этом смерче событий государствам и народам, не потеряв жизненные

ориентиры и не отказываясь от своих традиций, идеалов и ценностей? Только культура спасет мир, необходимо это принять как должное и работать на ее сохранение и развитие.

Заключение. Очевидно, что культура ассоциируется со средой сохранения цивилизационного наследия и процессом его трансформации. В сфере коммуникации и диалоге культур происходит отбор жизненных смыслов и ценностей, которые остаются стабильными на протяжении всей жизни. А вновь возникающие ценности становятся внутрикультурными, переходят в перечень базовых только после длительного историко-социального отбора. Процесс этот протекает стихийно, в самых различных сферах культуры, ускоряется в ситуации перемен. На сегодняшний день в мире нет укорененного образа будущего, идет активный поиск концепций, которые могли бы объяснить проблемы выстраивания общего идеала будущего.

Время диктует необходимость перехода к принципиально новому типу цивилизационного развития, где вновь возникает ключевой вопрос о трансформации ценностей, задающих ориентиры этого перехода. Новые ценности должны начать формироваться в недрах старой культуры, и важно определить их точки роста. Поэтому в центре гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. Поэтому такие масштабные изменения требуют трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность.

Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека. Современные технологии небезопасны для человека своей возможностью к информационному насилию, манипулированием общественным сознанием. Поэтому мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Поэтому вполне оправдано, что именно культура спасет мир.

Список использованных источников

1. Бёттчер, В. Восток изменил Запад / В. Бёттчер // Беларусь в мире. – 1997. – № 1. – С. 6–8.

2. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари ; пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М. : Синдбад, 2019. – 414 с.

3. Миронов, В. Современные трансформации культуры / В. Миронов. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 117 с. – (Избранные лекции Университета / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов ; вып. 122).

4. Гусейнов, А. А. Философия – мысль и поступок : статьи, доклады, лекции, интервью / А. А. Гусейнов. – СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2012. – 848 с.

5. Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира / Ли Куан Ю ; пер. с англ. И. Евстигнеева. – М. : Альпина нон-фикшн, 2017. – 445 с.

6. Стёпин, В. С. Человек. Деятельность. Культура. – СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2018. – 796 с.

7. Абалкин, Л. И. Поиск путей взаимопонимания цивилизаций / Л. И. Абалкин // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб., 2009. – С. 20–21.

8. Стёпин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Стёпин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.

9. Данилов, А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации / А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 4. – С. 4–12.

References

1. Boettscher W. The east changed the west. *Belarus` v mire = Belarus in the World*, 1997, no. 1, pp. 6–8.

2. Harari Y. N. *21 lessons for the 21st century*. New York, Spiegel & Grau, 2018. 372 p.

3. Mironov V. *Modern transformation of culture. Selected lectures of the University. Iss. 122*. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2011. 117 p. (in Russian).

4. Guseinov A. A. *Philosophy – thought and deed: articles, reports, lectures, interviews*. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2012. 848 p. (in Russian).

5. Lee K. Y. *One man's view of the world*. Singapore, Straits time press, 2013. 327 p.

6. Stepin V. S. *Person. Activity. Culture*. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2018. 796 p. (in Russian).

7. Abalkin L. I. Search for ways of understanding civilizations. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: IX mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 14–15 maya 2009 g.* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: IX International Likhachev's scientific readings, May 14–15, 2009]. St. Petersburg, 2009, pp. 20–21 (in Russian).

8. Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2017, no. 3, pp. 6–11 (in Russian).

9. Danilov A. N. New geopolitical realities of future civilization. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology,* 2017, no. 4, pp. 4–12 (in Russian).

Информация об авторе

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Information about the author

Alexander N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department. Belarusian State University (9 Kalvariyskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 1:304.5
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431

Поступила в редакцию 02.06.2020
Received 02.06.2020

П. А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПЛАНТАЦИЙ

Аннотация. Проанализирована эволюция институциональной матрицы ВКЛ, в которой выделены два этапа. На первом из них (дофедеративном) важную роль играла диффузия институтов, в первую очередь из Королевства Польского. Второй этап связан с вхождением ВКЛ в состав Речи Посполитой. Показано, что следствием образования федерации социумов с различным типом доминирующих институтов явилась трансплантация институтов экономически более развитого государства на другого участника союза. Подобная интеграция привела не только к положительным эффектам, но и к мутации трансплантированных институтов (усилению эксплуатации крестьянства при переходе к более прогрессивному фольварочному типу хозяйства). Перенесение западноевропейской системы наследования стало институциональной ловушкой, обусловившей широкое распространение подобных отдельным государствам ординаций, владельцы которых на микроуровне (в пределах своих хозяйств) опирались на редистрибутивные институты, а на макроуровне (государства в целом) для укрепления своих экономических позиций активно использовали рыночные политические институты.

Особенности политической сферы обусловили трансформацию социокультурной подсистемы институциональной матрицы ВКЛ. Усилилась экспансия католицизма, размывшая характерную для ВКЛ веротерпимость. Пришедшие из Польши в ВКЛ элементы субсидиарной идеологии понимались как предоставление исключительных прав только шляхте; приобщение к «золотым вольностям» отождествлялось с переходом в католичество и использованием польского языка.

Следствием проводимой центральной властью политики стали полонизация и окатоличивание состоятельного сословия; массовое недовольство малоимущих слоев населения, вылившееся в народные восстания XVII века; совпадение границ имущественных страт с конфессиональными и языковыми, что перенесло проблему социального неравенства в национальную плоскость и обусловило проявления межнациональной розни на землях бывшего ВКЛ в последующие столетия.

Отсутствие эффективного государственного управления трансплантацией институтов обусловило институциональный кризис, который в условиях разобщенности политических элит явился причиной распада всей образованной социальной системы.

Ключевые слова: институциональная матрица, базовые институты, трансплантация институтов, институциональный кризис, редистрибуривная экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Барахвостов, П. А. Великое Княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций / П. А. Барахвостов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 424–431. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431

Pavel A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

GRAND DUCHY OF LITHUANIA: INSTITUTIONAL TRANSPLANTATION EXPERIENCE

Abstract. This paper analyzes the evolution of the institutional matrix of the GDL and establishes two stages in it. The first (pre-federative) is characterized by institutional diffusion, from the Kingdom of Poland in the first place, whereas the second is linked with the formation of the Commonwealth of Poland and Lithuania. It is shown that, as the formed federation united societies with distinct types of dominating institutions, institutional transplantation occurred from the more

© Барахвостов П. А., 2020

economically developed country to the other. Such integration leads not only to positive implications but also to the mutation of the transplanted institutions (strengthening of serfdom during the transition to the more progressive *folwark* agriculture). Transfer of the Western European system of *fideicommissum* inheritance turned out to be an institutional pitfall since the indivisible manors – *ordynacii* – presented a case of a state within a state, with their owners relying on the redistributive institutions at the microlevel (within their estates) and pursuing the market institutions at the macrolevel (within the country as a whole) in order to cement their economic position.

Peculiarities of the political sphere conditioned the transformation of the socio-cultural subsystem of the GDL's institutional matrix. Roman Catholicism expanded rapidly, undermining the religious tolerance that the Grand Duchy had hitherto been known for. The elements of subsidiary ideology, coming from Poland, were understood as giving exceptional rights only to the *szlachta* stratum; acquisition of *the golden liberties* was equated with conversion to Catholicism and the use of the Polish language.

The consequences of these policies were the following: Polonization and mass conversion to Catholicism among the propertied classes; widespread resentment among the worse-off, morphing into popular uprisings in the XVII century; alignment of property, confession, and language groups in the society, which moved the social inequality issue into the ethnic dimension and contributed to interethnic strife in the lands of the former GDL in the centuries to come.

The absence of efficient governmental management of institutional transplantation caused an institutional crisis, which, with the political elites being disunited, was the reason for the entire social system to disintegrate.

Keywords: institutional matrix, basic institutions, institutional transplantation, institutional crisis, redistributive economy, market economy

For citation: Barakhvostov P. A. Grand Duchy of Lithuania: institutional transplantation experience. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 424–431 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431

Введение. Сложный период трансформации институциональной среды бывших социалистических стран, драматичное развитие этих процессов на постсоветском пространстве актуализировали проблему развития теории институциональных изменений в результате трансплантации институтов из других систем, что подразумевает радикальные преобразования по образцам, существующим в других государствах [1, с. 202]. Необходимость исследования определяется «ограниченностью наших знаний об институциональной динамике, о путях внедрения новых социальных технологий в общество, обладающее собственными сложными институтами, в особенности же о способах обеспечения новой организации экономики» [2, с. 11].

Одним из наиболее важных является вопрос об эффективности институциональной трансплантации, ее соответствии поставленным целям. Как правило, авторы рассматривают данную проблему с экономических позиций [3–7]. Более общим является подход, основанный на использовании теории институциональных матриц [8–10], развитой в трудах Д. Норта, К. Поланьи, С. Кирдиной и др. В соответствии с данной теорией, общество представляет собой социальную систему, образованную тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами: экономической, политической и социокультурной. Развитие каждой из них и всей системы в целом обеспечивает сложная система институтов, в которой можно выделить *базовые* институты, определяющие направленность коллективных и индивидуальных действий и образующие *институциональную матрицу*.

В институциональной матрице *одновременно* присутствуют два основных типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «*доминантность – компенсаторность*»: редистрибутивные и рыночные [10, p. 19]. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный / служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и элементы коммунитарной идеологии [11]. Модель рынка – это отношения купли–продажи, частная собственность, наемный труд, прибыль как сигнальный институт, федеративные начала государственного устройства, субсидиарная идеология [9].

Процесс трансплантации институтов длительный и затрагивает все элементы институциональной матрицы, вследствие чего эмпирическую базу его исследования, как правило, составляет исторический опыт отдельных стран [12–19].

Следует отметить, что исторический процесс непрерывен. Следовательно, элементы институциональной матрицы, характерные для предыдущих эпох, не исчезают бесследно, а находят отражение в современной институциональной матрице страны [20], оказывают влияние на эко-

номический уклад, определяют менталитет народа, его политическую культуру. Соответственно, удавшиеся и неудачные институциональные трансплантации прошлого опосредованно проявляются в настоящем и будущем социума. Поэтому для всеобъемлющего понимания особенностей развития Беларуси и прогнозирования его путей в XXI веке необходим детальный анализ состояния и трансформаций институциональных матриц, соответствующих предшествующим формам белорусской государственности, в том числе ВКЛ и Речи Посполитой, в рамках которых началось формирование белорусского этноса и были заложены основы белорусской идентичности [21, с. 543; 22–23]. Эта проблема решается в настоящей работе, целью которой является выявление особенностей институциональных трансплантаций в Великом Княжестве Литовском, оценка их эффективности, значения для формирования менталитета белорусского народа и дальнейшего развития социума. Исследование базируется на институциональном подходе, дополненном сравнительно-типологическим методом анализа.

Основная часть. Институциональная матрица ВКЛ до образования Речи Посполитой обладала доминирующими базовыми институтами редистрибутивного типа, что проявлялось, в первую очередь, в виде окончательно оформившегося при Витовте (1392–1430) централизованного государства и одаривания за верную службу из государственного фонда как основного механизма получения собственности. Столь раннее (в сравнении с западноевропейскими странами) формирование редистрибутивных институтов было связано с особенностями ландшафтно-климатических условий (обилием болот и непроходимых лесов, неблагоприятным климатом и, как следствие, скудным прибавочным продуктом в сельском хозяйстве, сложностью поддержания транспортных коммуникаций), требовавших особого кооперативно-интегрирующего взаимодействия внутри социума, а также с наличием постоянной внешней угрозы как с Востока, так и Запада.

Однако расположение ВКЛ на цивилизационном (византийско-западноевропейском) пограничье, отсутствие зависимости этих земель от Золотой Орды обусловили формирование выраженных (в значительно большей степени, чем, например, в соседнем Московском княжестве) институтов альтернативного (рыночного) типа. Некоторые из них сохранились в ВКЛ со времен Киевской Руси (вечевые русские традиции в функционировании органов местного самоуправления), некоторые (как например, юридически закрепленная веротерпимость) были обусловлены необходимостью сохранения целостности государства, включавшего два крупных, различных в религиозном отношении региона – языческий северо-запад и земли, населенные православными христианами. Следует отметить, что веротерпимость – институт, сложившийся во времена раннего ВКЛ, – стала одной из ключевых особенностей белорусского этноса.

Географическое расположение княжества обусловило сильное экзогенное воздействие на институциональную матрицу, в эволюции которой можно выделить два этапа. Первый из них, связанный с дофедеративным периодом в истории ВКЛ, характеризуется диффузным изменением институтов, обусловленным, в первую очередь, медленной институциональной конвергенцией с Польским королевством после Кревской унии. Среди новых институтов этого этапа: Магдебургское право, с 1387 г. регулировавшее по европейскому образцу экономическую деятельность, общественно-политическую жизнь горожан, защищавшее их имущество и сословное состояние; понятие о шляхетских привилегиях, нашедшее свое символическое выражение в гербах, появившихся в ВКЛ в 1413 г.; беспрецедентная для Восточной Европы кодификация права, выраженная в Судебнике 1468 г. и Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., содержащих ряд весьма прогрессивных для своего времени положений (о разделении властей, признании приоритета писаного права, индивидуализации ответственности).

Второй этап ассоциируется с вхождением ВКЛ в состав Речи Посполитой.

В Королевстве Польском еще до времени Кревской унии существовала более развитая, чем в ВКЛ, некоммунальная собственность. Вследствие более плодородных земель отдельные семьи были способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части материально-технической среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. Основной же функцией государства являлась не организация, а поддержание эффективного взаимодействия между обособлен-

ными хозяйствующими и социальными субъектами. Таким образом, доминирующими в институциональной матрице Польши были рыночные институты.

Люблинская уния, объединившая на условиях федерации ослабленное постоянными внешними угрозами ВКЛ и более сильную в экономическом отношении Польшу, запустила процесс быстрого полномасштабного перенесения «слепка» польской институциональной матрицы на образовавшееся государство. Серьезные экономические преобразования рыночного типа в ВКЛ, намеченные в 1557 г. «Уставой на волоки», ускорились. Исчезла характерная для восточных славян чересполосица, а крестьянская община была фактически ликвидирована: ответственность за выполнение податей возложили не на нее, а на отдельные семьи (“дымы”). Отметим, что эти преобразования на 300 лет опередили столыпинские реформы в Российской империи, направленные, в частности, на ликвидацию чересполосицы и крестьянской общины. Панские хозяйства, по польскому образцу, становились фольварками – теперь они выращивали зерно не для собственных нужд, а на продажу. Однако, что примечательно, в поле вместо вольнонаемных рабочих использовали крепостных, переведенных с характерного до этого оброка на барщину, период которой постоянно увеличивался. Подобный факт свидетельствует о мутации экономических рыночных институтов на землях ВКЛ: крестьяне, не имевшие ни времени, ни возможности производить сельскохозяйственный продукт на своих наделах, оказались исключены из товарно-денежных отношений.

Новым шагом в развитии рыночных институтов в XVIII веке стали мануфактуры. Идея их создания *на государственных землях ВКЛ* связана с именем гродненского старосты А. Тизенгауза. Однако подобная имплантация рыночных институтов западного образца на земли княжества имела особенность: эти предприятия были только вотчинного типа, не использовали наемный труд, причем для организации мануфактур государственных крестьян переводили на барщину, от которой они до этого были освобождены. Частные же мануфактуры не сбывали товар на рынок, а только поставляли его ко двору своего хозяина-магната, как это делала, к примеру, увековеченная в стихах Максима Богдановича Слуцкая мануфактура, производившая легендарные пояса.

Далее, в Великом Княжестве Литовском до 1569 г. право наследования осуществлялось по обычаям, зародившимся еще в Киевской Руси. Имущество, включая землю, делилось между всеми наследниками. После Люблинской унии в ВКЛ, по образцу западных стран, в среде крупных и средних землевладельцев появился майорат: недвижимое имущество стало переходить к одному человеку – старшему сыну – и не могло быть поделено. Перенесение в ВКЛ западноевропейской примогенитуры стимулировало создание огромных латифундий-ординаций, которые были подобны отдельным государствам со своим налаженным хозяйством, административным аппаратом и даже войском, что явилось «институциональной ловушкой», приведшей к значительным последствиям.

Наряду с экономическими существовала трансплантация политических институтов. Однако здесь изменения были более медленными: на протяжении долгого времени имело место параллельное существование институтов дофедеративного княжества и ВКЛ в составе Речи Посполитой. В частности, по Люблинской унии, Великое Княжество Литовское сохранило основы своего государственного управления – законы (Статут 1588 г. оставался ключевым источником права на землях ВКЛ вплоть до 1840-х гг.) и административно-территориальное деление. Судебная система княжества также осталась преимущественно прежней. Несмотря на то что высшим судебным органом стал единый Сеймовый Суд Речи Посполитой, в обеих частях федерации были созданы отдельные апелляционные инстанции – Коронный Трибунал для Польши и Литовский Трибунал для ВКЛ. Кроме того, после Люблинской унии практически не реформировалась система местного самоуправления (городского в виде магистратов и шляхетского в виде сеймиков).

Какие же новые политические институты появились в институциональной матрице ВКЛ как части федеративной Речи Посполитой? Полтора столетия связанные лишь личной унией, но юридически разделенные титулы короля польского и великого князя литовского были окончательно объединены в один – короля Речи Посполитой, постоянная резиденция которого находилась в Польше. Наиважнейшим нововведением стало то, что после смерти последнего Ягеллона

в 1572 г. монархия стала выборной, в которой правитель не принимал решений без согласия двухпалатного Сейма – общегосударственного законодательного органа, принципы функционирования которого сформировались в Польше до Люблинской унии (окончательно к 1505 г.). Политическая элита и шляхта ВКЛ были широко представлены в верхней (Сенат) и нижней (Посольская изба) палатах Сейма.

Вместе с тем в процессе распространения польских институтов на всю федерацию наблюдались нарушения симметрии, в частности, при интеграции ВКЛ утратило Украину; главу нового государства слабо интересовали литовские земли, которые он редко посещал, подтверждением чему стали упадок и запустение дворца великих князей литовских в Вильно; в Сенате не заседали православные и униатские митрополиты, что свидетельствовало об ущемлении прав некатолического большинства населения ВКЛ. Более того, Сейм, за редкими исключениями, собирался на территории Польши. Хотя в 1673 г. было принято решение, согласно которому каждый третий сейм Речи Посполитой должен был проходить в ВКЛ, причем в Гродно, а не в наиболее крупном и влиятельном городе княжества Вильно, и на нем маршалком (председательствующим) мог быть один из местных депутатов, на практике оно крайне редко выполнялось [24, с. 55].

Особенности политической сферы обусловили трансформацию социокультурной подсистемы институциональной матрицы ВКЛ как части Речи Посполитой. В первую очередь усилилась экспансия католицизма, размывшая характерную для ВКЛ веротерпимость. В 1573 г., в период междуцарствия, Варшавская конфедерация приняла документ о защите религиозной толерантности, рассматриваемой в качестве одной из основ государственного строительства Речи Посполитой, но католическое духовенство его не подписало, вследствие чего документ не был практически реализован. Последующие короли, хоть и пытались избежать распространения негативных проявлений западноевропейской Контрреформации, ориентировались на ограничение прав некатолического населения. Следствием их политики религиозной «гомогенизации» стали Брестская церковная уния 1596 г., исчезновение среди состоятельного сословия православных и протестантов, массовое недовольство населения, особенно на Украине, вылившееся в народные восстания XVII века, где одним из лозунгов стала «свобода вероисповедания».

Далее, из Польши в ВКЛ пришли элементы субсидиарной идеологии, в частности, идея примата свободы, которая понималась, однако, как предоставление исключительных прав только шляхте. Что касается других сословий: если в Статуте 1528 г. еще предусматривались категории свободных крестьян, то по Статуту 1588 г. какое-либо разделение крестьянства упразднено, свободных не осталось. Таким образом, в ВКЛ окончательное закрепощение крестьянства произошло на полвека раньше, чем в Московии, где это имело место по «Соборному уложению» 1649 г. Такое «опережение» относительно славянской соседки связано с трансплантацией польской модели хозяйствования. Возникшая стратификация общества – деление его на обладающих исключительными правами шляхтичей и бесправных низших сословий – обосновывалась идеологией сарматизма. Примечательно, что приобщение к «золотым вольностям» отождествлялось у литовско-белорусской шляхты с переходом в католичество и отказом от родного языка в пользу польского. Трансформация изначального двуязычия Речи Посполитой растянулась на столетие – в 1697 г. официальным государственным языком остается только польский. Следует отметить, что сословия крестьян и мещан были затронуты полонизацией в значительно меньшей мере. Таким образом, к концу XVII века границы имущественных страт практически совпали с конфессиональными и языковыми границами. Это перенесло проблему неравенства в национальную плоскость и обусловило возникновение межнациональной розни (например, между поляками и украинцами), неоднократно проявлявшейся на протяжении всех последующих столетий.

Выводы. Таким образом, интеграция в федерацию двух государств с различными доминирующими базовыми институтами привела не только к положительным эффектам, но и к мутации трансплантированных институтов. Переход к фольварочному типу хозяйства, хоть и был шагом по укреплению рыночных институтов в аграрной сфере, сопровождался «вторым изданием крепостничества», еще более закабалившим крестьянство.

Трансплантация системы наследования на земли ВКЛ явилась, по сути, институциональной ловушкой, приведшей к серьезным последствиям. Магнаты *на уровне своих ординаций* (микро-

уровне) реализовывали власть как абсолютные монархи, выстраивая ее на основе отношений редистрибуции, препятствовали осуществлению Магдебургского права в городах, принадлежавших их ординации. Например, крупнейшие ординаты ВКЛ Радзивиллы назначали глав магистратов, в то время как по закону те должны были избираться. Более того, ко второй половине XVII века даже шляхта, проживающая на территории ординаций, де-факто стала утрачивать свои политические права. Ее голоса на элекционном сейме автоматически засчитывались за ту кандидатуру, за которую голосовал сам ординат. Шляхта должна была служить в частном войске ордината. В то же время *на уровне государства* (мегауровне) магнаты использовали рыночные институты (демократические свободы, заложенные в основу политической системы Речи Посполитой, – liberum veto, право на конфедерацию) для усиления своего могущества. Невиданный размах приобрел подкуп шляхетских депутатов Сейма, каждый из которых мог сорвать принятие любого решения, просто не согласившись с ним. Это обусловило уменьшение эффективности работы Сейма (в течение 1652–1763 гг. были распущены без принятия решений или сорваны 53 сейма Речи Посполитой [25, с. 609]) и, как следствие, расшатывание политической власти.

Государство ослаблялось также асимметрией взаимоотношений экономически более сильного Королевства Польского и ВКЛ.

Натиск католицизма в социокультурной сфере подорвал сохранявшуюся со времен первых литовских князей веротерпимость, привел к неведомым до Люблинской унии межконфессиональным конфликтам и обусловил закрепление на территории ВКЛ цивилизационного раскола.

В результате конфликта институтов на микро- и мегауровнях, между подсистемами институциональной матрицы и институциональными моделями возник *кризис*. Для его разрешения должно было быть вмешательство эффективного государства. Речь Посполитая могла распространить шляхетские привилегии на другие сословия, отменить крепостное право и превратиться в буржуазную республику наподобие голландской Республики Соединенных провинций. Речь Посполитая могла урезать шляхетские привилегии и запустить процесс централизации государства, что и предлагалось сделать в Конституции 3 мая 1791 г. Однако затяжное бездействие властей обусловило третий вариант выхода из кризиса – гибель Речи Посполитой в результате вмешательства внешних акторов.

Таким образом, исторический опыт ВКЛ свидетельствует о том, что образование интеграционного союза социумами с различным типом доминирующих институтов представляет для этих социальных систем точку бифуркации. Следствием подобной интеграции является трансплантация институтов экономически более сильного государства на других участников объединения. При отсутствии управления этим процессом со стороны эффективно функционирующего государства трансплантация институтов происходит в виде заимствования фрагментов социально-экономических структур других стран. В результате формируются мутировавшие, относительно работоспособные «квазиинституты», по выражению Г. Б. Клейнера, более *протезы*, чем *трансплантанты* [3], обусловливающие возникновение кризиса, который в условиях разобщенности политических элит может привести к распаду всей системы.

Список использованных источников

1. Олейник, А. Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А. Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 415 с.

2. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггертссон ; пер. с англ. М. Я. Каждана ; науч. ред. пер. А. Н. Нестеренко. – М. : Дело, 2001. – 407 с.

3. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем = Evolution of institutional systems / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – 239 с.

4. Майорова, И. М. Условия успешного заимствования институтов / И. М. Майорова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 6 (221). – С. 44–48.

5. Мальгин, В. А. Импорт институтов и критерии оценки его эффективности / В. А. Мальгин // Актуал. проблемы экономики и права. – 2007. – № 1 (1). – С. 31–36.

6. Фомичев, О. В. Импорт институтов и оценка его эффективности [Электронный ресурс] / О. В. Фомичев. – Режим доступа: https://refdb.ru/look/3782665-pall.html. – Дата доступа: 01.05.2020

7. Рождественская, И. А. Импорт институтов и диффузия идей / И. А. Рождественская, В. Л. Тамбовцев // Журн. экон. теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 468–479. doi 10.31063/2073-6517/2019.16-3.14

8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.

9. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в *X-Y*-теорию / С. Г. Кирдина. – Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 467 с.

10. Polanyi, K. The livelihood of man (studies in social discontinuity) / K. Polanyi. – New York : Academic Press, 1977. – 280 p.

11. Борщ, Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редистрибутивной и рыночной экономик / Л. М. Борщ // Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук. – 2015. – № 8-1. – С. 144–151.

12. Бессонова, О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 7–31. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31

13. Булетова, Н. Е. Институциональные основы развития российских регионов: интерпретация XXI века / Н. Е. Булетова, Г. В. Кузибецкая, Е. В. Лебедева // Europ. Social Science J. – 2015. – № 5. – P. 20–28.

14. Елисеев, С. М. Модернизация российского общества в контексте теории институциональных матриц / С. М. Елисеев // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 3. – С. 38–49.

15. Ксензова, В. Э. Особенности эволюции и современного состояния институциональной среды экономики Беларуси в контексте концепции *X*-матрицы / В. Э. Ксензова, С. В. Ксензов // Журн. институцион. исслед. – 2013. – Т. 5, № 1. – С. 145–156.

16. Лубский, А. В. Институциональная матрица естественного государства и социальный порядок в России / А. В. Лубский // Полит. концептология : журн. метадисциплинар. исслед. – 2016. – № 4. – С. 114–123.

17. Лученок, А. И. Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели / А. И. Лученок // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 102–112.

18. Чернецова, Н. С. Структура современной институциональной матрицы / Н. С. Чернецова, Г. В. Теплов // Вестн. Самар. муницип. ин-та упр. – 2013. – № 4 (27). – С.117–125.

19. Шапкин, И. Н. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации / И. Н. Шапкин, Н. О. Воскресенская // Век глобализации. – 2016. – № 4 (20). – С. 100–114.

20. Матвеев, А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России / А. А. Матвеев // Управленч. консультирование. – 2019. – № 4 (124). – С. 107–113. 10.22394/1726-1139-2019-4-107-113

21. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.] – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. – 685 с.

22. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. – 321 с.

23. Сохранение национальной идентичности белорусского общества: прошлое, настоящее : материалы Респ. науч. конф., Барановичи, 21 апр. 2016 г. / Баранов. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2016. – 253 с.

24. Лойка, П. А. Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI – пачатку XVII ст. / П. А. Лойка // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта, 1921–2001 : у 7 т. / рэд. савет: А. У. Казулін (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 2 : Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / рэдкал.: А. А. Яноўскі (адк. рэд.) [і інш.]. – С. 52–64.

25. Радаман, А. Сойм / А. Радаман // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 606–611.

References

1. Oleinik A.N. *Institutional economics*. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 415 p. (in Russian).

2. Eggertsson T. *Economic behavior and institutions*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 385 p.

3. Kleiner G. B. *Evolution of institutional systems*. Moscow, Nauka Publ., 2004. 239 p. (in Russian).

4. Maiorova I. M. Conditions of successful borrowing of institutions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 6 (221), pp. 44–48 (in Russian).

5. Mal'gin V. A. Import of institutions and criterions for its efficiency. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2007, no. 1 (1), pp. 31–36 (in Russian).

6. Fomichev O. V. *Import of institutions and estimation of its efficiency.* Available at: https://refdb.ru/look/3782665-pall.html (accessed 01.05.2020) (in Russian).

7. Rozhdestvenskya I. A., Tambovtsev V. L. Import of institutions and diffusion of ideas. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of Economic Theory*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 468–479 (in Russian). https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14

8. North D. *Institutions, institutional change and economic performance.* Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p. https://doi.org/10.1017/cbo9780511808678

9. Kirdina S. G. *Institutional matrices and development of Russia: introduction in X–Y theory.* 3nd ed. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 467 p. (in Russian).

10. Polanyi K. *The livelihood of man (studies in social discontinuity).* New York, Academic Press, 1977. 280 p.

11. Borshch L. M. The concept of the institutional organization of public relations in redistributive and market economies. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2015, no. 8-1, pp. 144–151 (in Russian).

12. Bessonova O. E. Contractual razdatok (redistribution) and solidarism: a new milestone in the Russian institutional matrix. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology*, 2019, vol. 28, no. 1, pp. 7–31 (in Russian). https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31

13. Buletova N. E., Kuzibetskaya G. V., Lebedeva E. V. Institutional framework of Russian regions: interpretation of the XXI century. *European Social Science Journal,* 2015, no. 5, pp. 20–28 (in Russian).

14. Eliseev S. M. Modernization of the Russian society in context of institutional matrices theory. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX,* 2011, vol. 7, no. 3, pp. 38–49 (in Russian).

15. Ksenzova V. E., Ksenzov S. V. The features of evolution and modern condition of the institutional environment of Belarus economy in the X-matrix context. *Zhurnal institutsional'nykh issledovanii = Journal of Institutional Studies*, 2013, vol. 5, no.1, pp. 145–156 (in Russian).

16. Lubskii A. V. The institutional matrix of the natural state and the social order in Russia. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovanii = The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2016, no. 4, pp. 114–123 (in Russian).

17. Luchenok A. I. Improvement of institutional matrix of Belarusian economic model. *Ekonomicheskaya nauka segodnya: sbornik nauchnykh statei* [Economic science currently: collected articles]. Minsk, 2016, iss. 4, pp. 102–112 (in Russian).

18. Chernetsova N. S. Modern institutional matrix structure. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of Samara Municipal Institute of Management*, 2013, no. 4 (27), pp. 117–125 (in Russian).

19. Shapkin I. N., Voskresenskaya N. O. Institutional matrix of Russia in context of the globalization problems. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, 2016, no. 4 (20), pp. 100–114 (in Russian).

20. Matveev A. A. Application of the theory "path dependence" in the study of institutional transformations in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2019, no. 4 (124), pp. 107–113 (in Russian). https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-107-113

21. *History of Belarus. Vol. 2. Belarus of the age of Grand Duchy of Lithuania*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2008. 685 p. (in Belarusian).

22. Marzalyuk I. A. *People of ancient Belarus: ethnic confessional and sociocultural stereotypes (X–XVII centuries).* Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University, 2002. 321 p. (in Belarusian).

23. *Memorizing the national identity of Belarusian society: the past, and the present: processings of Republic scientific conference, Baranovichi, 2016, 21 April*. Baranovichi, Baranovichi State University, 2016. 253 p. (in Russian).

24. Loika P. A. Realization of the 1569 Lublin Seim Act for historical reality of the second part of the XVI century and beginning of the XVII century. *Vybranyya navukovyya pratsy Belaruskaga dzyarzhaunaga universiteta, 1921–2001. T. 2. Gistoryya. Filalogiya. Zhurnalistyka* [Selected scientific papers of Belarusian State University, 1921–2001. Vol. 2. History. Philology. Journalism]. Minsk, 2001, pp. 52–64 (in Belarusian).

25. Radaman A. Seim. *Vyalikae Knyastva Litouskae: entsyklapedyya* [Grand Duchy of Lithuania: encyclopedia]. Minsk, 2007, vol. 2, pp. 606–611 (in Belarusian).

Информация об авторе

Барахвостов Павел Александрович – кандидат политических наук, доцент. Белорусский государственный экономический университет (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel A. Barakhvostov – Ph. D. (Polit.), Associate Professor. Belarusian State Economic University (26 Partizanski Ave., Minsk 220070, Belarus). E-mail: barakhvostov@yandex.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [94:327](474)“1989/1991”
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-432-442

Поступила в редакцию 25.05.2020
Received 25.05.2020

А. А. Володькин

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ СТРАН БАЛТИИ В ПЕРИОД ИХ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1989 – 1991 гг.)

Аннотация. В период борьбы Литвы, Латвии и Эстонии за восстановление своей национальной независимости были заложены основы многих направлений их будущей внутренней и внешней политики. В качестве факторов, оказавших наибольшее влияние на формирование основных приоритетов внешней политики этих стран, анализируются, во-первых, структура движений за их национальную независимость (на основе которых сформировались политические элиты государств Балтии), во-вторых, роль зарубежного влияния в формировании их внешнеполитической идеологии. Автор показывает трансформацию основных политических сил, сформировавших движения за национальную независимость трех республик в системообразующие политические партии государств Балтии, отмечает постепенное закрепление лидерства правых политических сил в сфере национальной идеологии и внешней политики, а также особую активность диаспоры в налаживании международных связей движений за независимость Литвы, Латвии и Эстонии и формировании идей и концепций, определивших основные цели будущей внешней политики трех государств. Кроме того, в статье выделяются этапы развития международных связей движений за независимость Литвы, Латвии и Эстонии в 1989 – 1991 гг.

Ключевые слова: государства Балтии, Литва, Латвия, Эстония, история внешней политики

Для цитирования: Володькин, А. А. Предпосылки формирования внешнеполитических приоритетов стран Балтии в период их борьбы за независимость (1989 – 1991 гг.) / А. А. Володькин // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 432–442. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-432-442

Andrei A. Valodzkin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PRECONDITIONS OF THE BALTIC STATES’ FOREIGN POLICY PRIORITIES FORMATION IN THE PERIOD OF THEIR STRUGGLE FOR INDEPENDENCE (1989–1991)

Abstract. The foundations of many future policy directions, either domestic or foreign, were laid during the period, when Lithuania, Latvia and Estonia struggled for restoration of their national independence. As the factors that had the greatest impact on the formation of these states’ main foreign policy priorities, the article analyzes, firstly, the structure of movements for their national independence (on the basis of which the political elites of the Baltic states were formed), and, secondly, the role of external influence in the formation of their ideology of foreign policy. The author traces the transformation of the main political powers that formed the national independence movements of the three republics into system political parties of the Baltic states, reveals the gradual consolidation of the leadership of right-wing political forces in the field of national ideology and foreign policy, as well as the special activity of the diaspora in establishing international relations of the independence movements of Lithuanian, Latvia and Estonia and in the formation of ideas and concepts that determined the main goals of future foreign policy of the three states. In addition, the article highlights the stages of the independence movements’ of Lithuania, Latvia and Estonia international relations development in 1989–1991.

Keywords: Baltic states, Lithuania, Latvia, Estonia, history of foreign policy

For citation: Valodzkin A. A. Preconditions of the Baltic states’ foreign policy priorities formation in the period of their struggle for independence (1989–1991). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 432–442 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-432-442

Введение. Период с весны 1989 г., когда на первом заседании Балтийской Ассамблеи Народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии в Таллине была впервые зафиксирована идея «возвращения в Европу» [5], до 20-х чисел августа 1991 г., когда началась полоса международного признания независимости этих государств и установления с ними дипломатических отношений,

© Володькин А. А., 2020

следует рассматривать как период борьбы за восстановление независимости стран Балтии. Несмотря на то что весной 1990 г. Верховные Советы трех республик принимают декларации о государственном суверенитете [1–3], это не привело к немедленному изменению их международного статуса. Еще более года после этого Литва, Латвия и Эстония не воспринимались на международной арене в качестве самостоятельных государств [4, с. 57].

Тем не менее этот период имел чрезвычайно важное значение для формирования многих приоритетов будущей внешней политики государств Балтии. Именно в эти годы формируются основные центры балтийской политики и их идеология, которая после окончательного восстановления независимости сыграла решающую роль в определении внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии. Национальные политические элиты трех республик устанавливают первые зарубежные связи, начинаются дискуссии о стратегиях дальнейших отношений с ключевыми центрами силы на международной арене. Тогда же впервые проявились и некоторые характерные черты их будущей внешней политики.

Поэтому целью данной работы является анализ предпосылок формирования внешнеполитического курса Литвы, Латвии и Эстонии в период их борьбы за восстановление независимости. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

– проанализировать роль различных политических сил, участвовавших в движениях за независимость стран Балтии, в формировании идеологических основ их будущей внешней политики в постсоветский период;

– исследовать вопрос о возможном влиянии в рассматриваемый период внешних сил на формирование концепций и целей будущей внешней политики государств Балтии;

– выделить основные этапы развития международных связей движений за независимость Литвы, Латвии и Эстонии (а после их победы на выборах в феврале–марте 1990 г. – Верховных Советов этих республик).

Объектом исследования выступают движения за независимость Литвы, Латвии и Эстонии, предметом – их деятельность по формированию идеологических основ будущей внешней политики этих стран и налаживанию международных связей.

Источниками для написания статьи послужили документы Верховных Советов Литвы, Латвии и Эстонии, принятые в период их борьбы за независимость [1–3], а также материалы информационных изданий Народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии [5–8]. Кроме того, были использованы сборники мемуаров корреспондента литовского движения «Саюдис» Р. Сакалаускайте [9]. Также полезными источниками информации по теме стали исследовательские интервью мемуарного характера, взятые автором статьи у латвийских репатриантов – О. Калниньша [10], Я. Эйхманиса [11] и А. Лэйиньша [12], которые в рассматриваемый период вернулись на историческую родину, чтобы принять активное участие в борьбе за независимость Латвии (а впоследствии стали видными латвийскими дипломатами и политиками), а также интервью с первым министром иностранных дел постсоветской Литвы (март 1990 г. – декабрь 1992 г.) А. Саударгасом [13].

Историография по теме исследования представлена научными работами российских исследователей А. В. Вушкарника [14], Р. Х. Симоняна [15–17], В. В. Воротникова [18; 19]. Помимо этого, определенный интерес представляет политико-историческая публицистика таких русскоязычных авторов, как А. А. Носович (Россия) [20], В. Гущин (Латвия) [21] и И. Розенфельд (Эстония) [22]. Среди работ отечественных исследователей стоит выделить статью В. В. Фрольцова, посвященную германско-балтийским отношениям, в которой частично описывается процесс налаживания международных связей Литвы, Латвии и Эстонии в 1990 – начале 1991 гг. [23]. Что касается англоязычной историографии, в первую очередь стоит упомянуть широко известную монографию по теме борьбы Литвы, Латвии и Эстонии за восстановление независимости британского исследователя А. Ливена [24]. Также были использованы работы американского дипломата К. Смита [25] и латвийского исследователя Л. Зиле [26].

Основная часть. Прежде всего, необходимо проанализировать структуру политических сил, которые пришли к власти в Литве, Латвии и Эстонии в период борьбы за восстановление независимости, и те их идеи, которые в будущем оказали большое влияние на формирование внешне-

политического курса этих государств. Практически все известные исследователи и публицисты, которые затрагивают в своих работах этот период [15; 16; 19–22], упоминают о двух основных составляющих движений за независимость в республиках тогда еще советской Прибалтики.

Во-первых, это Народные фронты. Такое название получили общественные движения, которые стихийно возникли практически во всех республиках СССР – первоначально с целью поддержки тех демократических реформ, которые были начаты в рамках политики «перестройки» и гласности М. С. Горбачева. Хронологически первым в апреле 1988 г. был образован Народный фронт Эстонии. А в октябре 1988 г. во всех трех республиках Народные фронты провели свои учредительные собрания. При этом литовское движение «Саюдис» (так официально назывался народный фронт Литвы), харизматичным лидером которого стал искусствовед В. Ландсбергис, отличалось от аналогичных движений в двух других республиках тем, что в нем изначально преобладала националистическая повестка – требования поддержки литовского языка и культуры, к которым вскоре добавилось стремление к политической независимости, в то время как в Латвии и особенно Эстонии первоначально основное внимание уделялось вопросам либерализации социально-экономической жизни. В этих двух республиках Народные фронты имели очень широкую социальную базу – от радикальных националистов, до либералов и сторонников «социализма с человеческим лицом». В них участвовали как представители титульных национальностей, так и сторонники демократических реформ из числа русскоязычных жителей этих республик.

Однако, как отмечают эстонский исследователь И. Розенфельд [22, с. 75–76] и российский социолог Р. Х. Симонян [15; 16], из-за непоследовательности политики реформ М. С. Горбачева, усиления в 1989–1990 гг. в советском руководстве позиций враждебно настроенных в отношении этих реформ консервативных коммунистов, а главное – под влиянием силовых акций в Вильнюсе и Риге в Литве и Латвии происходит радикализация требований Народных фронтов и усиление в них позиций националистов. Именно этим последним обстоятельством И. Розенфельд объясняет тот факт, что в Литве и Латвии к власти вскоре пришли правые националистические силы, в то время как в Эстонии до 1992 г. власть сохраняли умеренные политики левоцентристских взглядов во главе с Э. Сависааром [22, с. 82–84].

Второй важной составляющей национальных движений за независимость в Литве, Латвии и Эстонии явились национальные компартии, которые образовались в 1989 – 1990 гг. в результате раскола партийного руководства этих республик. Большая часть партийной номенклатуры во главе с первыми секретарями ЦК республиканских компартий А. Бразаускасом (Литва), А. Горбуновым (Латвия) и В. Вальянсом (Эстония) перешла на позицию поддержки сторонников независимости и выступила за сотрудничество с Народными фронтами своих республик. Меньшая часть осталась на позициях ЦК КПСС и продолжала выступать за сохранение прежних связей республик в рамках СССР. Национальные компартии были постепенно интегрированы в движения сторонников независимости, в которых им, однако, отводилась роль ведомых. В то же время роль ведущих прочно закрепилась за праворадикальными политиками, которые постепенно монополизировали имидж творцов национальной идеологии и, как пишет И. Розенфельд, стали позиционировать себя в качестве «совести нации», т. е. эталона идейного патриотизма, на который должны равняться все остальные политические силы [22, с. 15].

Распределение ролей между правыми националистами и бывшими коммунистами в странах Балтии наилучшим образом демонстрирует пример Литвы, где «Саюдис» и национальная компартия трансформировались в две главные системообразующие политические силы. На базе движения «Саюдис» сложился блок литовских консерваторов во главе с В. Ландсбергисом «Союз Отечества – Христианские демократы Литвы». В свою очередь, на базе национальной компартии была сформирована Литовская демократическая партия труда социал-демократической направленности во главе с А. Бразаускасом (сейчас известна, как Социал-демократическая партия Литвы).

Как отмечает в своих мемуарах литовская журналистка Р. Сакалаускайте, за Ландсбергисом еще во времена «Саюдиса» закрепился образ «отца нации» – принципиального, жесткого и бескомпромиссного борца за национальные интересы Литвы [10, с. 60–61]. И несмотря на многочисленные обвинения в авторитарных методах руководства, склонности к интригам и лицемерию

[10, с. 68; 25, с. 273], его авторитет оставался настолько сильным, что руководимая им партия смогла даже в периоды пребывания в оппозиции задавать тон в формулировании национальных интересов страны – прежде всего в сфере внешней политики (курс на конфронтацию с Россией и тесную евроатлантическую интеграцию).

За Бразаускасом и его сторонниками, напротив, закрепился имидж практичных хозяйственников и умеренных прагматиков-технократов, которых куда больше заботят насущные социально-экономические проблемы, чем высокие политические идеалы [10, с. 80–81]. Сильными сторонами социал-демократов, которые не раз обеспечивали им победу на выборах, были их управленческий опыт, полученный еще в советское время, и внимание к социально-экономическим проблемам литовского общества, которыми зачастую пренебрегали консерваторы. Однако в вопросах внешней политики они практически во всем следовали магистральной линии своих политических оппонентов, допуская лишь небольшие тактические отступления, например, некоторое «сглаживание острых углов» в отношениях с Россией или более дружественный тон в отношении Беларуси. Но они никогда не подвергали сомнению базовые принципы внешней политики, сформулированные Ландсбергисом и его сторонниками. Таким образом, между двумя крупнейшими партиями страны фактически сложилось своеобразное разделение сфер влияния – социал-демократы смогли закрепить свое лидерство в социально-экономической сфере, а консерваторы – в вопросах национальной идеологии и внешней политики.

В Латвии и Эстонии ситуация была более сложной. Во-первых, в период борьбы за независимость там сложилась еще и третья политическая сила – комитеты, а впоследствии – Конгрессы граждан, которые объединяли наиболее радикальных националистов из числа диссидентов, людей, пострадавших от сталинских репрессий и депортаций, а также представителей политической эмиграции 1940-х гг., бежавших на Запад в период установления в республиках советской власти. Они выступали за скорейший разрыв всех связей с СССР, восстановление довоенной государственности и против автоматического предоставления гражданства всем жителям Латвии и Эстонии. Главной целью этих комитетов было формирование списков граждан довоенных республик и их прямых потомков, поскольку только за этой группой населения они признавали право на автоматическое получение гражданства и всех политических прав после восстановления независимости. Хотя комитеты граждан сотрудничали с Народными фронтами, на выборы в Верховные Советы республик, состоявшиеся в начале 1990 г., их кандидаты шли отдельным списком с единственной целью: заявить, что избранные по советским законам верховные советы не легитимны, поэтому их задача – лишь восстановить независимость. Решение всех важнейших вопросов дальнейшего развития следует оставить «законным органам власти», которые будут избраны гражданами довоенных республик и их потомками [21, с. 21].

Во-вторых, Народные фронты в Латвии и Эстонии объединяли сторонников гораздо более широких политических взглядов. В отличие от комитетов граждан, они первоначально выступали за предоставление гражданства всем жителям этих республик, которые проживали в них на момент восстановления независимости [21, с. 16–17; 22, с. 75]. Таким образом, даже по важнейшим вопросам государственного строительства внутри движений за независимость в 1989–1991 гг. имелись разногласия. В сочетании с неопределенностью ситуации вокруг международного признания независимости стран Балтии они препятствовали формированию четкого и последовательного внешнеполитического курса. В то же время наиболее радикальные политические силы (Партия независимости Эстонии и Движение за национальную независимость Латвии), а также политические организации латвийской и эстонской диаспоры в странах Запада уже с осени 1989 г. требовали немедленных и решительных действий по установлению независимости и разрыву связей с СССР. Народный фронт Латвии сформировал специальную группу во главе с сопредседателем комитета внешних связей Я. Юркансом, которая посетила основные центры эмиграции в странах Западной Европы и Северной Америки с целью убедить ее активистов в необходимости проявлять сдержанность и терпение, чтобы не сорвать переговорный процесс с союзным центром [21, с. 24].

Как сообщил в беседе с автором Я. Эйхманис, внутри латвийского движения за независимость очень долго продолжались дебаты по вопросам будущего внешнеполитического курса –

наряду со сторонниками прозападной ориентации была и позиция Я. Юрканса (первый министр иностранных дел постсоветской Латвии в 1990 – 1992 гг.), который выступал за сохранение хороших отношений с СССР/Россией и проведение т. н. политики «финляндизации» [12] (т. е. установление договорных отношений, по которым, имея полную самостоятельность в вопросах внутреннего развития и экономики, страна координировала бы свою внешнюю политику с восточным соседом). Таким образом, прозападный внешнеполитический курс утвердился в Латвии позже, чем в двух других государствах Балтии.

Что касается Эстонии, то здесь внешняя политика, как и в Литве, очень быстро оказалась в руках правых политических сил, гораздо раньше других сфер государственной политики. Как пишет И. Розенфельд, еще в период правления центристов под руководством Э. Сависаара (1990–1992 гг.) именно Министерство иностранных дел во главе с будущим первым президентом Эстонии Л. Мери стало тем оплотом, вокруг которого начали группироваться правые, националистические и консервативные силы, оно стало, своего рода, «кузницей кадров» для правых партий [22, с. 90].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на один интересный момент. Российский исследователь В. В. Воротников в своих работах не раз подчеркивает необычный феномен «консенсуса политических элит» в государствах Балтии по ключевым вопросам внешней политики: кто бы из политических партий не приходил к власти по итогам выборов (правые или левоцентристы), во внешней политике этих стран сохранялась полная преемственность [18, с. 26–27; 19, с. 90]. Как представляется на основании приведенных выше характеристик, этот феномен имеет достаточно очевидные объяснения: политические системы Литвы, Латвии и Эстонии приняли внешнеполитический курс правых партий в качестве общенационального. Произошло это в силу следующих причин. Во-первых, правые имели явное преимущество в идеологической сфере: выдвинутые ими идеи национального возрождения и «возвращения в Европу» оказались привлекательными для большинства населения, что позволило им через формируемую новую государственную идеологию задавать рамки возможных политических альтернатив и отсекать неприемлемые для себя варианты. Бывшие коммунисты и иные левоцентристские силы в этих государствах, напротив, были деморализованы быстрым крахом советской системы и необходимостью приспосабливаться к новым политическим условиям. К тому же им приходилось защищаться от постоянных обвинений со стороны правых в сотрудничестве с советскими силовыми структурами или бездействии во время кровавых событий января 1991 г. в Вильнюсе и Риге. В таких условиях выдвижение ими альтернативной внешнеполитической программы было бы крайне затруднительно и сопряжено с риском быть обвиненными в предательстве национальных интересов. Поэтому системные оппоненты правых в странах Балтии избрали для себя более удобную стратегию: соглашаясь с ними по общим направлениям и принципиальным целям внешней политики, зарабатывать себе предвыборные очки на критике тех методов, которыми правые ее осуществляют, – за их поспешность, чрезмерный догматизм, неумение вести дипломатический торг и т. п. Поскольку политическая инициатива на несколько лет полностью оказалась в руках правых, не удивительно, что в условиях еще не сформированных до конца демократических институтов государственности им удалось быстро закрепиться во внешнеполитических ведомствах и навязать политической системе свой внешнеполитический курс.

Еще одной, достаточно спорной темой является вопрос о влиянии на формирование такой политической ситуации внешних сил. Среди русскоязычных авторов весьма популярны рассуждения о роли Запада и его спецслужб в отделении Прибалтики от СССР и определении характера дальнейших отношений Литвы, Латвии и Эстонии с Россией [19, с. 71–72; 21, с. 77–92, 100–101]. И. Розенфельд, например, прямо заявляет, что правые пришли к власти в Эстонии и других странах бывшего СССР при непосредственном содействии «мирового неоконсерватизма» [22, с. 21]. А В. В. Воротников в своей диссертации приводит отрывок из воспоминаний «теоретика цветных революций» Дж. Шарпа, о том, что в ноябре 1989 г. на конференции в Москве тот передал представителям литовского движения «Саюдис» несколько копий своей еще не изданной книги о методах гражданского протеста, которую те растиражировали и разослали в другие республики СССР, прежде всего, Народным фронтам Эстонии и Латвии [19, с. 72]. Вместе с тем американ-

ский дипломат К. Смит [25, с. 11] и белорусский ученый-международник В. Ф. Фрольцов [23, с. 35] убедительно доказывают в своих работах, что если Запад и мог оказывать движениям за независимость Литвы, Латвии и Эстонии какую-то поддержку, то лишь моральную, поскольку в тот период форсирование отделения Прибалтики от СССР и эскалация ее отношений с Москвой были для западных лидеров скорее проблемой, чем желаемым сценарием. Ведь 1989 – 1990 гг. – это период «бархатных революций» в странах Восточной Европы и финальной стадии переговоров об объединении Германии, когда политика беспрецедентных уступок со стороны М. С. Горбачева полностью устраивала Запад. Дестабилизация же обстановки в Прибалтике грозила подорвать позиции М. С. Горбачева в советском руководстве и вернуть к власти его политических оппонентов из числа ортодоксальных «ястребов» холодной войны. Поэтому политика Дж. Буша-старшего, Г. Коля и Ф. Миттерана в балтийском вопросе была в основном направлена на то, чтобы в разгорающемся конфликте между союзным центром и «тремя мятежными республиками» (как их назвал Дж. Буш [25, с. 11]) удержать обе стороны от применения силы.

Однако говорить о полном отсутствии внешнего влияния также будет неверно. Ведь за пределами Литвы, Латвии и Эстонии сложилась сила, крайне заинтересованная в скорейшем восстановлении их независимости, – литовская, латвийская и эстонская диаспора в странах Запада. Как отметил Я. Эйхманис, балтийские диаспоры в США периода холодной войны были очень сплоченной и организованной силой. По его утверждению, совместными усилиями они смогли создать в этой стране второе по влиянию (после еврейского) национальное лобби [11]. Как подчеркнул дипломат, эмигранты из стран Балтии составляли почти миллион граждан США с правом голоса – организованных, политически активных и очень обеспокоенных событиями на их исторической родине. Ни республиканцы, ни демократы не могли игнорировать «балтийский вопрос» в своей политике. Кроме того, многие активные представители диаспоры были вовлечены в общественную и правозащитную деятельность и, таким образом, имели контакты в американской политической элите, что делало их очень ценными союзниками для движений за независимость республик Балтии.

При этом следует помнить, что наиболее активную и организованную часть литовской, латвийской и эстонской диаспоры в странах Запада составляли политические эмигранты 1940-х гг., которые бежали от установления в странах Балтии советской власти, и их непосредственные потомки. Естественно, среди этих людей были распространены реваншистские настроения против СССР/России. Кроме того, их политическое мировоззрение формировалось в самый разгар холодной войны, впитав в себя догматизм и непримиримость политического мышления той эпохи. Поэтому тот факт, что в последующей внешней политике постсоветских Литвы, Латвии и Эстонии явственно просматриваются стереотипы мышления холодной войны (за ними даже закрепилось прозвище «новых воинов холодной войны» – “new Cold warriors”), во многом обусловлен именно влиянием диаспоры.

Само собой разумеется, что подобные взгляды делали репатриантов, которые, хоть и были довольно немногочисленны, но занимали весьма важные позиции в сферах, связанных с внешней политикой, естественными союзниками правых. Здесь можно вспомнить главу литовской дипломатической службы в изгнании С. Лозорайтиса (младшего), который был выдвинут литовскими консерваторами в качестве соперника экс-коммуниста А. Бразаускаса на первых президентских выборах в постсоветской Литве, или нынешнего президента Латвии Э. Левитса. Получив юридическое и политологическое образование в Германии, он участвовал в Геттингенской рабочей группе по изучению стран Восточной Европы, где стал убежденным сторонником концепций оккупации и восстановления государственности Латвии [28]. В конце 1980-х гг. Левитс возвращается в Латвию и становится членом думы Народного фронта, а также националистического Латвийского конгресса граждан. В 1990-е гг. он был послом Латвии в ряде европейских стран и одним из сооснователей партии «Латвийский путь».

В налаживании международных связей Литвы, Латвии и Эстонии в период борьбы за независимость можно выделить три этапа. На первом из них, с весны 1988 г. до весны 1990 г., все внешние связи движений за независимость трех республик осуществлялись через зарубежную диаспору. Еще в 1972 г. СССР разрешил эмигрантам из этих республик посещать историческую

родину [11]. В том же году, например, впервые после своего отъезда в эмиграцию посетил Литву ее будущий президент В. Адамкус [20, с. 151], в 1987 г. впервые после эмиграции приехал в Латвию ее нынешний президент Э. Левитс. В последующие годы он неоднократно посещал Латвию и, сотрудничая с Конгрессом граждан и Народным фронтом Латвии, участвовал в подготовке Декларации «О восстановлении независимости» 1990 г. В своем интервью Левитс заявил, что именно благодаря его работе в латвийском обществе распространилась концепция незаконности присоединения Латвии к СССР в 1940 г. и целесообразности восстановления прежней государственности вместо образования новой [27]. Эта концепция, известная в русскоязычной литературе как «оккупационная доктрина» или «концепция оккупации» [17; 19], была разработана еще в 1950-х гг. немецким профессором Б. Мейснером, которого Э. Левитс назвал своим учителем, так как работал под его руководством в Киле и Геттингене. Ее суть сводилась к тому, что поскольку включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР происходило в соответствии с условиями Секретного протокола к Советско-германскому Пакту о ненападении 1939 г., оно является незаконным, а следовательно, незаконна и сама советская власть на территории этих республик.

Эта концепция сыграла чрезвычайно важную роль и в борьбе за независимость стран Балтии, и в последующем формировании ключевых противоречий балтийско-российских отношений. Как отмечает российский исследователь А. В. Вушкарник, перед балтийскими движениями за независимость было два возможных пути ее достижения. Первый – задействовать механизм легального выхода из советской федерации, предусмотренный в законодательстве СССР. Однако этот вариант был чрезвычайно долгим, сложным и на практике почти не осуществимым [14, с. 12; 26]. Второй вариант состоял в том, чтобы объявить весь период советской власти в Прибалтике незаконным и добиваться от союзного центра признания этой позиции.

Очень скоро во всех трех движениях за независимость сложился консенсус в пользу второго подхода. Для его воплощения нужно было связать присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к СССР с Пактом Молотова-Риббентропа, который в глазах международной общественности выглядел вопиющим нарушением норм международного права. Поэтому после нескольких локальных акций в Риге и Вильнюсе в годовщину подписания Пакта в 1987 и 1988 гг., в 1989 г. Народные фронты трех республик принимают решение использовать 50-летнюю годовщину его подписания для проведения грандиозной гражданской акции.

13–14 мая 1989 г. в Таллине состоялось первое заседание Балтийской Ассамблеи Народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии, где участники приняли обращение к руководителям стран СБСЕ, Генеральному секретарю ООН и председателю Президиума Верховного Совета СССР, а также решение о создании региональной организации – Балтийского совета [5]. На первом заседании этой организации в июне 1989 г. по предложению Э. Сависаара было принято решение о проведении 23 августа 1989 г. совместной акции «Балтийский путь», в ходе которой люди одновременно выстроились живой цепью протяженностью более 600 километров, соединившей столицы трех республик – Вильнюс, Ригу и Таллин, чтобы привлечь внимание международной общественности к проблеме последствий Пакта 1939 г. для стран Балтии.

Грандиозность этой акции заключалась в том, что она собрала более 2 миллионов человек, т. е. на то время почти четверть всего населения советской Прибалтики. Ни одна последующая протестная акция на постсоветском пространстве, включая все «цветные революции», не могла похвалиться столь высоким процентом участия населения, что свидетельствует не только об организованности балтийских движений за независимость, но и об их действительно большой поддержке народом. В освещении акции «Балтийский путь» приняли участие многочисленные зарубежные журналисты, а в ее организации активно участвовали представители диаспоры. Так, О. Калниньш рассказал в беседе с автором, как летом 1989 г. он специально прилетел в Латвию из США, чтобы помочь в организации акции «Балтийский путь» на территории этой республики [10].

Следующий этап в налаживании международных связей начался весной 1990 г., когда после победы Народных фронтов на выборах в Верховные Советы Литвы, Латвии и Эстонии и принятия этими советами деклараций о восстановлении государственности представители нового руководства республик пробуют наладить прямые контакты с Западом. При этом, как отмечает

О. Кнудсен, их стратегии существенно различались: если Литва стремилась добиться признания одновременно и от СССР, и от Запада, то Эстония и Латвия хотели сначала заручиться поддержкой Запада и уже с его помощью заставить Кремль начать с ними переговоры о независимости [4, с. 62]. Так, глава правительства Литвы К. Прунскене в мае 1990 г. совершила визит в ФРГ [23, с. 35], а в июле вела переговоры в Москве с М. С. Горбачевым. А министр иностранных дел Эстонии Л. Мери осенью 1990 встретился с госсекретарем США Дж. Бейкером и министром иностранных дел Великобритании Д. Хердом. Его латвийский коллега Я. Юрканс также в это время проявлял активность на западном направлении [4, с. 60]. Как отметил в беседе с автором А. Саударгас, занимавший в то время пост министра иностранных дел Литвы, советские службы пограничного и паспортного контроля не чинили никаких препятствий поездкам за рубеж делегаций Верховных Советов и Советов Министров трех республик, поскольку рассматривали их как законных представителей органов власти, сформированных по советским законам [13].

Министры иностранных дел Эстонии и Латвии провели интенсивную международную компанию, чтобы страны Балтии смогли попасть в качестве наблюдателей на саммит СБСЕ в Париже 19–21 ноября 1990 г. Как подчеркнул О. Кнудсен, их литовский коллега А. Саударгас не проявлял такой же активности в этом вопросе. США и Великобритания были не против их присутствия. А Франция как страна-хозяйка саммита даже выслала приглашения странам Балтии участвовать в качестве гостей. Однако по просьбе М. С. Горбачева французский президент Ф. Миттеран в самый последний момент отозвал эти приглашения [4, с. 60]. В это же время зашли в тупик и были прекращены переговоры СССР с тремя республиками. Таким образом, руководство Литвы, Латвии и Эстонии убедилось, что вопрос об их независимости несмотря ни на что будет решаться в Москве.

Третий этап начался в январе 1991 г. во время насильственных акций в Вильнюсе и Риге. Как известно, последний год существования Советского Союза знаменовался нарастанием соперничества за власть между президентом СССР М. С. Горбачевым и председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным. В лице последнего республики Балтии нашли сильного союзника в своем противостоянии с союзным центром. Во время кровавых событий в Вильнюсе Б. Н. Ельцин, находясь в Таллине, выступил с осуждением действий советских силовых структур, выразил полную солидарность с Верховными Советами Литвы, Латвии и Эстонии и поддержку их стремления к независимости. В качестве демонстрации этой поддержки он заключает Договор об основах межгосударственных отношений РСФСР с Эстонией (12 января 1991 г.) и Латвией (13 января 1991 г.). С Литвой аналогичный договор был заключен 29 июля 1991 г. [14, с. 13]. В первые же дни после провала в Москве путча ГКЧП 23 и 24 августа 1991 г. Б. Н. Ельцин вновь объявил об официальном признании Россией независимости стран Балтии, т. е. сделал это почти за две недели до Верховного Совета СССР, который признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии лишь 6 сентября того же года. В результате, последовательная поддержка независимости государств Балтии Б. Н. Ельциным фактически заставила союзное руководство последовать его примеру, в результате чего эти республики вновь стали полностью независимыми еще за несколько месяцев до официального распада СССР.

Заключение. Таким образом, в период борьбы за восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии можно выделить следующие предпосылки и тенденции, определившие формирование приоритетов их будущей суверенной внешней политики. Во-первых, это закрепление лидерства правых, прозападно ориентированных политических сил в формировании внешнеполитического курса стран Балтии. После полного восстановления их независимости это лидерство только укрепилось и практически не зависело от изменения уровня электоральной поддержки правых партий, поскольку оно базировалось на первенстве правых в формировании новой национальной идеологии этих государств и их стратегическом союзе с политически активной частью литовской, латвийской и эстонской диаспоры в странах Запада.

Во-вторых, в идеологии движений за национальную независимость стран Балтии прочно закрепилась т. н. «оккупационная доктрина» и концепция восстановленной государственности. Впоследствии они составили идеологическую базу для выдвижения претензий к России как стране-правопреемнице СССР по поводу признания советской оккупации этих государств и воз-

мещения ущерба за нее. Основанная на этих принципах политика спровоцировала целый ряд «войн памяти» в балтийско-российских отношениях 1990 – 2000-х гг.

Кроме того, уже в 1990 г. победившие на выборах в Верховные Советы сторонники независимости впервые опробовали (правда, на тот момент безуспешно) тактику привлечения западных государств и организаций в качестве посредников и арбитров для давления на СССР в интересах стран Балтии. Впоследствии Литва, Латвия и Эстония не раз прибегали к подобной тактике в решении спорных вопросов с Россией, чтобы компенсировать на переговорах с ней недостаток собственного веса в международной политике.

Наконец, в период борьбы за независимость проявилась тенденция к координации Литвой, Латвией и Эстонией друг с другом в трехстороннем формате своих внешнеполитических действий. Впоследствии эта тенденция проявилась в деятельности таких трехсторонних организаций, как Балтийская Ассамблея и Балтийский Совет (обе существуют и в наши дни), а также образованной в первые годы независимости Балтийской зоны свободной торговли и ряде проектов трехстороннего военного сотрудничества, реализованных во второй половине 1990 – начале 2000-х гг. в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира».

Список использованных источников

1. О восстановлении Литовского государства [Электронный ресурс] : акт Верхов. Совета Лит. Респ., 11 марта 1990 г., № I-12 // Lietuvos Respublikos Seimo. – Режим доступа: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.73778/format/ISO_PDF/. – Дата доступа: 01.05.2020.

2. О государственном статусе Эстонии : постановление Верхов. Совета Эстон. ССР, 30 марта 1990 г. // К Союзу суверенных народов : сб. док. КПСС, законодател. актов, деклараций, обращений и президент. указов, посвящ. проблеме нац.-гос. суверенитета / Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС. – М., 1991. – С. 243.

3. О восстановлении независимости Латвийской Республики : Декларация Верхов. Совета Латв. ССР, 4 мая 1990 г. // К Союзу суверенных народов : сб. док. КПСС, законодател. актов, деклараций, обращений и президент. указов, посвящ. проблеме нац.-гос. суверенитета / Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС. – М., 1991. – С. 191–195.

4. Knudsen, O. F. The foreign policies of the Baltic States: interwar years and restoration / O. F. Knudsen // Coop. a. Conflict. – 1993. – Vol. 28, № 1. – P. 47–72. https://doi.org/10.1177/0010836793028001003

5. Хинт, М. Балтийский путь / М. Хинт // Вестн. Народ. фронта [Эстонии]. – 1989. – Июнь. – С. 1.

6. Первый визит Саюдиса в Кремль / подгот. Р. Озолас // Возрождение : информ. бюл. Лит. движения за перестройку «Саюдис». – 1989. – 14 апр. – С. 6.

7. Шкапарс, Я. Второй съезд НФЛ / Я. Шкапарс // АТМОДА : информ. бюл. Народ. фронта Латвии «Пробуждение». – 1989. – 7 мая. – С. 1.

8. Программа Народного фронта Латвии // АТМОДА : информ. бюл. Народ. фронта Латвии «Пробуждение». – 1989. – 7 окт. – С. 6.

9. Сакалаускайте, Р. На ринге литовской политики / Р. Сакалаускайте ; пер. с лит. Б. Синочкина. – М. : Худож. лит., 2011. – 336 с.

10. Володькин, А. А. Интервью с вице-председателем комитета Сейма Латвийской Республики по международным делам, бывшим послом Латвии в США и активистом Американской ассоциации латышей О. Калниньшем [Звукозапись] / А. А. Володькин. – Рига, 2019.

11. Володькин, А. А. Интервью с ассоциированным членом Латвийского института международных отношений, бывшим послом Латвии при НАТО и советником президента Латвии по внешней политике Я. Эйхманисом [Звукозапись] / А. А. Володькин. – Рига, 2019.

12. Володькин, А. А. Интервью с основателем и почетным директором Латвийского института международных отношений, депутатом Сейма Латвийской Республики и бывшим главой отдела по внешней политике Народного фронта Латвии А. Лэйиньшем [Звукозапись] / А. А. Володькин. – Рига, 2019.

13. Володькин, А. А. Интервью с бывшим министром иностранных дел Литовской Республики А. Саударгасом [Звукозапись] / А. А. Володькин. – Вильнюс, 2019.

14. Вушкарник, А. В. Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.) / А. В. Вушкарник ; отв. ред. П. Т. Подлесный. – М. : [б. и.], 1997. – 70 с. – (Доклады Института Европы ; № 36).

15. Симонян, Р. Х. Страны Балтии в годы горбачевской перестройки / Р. Х. Симонян // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С. 44–65.

16. Симонян, Р. Х. Страны Балтии и распад СССР / Р. Х. Симонян // ПОЛИС. Полит. исслед. – 2002. – № 6. – С. 151–154. https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.14

17. Симонян, Р. Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты / Р. Х. Симонян // Государство и право. – 2011. – № 11. – С. 106 –114.

18. Воротников, В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса / В. В. Воротников // Междунар. отношения. – 2013. – № 6 (33). – С. 25–33.

19. Воротников, В. В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / В. В. Воротников. – М., 2014. – 381 л.

20. Носович, А. А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось / А. А. Носович. – М. : Алгоритм, 2015. – 431 с.

21. Гущин, В. Постсоветская Латвия – обманутая страна / В. Гущин. – Рига : Балт. центр ист. и соц.-полит. исслед., 2013. – 720 с.

22. Розенфельд, И. Эстония до и после «бронзовой ночи»: Эстонская республика, 1991–2009: левоцентристский взгляд / И. Розенфельд. – Тарту ; СПб. : Крипта, 2009. – 576 с.

23. Фрольцов, В. В. Позиция ФРГ по вопросу восстановления независимости Прибалтийских республик СССР (1990–1991 гг.) / В. В. Фрольцов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2008. – № 3. – С. 34–40.

24. Lieven, A. The Baltic revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence / A. Lieven. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1993. – 454 p.

25. Smith, K. C. Baltic-Russian relations : implications for European security / K. C. Smith. – Washington : Center for Strategic & Intern. Studies, 2002. – 61 p.

26. Zile, L. Baltic-Russian Cooperation during the Restoration of Independence (1990 until the 1991 putsch) / L. Zile // The Baltic States at historical crossroads: political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international cooperation at the beginning of the 21st century : a coll. of scholarly art. / Acad. of Sciences of Latvia ; ed.: D. A. Loeber, A. Lēbers, T. Jundzis. – Riga, 1998. – P. 489–501.

27. Beinerte V. Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu [Electronic resource] / V. Beinerte. – Mode of access: https://www.la.lv/saruna-egils-levits. – Date of access: 19.02.2020.

References

1. On the Restoration of the Lithuanian State Independence: act of the Supreme Council of the Republic of Lithuania, 11 March 1990, no. 1–12. *Lietuvos Respublikos Seimas*. Available at: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.73778/format/ISO_PDF/ (accessed 01.05.2020) (in Russian).

2. On the state status of Estonia: statement of the Supreme Council of the Estonian SSR, 30 March 1990. *K Soyuzu suverennykh narodov: sbornik dokumentov KPSS, zakonodatel'nykh aktov, deklaratsii, obrashchenii i prezidentskikh ukazov, posvyashchennykh probleme natsional'no-gosudarstvennogo suvereniteta* [To the Union Sovereign Nations: compilation of the CPSU documents, acts of legislation, declarations and statements of the President on the problems of nation-state sovereignty]. Moscow, 1991, p. 243 (in Russian).

3. On the Restoration of the Latvian Republic Independence: declaration of the Supreme Council of the Latvian SSR, 4 May 1990. *K Soyuzu suverennykh narodov: sbornik dokumentov KPSS, zakonodatel'nykh aktov, deklaratsii, obrashchenii i prezidentskikh ukazov, posvyashchennykh probleme natsional'no-gosudarstvennogo suvereniteta* [To the Union Sovereign Nations: compilation of the CPSU documents, acts of legislation, declarations and statements of the President on the problems of nation-state sovereignty]. Moscow, 1991, pp. 191–195 (in Russian).

4. Knudsen O. F. The foreign policies of the Baltic States: interwar years and restoration. *Cooperation and Conflict*, 1993, vol. 28, no. 1. pp. 47–72. https://doi.org/10.1177/0010836793028001003

5. Khint M. The Baltic way. *Vestnik narodnogo fronta Estonii* [Estonian Popular Front Herold], 1989, June, p. 1 (in Russian).

6. Ozolas R. The first Sajudis visit to the Kremlin. *Vozrozhdenie: informatsionnyi byulleten' Litovskogo dvizheniya za perestroiku «Sayudis»* [Atgimimas: awakening, the information bulletin of the Lithuanian movement for perestrojka Sajudis], 1989, 14 April, p. 6 (in Russian).

7. Shkapars Ya. Second NFL convention. *ATMODA: informatsionnyi byulleten' Narodnogo fronta Latvii «Probuzhdenie* [ATMODA: awakening, the information bulletin of the Latvian Popular Front], 1989, 7 May, p. 1 (in Russian).

8. Program of the Popular Front of Latvia. *ATMODA: informatsionnyi byulleten' Narodnogo fronta Latvii «Probuzhdenie* [ATMODA: awakening, the information bulletin of the Latvian Popular Front], 1989, 7 October, p. 6 (in Russian).

9. Sakalauskaite R. *At the ring of Lithuanian politics.* Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 2011. 336 p. (in Russian).

10. Volod'kin A. A. *Interview with the deputy chairman of the Foreign Affairs Committee of the Saeima of Latvia, former Latvian Ambassador to the USA and the American Latvian Association activist, O. Kalnins*. Riga, 2019. (in Russian).

11. Volod'kin A. A. *Interview with the associate fellow of the Latvian Institute of International Affairs, former Latvian Ambassador to NATO and the foreign policy advisor of the President of Latvia, J. Eichmanis*. Riga, 2019. (in Russian).

12. Volod'kin A. A. *Interview with the founder and honorary director of the Latvian Institute of International Affairs, member of the Saeima of Latvia and the former Head of Foreign Affairs Department of the Latvian Popular Front, A. Lejins*. Riga, 2019. (in Russian).

13. Volod'kin A. A. *Interview with the former Minister of the Foreign Affairs of the Republic of Lithuania, A. Saudargas*. Vilnius, 2019. (in Russian).

14. Vushkarnik A. V. *The Problems of the Russian Relations with the Baltic States (1990–1996). Institute of Europe Reports, no. 36*. Moskow, 1997. 70 p. (in Russian).

15. Simonyan R. Kh. The Baltic States in the Years of the Gorbachev's "Perestroika". *Novaya i noveishaya istoriya* [The Modern and Contemporary History], 2003, no. 2, pp. 44–65 (in Russian).

16. Simonyan R. Kh. The Baltic States and the disintegration of the USSR. *POLIS. Politicheskie issledovaniya = POLIS. Political Studies*, 2002, no. 6, pp. 151–154 (in Russian). https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.14

17. Simonyan R. Kh. Occupation Doctrine in the Baltics: a substantive and legal aspects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 11, pp. 106–114 (in Russian).

18. Vorotnikov V. V. Baltic ethnocracies between Russia and the EU: in search of consensus under conditions of the economic crisis. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [The International Relations], 2013, no. 6 (33), pp. 25–33 (in Russian).

19. Vorotnikov V. V. *Concepts and Priorities of the Foreign Policy of Latvia, Lithuania and Estonia in 2004–2012*. Ph. D. Thesis. Moscow, 2014. 381 p. (in Russian).

20. Nosovich A. A. *The History of Decay. Why the Baltic States didn't succeed*. Moskow, Algoritm Publ., 2015. 431 p. (in Russian).

21. Gushchin V. *The Post-Soviet Latvia – a deceived nation*. Riga, The Baltic Center for Historical and Socio-political Studies, 2013. 720 p. (in Russian).

22. Rozenfel'd I. Estonia before and after the "Bronze Night": Republic of Estonia, 1991–2009: a center-left view. Tartu, St. Petersburg, Kripta Publ., 2009. 576 p. (in Russian).

23. Frol'tsov V. V. The FRG Position on Restoration of the USSR Baltic Republics' Sovereignity (1990–1991). *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [The Journal of International Law and International Relations], 2008, no. 3, pp. 34–40 (in Russian).

24. Lieven A. *The Baltic revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence*. New Haven, London, Yale University Press, 1993. 454 pp.

25. Smith K. C. *Baltic-Russian relations: implications for European security*. Washington, Center for Strategic & International Studies, 2002. 61 p.

26. Zile L. Baltic-Russian cooperation during the restoration of independence (1990 until the 1991 putsch). *The Baltic States at historical crossroads: political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international cooperation at the beginning of the 21st century: a collection of scholarly articles*. Riga, 1998, pp. 489–501.

27. Beinerte V. Beinerte V. *Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu* [Exit from a prison. Conversation with Egils Levits]. Available at: https://www.la.lv/saruna-egils-levits (accessed 19.02.2020) (in Latvian).

Информация об авторе

Володькин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: valodzkin@bsu.by

Information about the author

Andrei A. Valodzkin – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Senior Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: valodzkin@bsu.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 930(476)«19»:001«1929/1941»
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-443-450

Поступила в редакцию 23.06.2020
Received 23.06.2020

В. А. Белозорович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК БССР (1929–1941 гг.)

Аннотация. Институт истории Национальной академии наук Беларуси является ведущим научно-исследовательским учреждением исторического профиля в республике. История института свидетельствует о становлении и развитии белорусской историографии. В статье раскрывается научно-организационная деятельность сотрудников Института истории Академии наук БССР в предвоенный период. Показано влияние социально-политической ситуации на изменение организационной структуры и кадрового состава института: историки «старой школы» уступили место представителям новой марксистской парадигмы. Сделан вывод об установлении методологического монополизма в советской исторической науке. Автор проанализировал процесс становления и изменения основных направлений исторических исследований при разработке концепции истории Беларуси в 1929–1941 гг. Отмечено, что в научных исследованиях приоритет отдавался проблемам истории революционного движения, классовой борьбы, советского строительства.

Ключевые слова: история, историческая наука, историография Беларуси, историческая концепция, Белорусская Академия наук, Институт истории АН БССР

Для цитирования: Белозорович, В. А. Научно-организационная деятельность сотрудников Института истории Академии наук БССР (1929–1941 гг.) / В. А. Белозорович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 443–450. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-443-450

Viktar A. Belozorovich

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF THE STAFF OF THE HISTORY INSTITUTE OF THE BELARUSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1929–1941)

Abstract. The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus is the leading research institution of historical profile in the Republic. The history of the Institute testifies to the formation and development of Belarusian historiography. The article reveals the scientific and organizational activities of the staff of the Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR in the pre-war period. The influence of the socio-political situation on the change in the organizational structure and personnel of the Institute is shown: historians of the “old school” gave way to representatives of the new Marxist paradigm. The conclusion is made about the establishment of methodological monopolism in Soviet historical science. The author analyzed the process of formation and change of the main directions of historical research in the development of the concept of the history of Belarus in 1929–1941. It is noted that in scientific research, priority was given to the problems of the history of the revolutionary movement, class struggle, and Soviet construction.

Keywords: history, historical science, historiography of Belarus, historical concept, Belarusian Academy of Sciences, Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR

For citation. Belozorovich V. A. Scientific and organizational activity of the staff of the History Institute of the Belarusian Academy of Sciences (1929–1941). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 443–450 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-443-450

Постановка проблемы. Актуальность статьи обусловлена необходимостью комплексного освещения процесса становления исторической науки Беларуси во второй период ее развития – с 1929 г. до июня 1941 г. Институт исторических наук Белорусской Академии наук, преобразованный в Институт истории АН БССР, представлял собой центр исторической науки. Без анализа деятельности Института истории Академии наук Белорусской ССР невозможно представить

© Белозорович В. А., 2020

оформление основных исследовательских направлений в отечественной историографии советского периода, процесс разработки концепции истории Беларуси.

Анализ последних исследований и публикаций. Роль Института истории в довоенный период рассмотрена в публикациях В. Н. Михнюка [1], Н. В. Токарева [2], Р. Линднера [3], коллективной монографии «Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.)» [4] и др. В то же время этапы развития института, обусловленные влиянием общественно-политической ситуации в стране, деятельность отдельных секций учреждения исследованы не в полном объеме. В статье использованы неопубликованные документы из фонда 1 «Президиум Академии наук», фонда 3 «Институт истории Академии наук» Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси, фонда 4п «Центральный комитет КП(б) Белоруссии» Национального архива Республики Беларусь.

Основные результаты исследования. 26 февраля 1929 г. Президиум Белорусской Академии наук принял решение: «в целях создания научной базы для социалистического строительства страны принять на 1928–1933 гг.» новую структуру БАН. Она предусматривала реорганизацию академических организаций исторического профиля. Из комплекса исторических наук было решено сформировать Институт исторических наук со следующими подразделениями: кафедрой всеобщей истории, кафедрой истории Беларуси со всеми комиссиями, кафедрой истории белорусского права с археографической комиссией. Члены президиума решили отложить вопрос о судьбе кафедры археологии, а кафедру этнографии запланировали к концу пятилетки преобразовать в Институт этнологии [5, л. 22]. В октябре 1929 г. специально созданной комиссии поручили совместно с представителями национальных комиссий, национальных секций и кафедры марксизма-ленинизма подготовить штатное расписание института и план его работы [5, л. 105–106]. Президиум БАН 15 октября утвердил членов комиссии руководителями института: директором – В. М. Игнатовского, заместителем директора – В. Д. Дружчица, ученым секретарем – Д. И. Довгялло.

Институт исторических наук первоначально состоял из комиссий ранее действовавшего в 1922–1928 гг. Института белорусской культуры: комиссии по истории Беларуси, комиссии по всемирной истории «в связи с историей Беларуси», археографической комиссии, археологической комиссии, комиссии по истории белорусского искусства. Также в его структуру включили национальные комиссии польского и еврейского секторов, кафедру истории Литвы, историков из латышской комиссии [5, л. 128]. В официальных документах часто комиссии называли «кафедрами».

Появление в структуре научных учреждений республики Института исторических наук свидетельствовало не только о формировании собственно исторической науки Беларуси, но и об усилении роли истории в общественно-политической и духовной жизни общества. Однако историческая наука в БССР развивалась не в национальном направлении, а как органическая часть советской науки. Представители национальной историографии подверглись репрессиям. Летом 1930 г. сотрудники ОГПУ арестовали С. А. Дубинского, Ф. И. Забелло, И. И. Красковского, В. Ю. Ластовского, И. Ю. Лёсика, С. М. Некрашевича, А. А. Смолича, А. И. Цвикевича, Б. А. Эпимаха-Шипило и др. Президент БАН В. М. Игнатовский, соглашаясь с проводимым политическим курсом, поставил свою подпись под многочисленными резолюциями «О снятии с ответственных постов академиков» [5, л. 239]. Но уже 30 октября 1930 г. Президиум БАН рассмотрел вопрос «О положении и работе Института истории». Академик В. К. Щербаков обвинил В. М. Игнатовского в пособничестве национал-демократам. Президиум БАН постановил сформировать временную дирекцию института в составе С. Ю. Матулайтиса (директор), Е. И. Ривлина (заместитель), А. Н. Лявданского (ученый секретарь). Новому руководству предложили направить работу учреждения в русло исследования проблем социалистического строительства. Бывшего заместителя директора В. Д. Дружчица оставили на работе в качестве специалиста по истории городов, бывшего ученого секретаря Д. И. Довгялло – в качестве археографа. Академик И. Н. Ясинский по причине идеологического несоответствия был уволен и лишен пенсионного обеспечения. С 1 ноября в состав научных специалистов Института исторических наук ввели В. К. Щербакова, Е. И. Ривлина, И. А. Витковского, И. Д. Сосиса, В. К. Будкевича, К. Ю. Шкильтера, в состав научных сотрудников – М. Т. Огульника, В. И. Скардиса [5, л. 9 об].

10 марта 1931 г. Институт исторических наук был реорганизован в «Научно-исследовательский институт истории Белорусской Академии Наук». Директором утвердили С. Ю. Матулайтиса, заместителем назначили В. К. Щербакова, а ученым секретарем – А. Н. Лявданского [6, л. 158]. Внутренняя структура института претерпела изменения: кафедры этнографии и археологии были реорганизованы в секции. Их возглавили соответственно Н. М. Никольский и А. Н. Лявданский. Продолжали функционировать еще две секции: истории Беларуси и истории Запада (Западной Европы). При этом пункт 3в «Положения об Институте истории БАН» предусматривал, что главное внимание в работе учреждения отводится изучению истории Беларуси. Согласно штатному расписанию секция по отечественной истории включала один оклад академика, 4 оклада ученых-специалистов и 2 оклада научных сотрудников [6, л. 160]. Насколько целесообразным было решение о сохранении т. н. «западной» секции, которая состояла из 0,5 оклада академика и одного оклада научного сотрудника, вопрос остается открытым. На наш взгляд, позиция руководства была обусловлена не столько научными потребностями, сколько влиянием политической ситуации. Помимо идеи мировой коммунистической революции, главным аргументом являлось нахождение Западной Беларуси в составе Польши. В структуре БАН функционировала комиссия по изучению Западной Беларуси во главе с Н. С. Орехво, а в Институте истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б – западный сектор. Вероятно, в ЦК КП(б)Б планировали объединить эти центры в рамках одной западной секции, что и произошло в 1936 г. [7, с. 119].

В марте 1933 г. Институт истории возглавил П. О. Горин, переведенный из Москвы на должность президента Белорусской Академии наук [6, л. 137]. Несмотря на крестьянское происхождение, П. О. Горин (Коляда) ощутил на себе влияние двух образовательных систем: гимназической в дореволюционной России и коммунистической в Советской России [8, л. 5–6]. Выбор, сделанный ЦК КП(б)Б, в пользу кандидатуры П. О. Горина был не случайным. Требовался руководитель новой формации, который бы осознавал всю сложность задач, поставленных партией перед историками. В этом плане кандидатура временного директора Института истории БАН С. Ю. Матулайтиса проигрывала, прежде всего, из-за дворянского происхождения. Научная востребованность ученого теперь напрямую зависела от его политической благонадежности. П. О. Горин считал, что деятельность учреждения «не удовлетворяла потребности социалистического строительства в БССР». Научная продукция по своей методологии являлась чуждой для пролетарской общественности. Институт истории не содействовал становлению в республике национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры. Сотрудникам Института истории БАН были предложены комплексные темы, выполнение которых отвечало задачам партийной политики, проводимой в БССР, например, «Критика буржуазных и националистических взглядов в науке и политике», «Национальная культура и пролетариат», «Польша и Западная Беларусь», «Борьба с религией», «Теория и практика правого оппортунизма в БССР» [9, л. 150–151].

В 1932 г. была опубликована брошюра ученого секретаря института И. Г. Корниенко «Класавая барацьба на гістарычным фронце Беларусі» [10], где основное внимание уделялось выявлению великодержавных и нацдемовских теорий в истории Беларуси. Автор апеллировал к решению XVI съезда ВКП(б) (1930 г.) о том, что «главной опасностью на данном этапе является великодержавный уклон, который стремится ревизионировать основы ленинской национальной политики». Великодержавный и националистический уклоны в историографии Беларуси, по мнению Корниенко, являлись проявлениями классовой борьбы в исторической науке. Текст брошюры содержит конкретное указание на концепции, враждебные марксистско-ленинской методологии: прямое «оправдание» колониальной политики царизма в трудах М. К. Любавского и М. В. Довнар-Запольского, солидарность вышеупомянутых ученых с планами фашистской Польши; идеализация «золотого века» Беларуси XV–XVI вв. с целью обоснования самобытности Беларуси; отсутствие классовых противоречий в белорусском обществе, прежде всего отрицание кулачества как класса; идея единства белорусской нации; идеализация мелкобуржуазных националистических партий (например, Бунда и БСГ); безосновательная героизация шляхтича Кастуся Калиновского и преувеличение его роли в восстании 1863–1864 гг. [10, с. 3].

В ноябре 1932 г. ученый секретарь И. Г. Корниенко на запрос ЦК КП(б)Б подготовил доклад «Итоги и перспективы исторического фронта Беларуси» [11, л. 57–75]. По его мнению, еще в Инбелкульте началась пропаганда национал-демократизма. Благодаря В. М. Игнатовскому, М. В. Довнар-Запольскому, В. И. Пичете история Беларуси «была призвана на службу контрреволюционному национал-демократизму». Сами национал-демократы пытались теоретически обосновать контрреволюционную программу реставрации капитализма в Беларуси [11, л. 76]. Результатом доклада стала кадровая «чистка» института.

Президиум БАН 21 февраля 1933 г. рассмотрел результаты кадровой проверки работников. Были сняты с занимаемых должностей и уволены И. Е. Ривлин как «неразоружившийся троцкист, проводящий антисоветскую работу», С. А. Дубинский как «неразоружившийся нацдем» и др. За свои «прежние установки в исторической науке» получили предупреждения В. Д. Дружчиц и К. И. Керножицкий. Успешно прошли проверку А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, М. Я. Гринблат, А. А. Данильчик, Е. И. Корнейчик, А. Л. Слободецкий [12, л. 6–7].

Выступая на закрытии декадника БАН в Москве, президент академии П. О. Горин много внимания уделил вопросу классовой борьбы в исторической науке Беларуси и критике национал-демократической концепции белорусской истории [13, с. 186–190]. 9 апреля 1933 г. И. Г. Корниенко изложил вопрос о деятельности Института истории на заседании Президиума АН БССР. В постановлении было отмечено наличие «политических прорывов» в работе научного учреждения. И. Г. Корниенко и К. И. Керножицкого президиум обвинил в ошибках троцкистского, правооппортунистического и нацдемовского характера. Затем И. Г. Корниенко 15 декабря 1933 г. был уволен «за обман руководства академии о своей бывшей подготовке и научной деятельности, за подачу ложных сведений, как ничего не знающий и не разбирающийся в вопросах науки и как проходимец» [12, л. 136].

Последовала новая академическая проверка института. Комиссия дала положительную оценку работе секции истории Беларуси (руководитель – В. К. Щербаков) и секции археологии (руководитель – А. Н. Лявданский) [9, л. 1]. Деятельность секции по истории Запада (руководитель – М. С. Кармин) признали неудовлетворительной [9, л. 7]. Возникли вопросы к качеству публикаций сотрудников секции этнографии (руководитель – Н. М. Никольский) [9, л. 12].

Академическая проверка Института истории выявила, что археологи А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, А. Д. Коваленя «нуждаются в более глубокой марксистской подготовке» [9, л. 10, 12]. Выпускнице аспирантуры Н. И. Богданович необходимо было «включиться в научно-исследовательскую и педагогическую деятельность» [9, л. 7], Д. Ф. Жилуновичу – «активно участвовать в общественно-политической и производственной деятельности института» [9, л. 8], Ш. М. Гольдбергу – ускорить защиту диссертации «Советско-польская война 1919–1920 гг.», М. А. Богданову – «усилить темпы по подготовке к печати работы» [9, л. 11]. Нейтрально-взвешенную оценку получили сотрудники В. К. Щербаков, А. И. Воронова, Н. М. Никольский, К. И. Керножицкий, Д. А. Дудков, М. Ф. Лебович, А. С. Либман.

16–17 апреля 1935 г. на заседании Президиума АН БССР был рассмотрен вопрос о результатах академпроверки Института истории. Руководство академией констатировало улучшение качества научно-исследовательских работ, успехи в изучении истории Беларуси и расширении документальной базы исторической науки БССР, отметило сложившийся тесный контакт с историками БГУ и др. Тем не менее были выявлены существенные «прорывы» в работе института: 1) отсутствие классовой бдительности (доклад «черносотенца Прохорова»); 2) «научный брак» (книга А. Л. Слободецкого «Земледельческие орудия докапиталистической формации в Белоруссии»); 3) слабое руководство секцией по истории Запада; 4) неэффективное руководство аспирантурой; 5) невыполнение плана научных докладов внутри института; 6) недостаточная борьба с троцкистскими и бундовскими установками в истории; 7) слабая связь с историками национальных меньшинств, в частности, с Институтом еврейской пролетарской культуры; 8) незавершенная работа по составлению программы по истории Беларуси; 9) нарушение трудовой дисциплины рядом сотрудников.

По итогам обсуждения Президиум АН БССР выработал ряд мер, направленных на исправление сложившейся ситуации. В основном они носили организационно-распорядительный харак-

тер и не затрагивали методологию и проблематику исторических исследований. Например, приняли решение о создании «комиссии для оказания систематической помощи преподавателям истории в духе решений ЦК ВКП(б)» [14, л. 58].

В середине 1930-х гг. еще продолжали функционировать национальные подразделения в структуре АН БССР, на наш взгляд, как «инерция» национальной политики предшествующего десятилетия. Институт еврейской пролетарской культуры в 1933 г. возглавил вернувшийся из Москвы по инициативе П. О. Горина С. Х. Агурский. Институт состоял из пяти комиссий, определявших направления научных исследований: исторической, социально-экономической, лингвистической, литературной и антирелигиозной. К 15-й годовщине Октябрьской революции сотрудники института подготовили три исторических сборника, в которых раскрыли процесс большевизации еврейских рабочих и «самоликвидацию» еврейских политических партий и движений, показали успехи Советской власти в деле улучшения материального благосостояния еврейских трудящихся. Однако у отдельных сотрудников института выявили буржуазно-националистические настроения, бундовские установки, после чего они были уволены [15, л. 13–14].

Буржуазные националисты были «найдены» и в Институте польской пролетарской культуры, возглавляемым И. А. Витковским. Из-за их якобы «вредительского влияния» учреждение не выполнило план исследований 1933 г. В изданной продукции обнаружили «нацдемовскую пропаганду» и отсутствие критики «польского фашизма» [15, л. 14]. К актуальным публикациям отнесли лишь книги «Рабочее движение в Польше в 1870–1890-е гг.», «Маркс-Энгельс о польском вопросе». И. А. Витковского в 1933 г. арестовали, а новым директором стал Т. Ф. Домбаль, направленный из Москвы. Параллельно последовало указание избрать его академиком АН БССР. С. Ю. Матулайтис в своих воспоминаниях дал ему нелицеприятную оценку – «весельчак», «писал доносы» [16, с. 142].

Секции латышской и литовской национальных культур были крайне малочисленны. Помимо С. Ю. Матулайтиса исследования проводили В. И. Скардис, К. Ю. Шкильтер. Сотрудники разрабатывали достаточно «узкую» проблематику, например, латышская колония в Беларуси, национально-культурное строительство у литовцев БССР. Поскольку стояла задача вести борьбу с буржуазно-националистическими установками, то осуществлялась подготовка таких тем, как «Национальный вопрос в Латвии», «Люксембургианские ошибки в период советской власти в Литве» и др. [15, л. 15].

Переход к унификации национальной политики вызвал изменения в структуре Академии наук Белорусской ССР. 29 июля 1935 г. Президиум академии принял решение о слиянии Института польской пролетарской культуры, Института еврейской пролетарской культуры, литовской и латышской секций в Институт национальных меньшинств. Директором назначили С. Ю. Матулайтиса, его заместителем – С. Х. Агурского, ученым секретарем – К. Ю. Шкильтера. Однако учреждение просуществовало менее года: 31 мая 1936 г. последовала его реорганизация и слияние с другими академическими институтами. Девять сотрудников (С. Ю. Матулайтис, Я. Г. Рубина, В. И. Скардис, Л. М. Голомшток, К. С. Матулайтис, Ч. Л. Якубович, К. Ю. Шкильтер, С. Х. Агурский, Л. С. Душман) были переведены в Институт истории [17, л. 72–73]. Они активно включились в разработку темы «Осуществление ленинско-сталинской национальной политики среди национальных меньшинств БССР», поскольку академия готовила к изданию сборник «Ленинско-сталинская национальная политика в БССР за 20 лет» [17, л. 79, 94]. От Института истории за его подготовку отвечал постоянный секретарь академии, директор института В. К. Щербаков. Однако 21 июня 1937 г. он был арестован. Также арестовали в 1937–1938 гг. С. Ю. Матулайтиса, С. Х. Агурского, М. Ф. Лебовича, Е. С. Матулайтис, К. И. Керножицкого, В. И. Скардиса, Л. М. Голомштока, А. Л. Слободецкого, А. Д. Коваленю, К. Ю. Шкильтера. Штат научных сотрудников Института истории сократился на 55 %. Из археологов остался только К. М. Поликарпович [18, л. 88–89].

Президент АН БССР И. З. Сурта, выступая на XVI съезде КП(б)Б (1937 г.), утверждал, что Академия наук («генералитет» Горина») состояла из контрреволюционеров, шпионов, нацдемов, троцкистов, имевших прямое отношение к «фашистской Польше». П. О. Горин не только прикрывал «контрреволюционную стаю», но и сам отказывался признать собственные троцкист-

ские ошибки. В вину бывшему президенту академии вменялся факт полемики с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, А. Г. Шляпниковым и др., использование в ходе дискуссии обращения «товарищ», принадлежность к «школке Покровского» [19].

Как итог, в 1940 г. Институт истории АН БССР имел только две секции: секцию истории народов СССР и БССР и секцию этнографии и фольклора. Правда, в следующем году попытались восстановить секцию археологии Беларуси [20, л. 43]. Очевидно, что отсутствие кадровой преемственности, нехватка квалифицированных ученых негативно сказались на деятельности Института истории. Президиум АН БССР признал работу института за 1940 г. неудовлетворительной и констатировал, что «историческая наука БССР отстает от тех запросов, которые предъявляют к ней широкие трудящиеся массы воссоединенной Беларуси» [20, л. 13 об]. Поэтому коллективу института было предложено составить перспективный план изучения отечественной истории и смежных с ней наук, разработать примерную тематику диссертационных работ.

Проблематика научных исследований сотрудников Института истории в первой половине 1930-х гг. свидетельствует об актуальности вопросов советской истории: Октябрьская революция 1917 г., гражданская война, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, осуществление ленинско-сталинской национальной политики и др. [6, л. 141–142]. Их разработка тормозилась кадровыми «чистками», недостаточным уровнем профессиональной подготовки, совмещением сотрудниками научной и педагогической работы. По итогам 1936 г. Институт истории АН БССР был лишен переходящего Красного знамени и красного треугольного флага Академии наук [21, л. 63]. Ситуация не изменилась и в последующие три года. В 1937 г. планировали опубликовать учебник по истории Беларуси для средней школы (В. К. Щербаков, С. Х. Агурский, Д. А. Дудков), научную работу С. Ю. Матулайтиса и В. И. Скардиса «История Литвы», Л. М. Голомштока «Кагалы как орудие угнетения еврейского населения», Д. А. Дудкова «Положение крестьянства во второй половине XIX в.», М. А. Богданова «Минский Совет в 1917 г.» [18, л. 7], но безрезультатно. «Историографический провал» был обусловлен рядом причин. Во-первых, сказались репрессии 1937–1938 гг., во-вторых, авторы опасались политических обвинений, которые традиционно следовали после публикации научной продукции. Достижением белорусской историографии исследуемого периода следует назвать лишь второй том «Гісторыі Беларусі ў дакументах і матэрыялах».

До Великой Отечественной войны публикационная активность сотрудников института оставалась невысокой. Н. М. Никольский совместно с И. Ф. Лочмелем написали брошюру «Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне», предназначенную в помощь агитаторам, политработникам и студентам, изучающим историю западных областей БССР. По результатам экспедиции, проведенной в западных областях, М. Я. Гринблат, А. К. Калечиц, И. А. Серебряный составили на русском и еврейском языках фольклорный сборник «В когтях белого орла» [22, л. 12 об., 104]. Сотрудники секции этнографии и фольклора по причине относительно «безопасной» проблематики смогли издать две книги: «Песні беларускага народа», «Жанчына ў беларускай народнай творчасці».

Основную задачу историков президиум видел в изучении истории революционного движения, в частности, периода Великой Октябрьской социалистической революции. Для этого в начале 1941 г. сформировали рабочую группу под руководством московского академика А. М. Панкратовой. В нее вошли старшие научные сотрудники: О. А. Шекун, И. Ф. Лочмель, М. Ф. Лебович, Е. П. Шлосберг, И. М. Лущицкий; младшие научные сотрудники: Г. А. Скакальский, Р. Плостак, Н. И. Богданович и др. К 25-летию Октябрьской революции ученые готовили коллективную монографию «История Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии» [23, л. 14]. Реализовать поставленную задачу не удалось по причине начавшейся Великой Отечественной войны.

Выводы. Институт истории АН БССР в довоенный период деятельности прошел этап организационного становления и радикальных кадровых изменений, вызванных сложной общественно-политической ситуацией. Национально-ориентированные историки подверглись судебным преследованиям. Кардинально изменилась проблематика исторических исследований – приобрели актуальность вопросы классовой борьбы, революционного движения, социалистического

строительства. В историографическом наследии сотрудников института можно выделить три периода, обусловленных сменой поколений исследователей: 1929–1935 гг. – усиление идеологического влияния на исторические исследования; 1936–1939 гг. – прекращение активной публикационной деятельности; 1940–1941 гг. – полное доминирование марксистско-ленинской методологии, приход новой генерации ученых в науку.

Список использованных источников

1. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В. Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1985. – 284 с.
2. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н. В. Токарев. – Минск : Наука и техника, 1988. – 181 с.
3. Ліндэнэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. : пер. з ням. Л. Баршчэўскага / Р. Ліндэнэр. – [Выд. 2-е]. – Мінск ; СПб. : Неўскі прасцяг, 2005. – 538 с.
4. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 627 с.
5. Центральный научный архив Национальной Академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 8.
7. Вахтомаў, Г. В. Станаўленне гістарыяграфіі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Г. В. Вахтомаў, У. М. Міхнюк // Вес. Акад. навук Беларус. ССР. Сер. грамад. навук. – 1988. – № 5. – С. 118–125.
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 168.
9. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 6.
10. Карніенка, В. Класавая барацьба на гістарычным фронце Беларусі / В. Карніенка. – Менск : [б. в.], 1932. – 30 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6196.
12. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 21а.
13. Академик П. О. Горин: документы и материалы / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 347 с.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 31.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 29.
16. Селяніс, В. «Давялося шмат і шмат працаваць…» З успамінаў беларускага акадэміка Стасіса Матулайціса (1866–1956) / В. Селяніс // Homo historicus, 2019 : гадавік антрапалаг. гісторыі / пад рэд. А. Ф. Смаленчука. – Вільня, 2019. – С. 134–147.
17. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 50.
18. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 53.
19. Сурта, І. З. Ідэалагічнаму фронту – максімум увагі / І. З. Сурта // Звязда. – 1937. – 9 ліп. – С. 3.
20. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 77а.
21. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп.1. Д. 34.
22. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 67.
23. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 77.

References

1. Mikhnyuk V. N. *Formation and development of historical science of Soviet Belarus (1919–1941).* Minsk, Nauka i technika Publ., 1985. 284 p. (in Russian).
2. Tokarev N. V. *Academy of Sciences of the Belarusian SSR: the years of formation and testing (1929–1945).* Minsk, Nauka i technika Publ., 1988. 181 p. (in Russian).
3. Lindner R. *Historians and power: nation-making process and historical policy in Belarus of the XIX–XX century.* Minsk, St. Petersburg, Neuski prastsyag Publ., 2005. 538 p. (in Belarusian).
4. *Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1929–2009.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 627 p. (in Russian).
5. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.* Fund 1, inventory 1, case 2 (in Russian).
6. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.* Fund 1, inventory 1, case 8 (in Russian).
7. Vakhtomau G. V., Mikhnyuk U. M. Formation of historiography of the revolutionary movement in Western Belarus. *Vestsi Akademii navuk Belaruskai SSR. Seryya gramadskikh navuk* [News of the Academy of Sciences of the Belarusian SSR, Social science series], 1988, no. 5, pp. 118–125 (in Belarusian).
8. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.* Fund 2, inventory 1, case 168 (in Russian).
9. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.* Fund 1, inventory 1, case 6 (in Russian).
10. Karnienka V. *Class struggle on the historical front of Belarus*. Minsk, 1932. 30 p. (in Belarusian).
11. *National Archive of the Republic of Belarus*. Fund 4п, inventory 1, case 6196 (in Russian).
12. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 21a (in Russian).
13. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus**.** *Academician P. O. Gorin: documents and materials*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2011. 347 p. (in Russian).

14. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 31 (in Russian).
15. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 29 (in Russian).
16. Selyanis V. "I Had to work hard..." from the memoirs of the Belarusian academician Stasis Matulaitis (1866–1956). *Homo historicus, 2019: the annual of anthropological history.* Vilnius, 2019, pp. 134–147 (in Belarusian).
17. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 50 (in Russian).
18. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 53 (in Russian).
19. Surta I. Z. Pay maximum attention to the Ideological front. *Zvyazda* [Star], 1937, July 9, p. 3 (in Belarusian).
20. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 77a (in Russian).
21. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 3, inventory 1, case 34 (in Russian).
22. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 67 (in Russian).
23. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 77 (in Russian).

Информация об авторе

Белозорович Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

Information about the author

Viktar A. Belazarovich – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 81’42(045)
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460

Поступила в редакцию 12.03.2019
Received 12.03.2019

Н. В. Зиневич

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ МОДУСА И МОДАЛЬНОСТИ

Аннотация. Целью настоящей статьи является разграничение смежных категорий модуса и модальности с последующим выявлением специфики их взаимодействия в научном дискурсе. Во введении доказывается теоретическая и практическая целесообразность изучения языковых категорий с антропоцентрических позиций. Основная часть предваряется рассмотрением базовых концепций модальности, в результате чего уточняется смысловой объем данной категории и выбирается наиболее оптимальный в контексте данного исследования подход. В дальнейшем сопоставляются определения, категориальный статус, особенности функционирования и средства языковой реализации модальности и модуса, что позволяет сделать вывод о существенных отличиях данных категорий и необходимости их последовательного разграничения. Как показал практический анализ, в научном дискурсе на английском и белорусском языках доминирует категория модуса в трех разновидностях (познание, мнение, коммуникация) с абсолютным преобладанием показателей познания. Последующее исследование отношений между категориями модуса и модальности выявило основные модели взаимодействия их поверхностных маркеров, которые по степени формально-смысловой зависимости друг от друга ранжируются от обособленного использования (*исключение*) до полного пересечения (*наложение*). Между этими двумя полюсами находятся модели *размежевания* и *включения*, предполагающие одновременное нахождение в высказывании индикаторов модуса и модальности. Сопоставительный анализ подтвердил универсальный характер модуса и модальности, основных моделей их взаимодействия и общих тенденций употребления. Также была установлена лингвокультурная специфика, проявляющаяся в предпочтении модализировать различные типы модусов и использовать особые средства выражения модальности. В заключении статьи полученные результаты объясняются действием комплекса специфических экстралингвистических факторов – коммуникативной ситуацией, а также типовыми особенностями и интенциями ее участников.

Ключевые слова: языковая категория, модусная категория, модус, модальность, научный дискурс

Для цитирования: Зиневич, Н. В. Научный дискурс в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности / Н. В. Зиневич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 451–460. https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460

Nadzeya V. Zinevich

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

SCIENTIFIC DISCOURSE FROM THE ASPECT OF INTERACTION BETWEEN THE CATEGORIES OF MODUS AND MODALITY

Abstract. The paper explores the correlation between the universal categories of modus and modality in scientific discourse. It is claimed that the two categories demonstrate different ontological nature and, consequently, should be treated separately. In this light the domain of modality needs to be reduced to the expression of truth value, while the functional potential of modus will include all the other ways in which the speaker assesses his/her utterance. Hence, it’s more expedient to characterize modality as a functional-semantic category, with modus assuming communicative-pragmatic dimensions. It has been revealed that in scientific discourse there is absolute domination of modus, which can be attributed to the unique nature of communication in this field. The category of modality, in its turn, has a limited application and is mostly restricted to combinations with different modi. Further investigation has found out that English and Belarusian scientific discourses share their major modus-modality characteristics but differ in terms of modi their authors prefer to modalize and concrete language means used for the purpose.

© Зиневич Н. В., 2020

Keywords: linguistic category, modus-centered category, modus, modality, scientific discourse

For citation: Zinevich N. V. Scientific discourse from the aspect of interaction between the categories of modus and modality. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 451–460 (in Russian). https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460

Многовековой интерес науки к познанию человека во всех его возможных проявлениях с неизбежностью привел лингвистику к антропоцентрической исследовательской парадигме, диктующей необходимость изучения человеческого фактора, предстающего сквозь призму языка. Вполне закономерно, таким образом, пристальное внимание специалистов к универсальным языковым категориям, отражающим различные аспекты проявления участников коммуникации в их речевой деятельности. Среди таких *модусных* (сосредоточенных на человеке) категорий можно выделить как достаточно традиционные (модус, модальность, оценочность, экспрессивность, эмотивность и т. д.), так и относительно новые в исследовательском отношении (авторизованность, субъектность, персуазивность, стратегичность и др.) [1]. В качестве перспективы современных разработок, таким образом, можно представить не только дальнейшее изучение данных категорий и выявление новых, но и установление особенностей их взаимодействия в конкретном языковом материале. Ввиду универсального характера модусных категорий особый интерес представляет их сопоставительный анализ в разноструктурных языках с последующим выявлением лингвокультурной специфики. Полученные результаты могут быть использованы в профессиональной деятельности специалистов по межкультурной коммуникации, в лингводидактической практике, а также при оптимизации программного обеспечения, ориентированного на поиск мнений в текстах различной жанрово-дискурсивной направленности.

Целью данного исследования является установление соотношения между языковыми категориями модуса и модальности с последующим определением их границ и зон пересечения в научном дискурсе.

Основные подходы к определению и типологизации категории модальности. В литературе неоднократно говорилось о сложной природе модальности, в связи с чем отмечались многочисленные противоречия как в определениях, так и в типологизациях отдельных модальных значений [2–4 и др.]. В настоящем исследовании внимание будет сосредоточено на трех наиболее показательных лингвистических концепциях модальности, освещение которых может пролить свет на характер ее взаимодействия со смежной категорией модуса.

Прежде всего обратимся к традиционному подходу, согласно которому модальность определяется как категория, «выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5, с. 303]. Как можно заметить, в фокусе обеих частей традиционного определения находится понятие «отношения», которое, по-видимому, является общим компонентом, позволяющим объединить отдельные разновидности модальности в рамках цельной языковой категории.

Несмотря на широкую распространенность и долгую традицию использования, классическое понимание модальности не лишено ряда серьезных недостатков, среди которых важнейшим является его практически неограниченный концептуальный объем. Так, ввиду неоднозначности ключевого для модальности понятия «отношение» среди показателей модальности отмечались такие разнородные языковые сущности, как коммуникативные типы предложений (сообщение, побуждение, вопрос, восклицание [6, с. 55], утвердительные и отрицательные предложения [7, с. 233] и т. д.

Кроме того, при введении эксплицитной поправки в определении модальности на точку зрения говорящего любое модальное значение по умолчанию приобретает характер субъективной отмеченности. Данный факт в свою очередь может приводить к новым трудностям. Во-первых, возникает вопрос об отграничении модальности от других категорий субъективного плана, также передающих то или иное отношение говорящего к высказыванию – модуса, оценочности, эмотивности, аппроксимации, отрицания, персуазивности и др. [1, с. 91]. Во-вторых, акцент на позиции говорящего представляет известную методологическую сложность для традиционного разделения модальности на «субъективную» и «объективную».

Изначально понятие «объективной» модальности было введено для обозначения «отношения высказывания к действительности», при этом отношение далее конкретизировалось в терминах его реальности, нереальности и потенциальности. Тем самым в основе объективного модального значения постулировалось «описание альтернативных путей развития событий, заложенных в самой действительности» [8, с. 240]. Соответственно, такая модальность считалась важной составляющей семантики пропозиционального компонента предложения, описывающей объективные (т. е. неконтролируемые говорящим) связи между субъектом и предикатом представленного в предложении положения дел. Отсюда следует, что объективная модальность является обязательным признаком любого предложения [5–6], а его показатели непосредственно входят внутрь пропозициональной синтаксической структуры, напрямую подчиняя ее предикат [8, с. 243]. Например: *Найкарацейшы па даўжыні СЛ* (словаўтваральны ланцужок. – *Н. З.*) <…> *максімальна* ***можа мець*** *у сваім складзе пяць паслядоўных кампанентаў-звёнаў* [І. Д., с. 82]. Поэтому закономерно, что объективная модальность также часто характеризовалась как онтологическая, внутренняя или внутрисинтаксическая [2, с. 63].

Однако выделение объективной модальности столкнулось с достаточно серьезной критикой: как следует из приведенного выше традиционного определения, ключевым пунктом определения модальности является точка зрения говорящего. Это значит, что любая модальность субъективна по своей природе, а выделение объективной модальности противоречит глубинной сути категории [4].

Перейдем далее к рассмотрению субкатегории субъективной модальности, выделение которой также не избежало критической реакции со стороны специалистов. Данное модальное значение опиралось на идею эксплицитного «отношения говорящего к сообщению», однако в силу неопределенности понятия «отношение» субъективно модальными считались самые разные смыслы – эмоционально-оценочные, степень достоверности высказывания, связь с предтекстом и т. д. [8, с. 240–242]. Так или иначе, ядром данной субкатегории всегда признавалась эпистемическая модальность, выражающая отношение говорящего к достоверности пропозиционального содержания [9, с. 125–126; 10, с. 71]: <…> ***відавочна****, што за тэрміналагічнай разнастайнасцю* <…> *хаваецца агульнае для ўсіх імкненне да пошуку пэўнага абстрактнага шаблону* <…> [Т. Ш., с. 109].

Существенным формальным отличием субъективной модальности от объективной является «наружное» по отношению к пропозиции положение модальных показателей, в связи с чем такая модальность характеризуется как «внешняя» или «внешнесинтаксическая» [2, с. 63].

Несостоятельность традиционного разделения на «субъективные» и «объективные» модальные значения подчеркивает А. В. Зеленщиков при анализе категориального статуса модальности. Так, автор полагает, что различия между данными семантическими «зонами» настолько существенны, что не позволяют привести их к общему смысловому знаменателю и, как результат, исследователь приходит к выводу, что классическая трактовка по сути не содержит интегральных признаков, позволяющих отнести модальность к языковым категориям [2, с. 66].

Перейдем далее к рассмотрению более узкой концепции модальности, которая стала закономерной реакцией на ограничения традиционного подхода. В попытке избежать многочисленных противоречий и доказать категориальную природу модальности А. В. Зеленщиков отказывается от чересчур широких и потому неопределенных понятий «отношения», «субъективности», «объективности», предлагая в качестве объединяющего признака для категории модальности «характеристику содержания предложения с точки зрения принадлежности описываемой ситуации действительному миру» [2, с. 73]. При этом такая принадлежность рассматривается как оппозиция «реальности/ирреальности» с точки зрения личной пропозициональной установки говорящего.

Таким образом, данное уточненное определение модальности в значительной степени снимает неоднозначность традиционного подхода, сужая чересчур широкое понятие «отношения» до его эпистемической (познавательной) разновидности. Тем самым четкость узких определений модальности, в частности, определения, предложенного А. В. Зеленщиковым, в первую очередь достигается за счет серьезного усечения их концептуального объема. При этом за пределами мо-

дальности остаются многие виды «субъективного» отношения говорящего к сообщению, например, эмотивность и оценочность.

Еще одной попыткой преодоления трудностей выделения и разграничения модальных смыслов является максимально расширительное толкование модальности, согласно которому к данной категории исследователи относят практически все возможные способы оценки сообщаемого с точки зрения говорящего: субъективно-квалификативные, коммуникативные, актуализационные, метаязыковые, утверждение/отрицание и т. д. При этом важно, что субъективная отмеченность по умолчанию признается исходным интегральным компонентом модальности как особой категории [3–4].

Оценивая рассмотренные выше подходы к определению модальности, можно сделать предположение о практической целесообразности более узких трактовок. В частности, достаточно убедительной представляется точка зрения А. В. Зеленщикова, предлагающего ограничить смысловое пространство модальности оценкой истинностного значения пропозиции относительно концептосферы говорящего субъекта. Более широкие толкования модальности, хотя и согласуются со сложившимися исследовательскими и лингводидактическими традициями, отличаются значительной долей неопределенности своего наполнения. Кроме того, при расширенном определении модальность в значительной степени пересекается с другими устоявшимися в лингвистике категориями (в частности, *модусом*), что может в конечном счете вызвать проблему размывания терминологических границ и нежелательной многозначности концептуального аппарата.

Модус как особая лингвистическая категория. В отличие от плюрализма позиций, присущего определениям модальности, исследования смежной категории модуса характеризуются единообразием исходных предпосылок и значительной общностью методологической базы. Как представляется, одной из основных причин научно-теоретического консенсуса в данном вопросе стали достаточно четкие формально-содержательные критерии выделения модуса. Более того, само по себе выделение модусного и диктумного компонентов изначально являлось частью инструментария для анализа содержательной структуры высказывания, по определению требующего известной точности и «осязаемости». Также серьезным фактором в стимулировании единомыслия относительно природы модуса мог стать авторитет его основоположника – французского исследователя Ш. Балли, во многом опиравшегося на прочно укрепившиеся в лингвистике идеи средневековых модистов [3, с. 141].

Таким образом, Ш. Балли выступал за четкое противопоставление в предложении, с одной стороны, мысли, т. е. «представления, воспринятого чувствами, памятью или воображением» (диктума) и, с другой стороны, «производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операцией» (модуса) [11, с. 44]. Иначе говоря, основное назначение диктума состояло в отражении некоторой объективной ситуаций окружающей действительности, а центральной характеристикой модуса признавалась его субъективность, предполагающая указание на «все возможные формы участия говорящего в сообщении» [3, с. 17]: ***Праведзенае даследаванне засведчыла,*** *што старабеларуская дзелавая фразеалогія ўяўляе сабой цікавы і плённы матэрыял для будучых распрацовак* <…> [Н. П., с. 115]. Уточняя данную формулировку, Н. К. Рябцева определяет основную функцию модуса как воплощение того или иного отношения субъекта к диктуму [12, с. 51].

Поскольку модус и диктум всегда дополняют и взаимно обусловливают друг друга, Ш. Балли утверждал, что модус – это «душа предложения» и без него невозможен анализ сентенциальной семантики [11, с. 44]. Тем самым в качестве исходной методологической предпосылки подхода постулировалась обязательность (или выводимость) модуса в структуре любого высказывания.

Таким образом, краткий обзор категорий модуса и модальности позволяет убедиться в том, что между ними имеются значительные зоны пересечения, к обсуждению которых мы и перейдем далее.

Соотношение категорий модуса и модальности. Наиболее ярко смежность между модусом и модальностью прослеживается в их определениях и категориальном статусе. Так, во-первых, обе категории являются универсальными. Во-вторых, они выполняют актуализационную функ-

цию, способствуя переводу фактов языка в речь. Однако наиболее важной чертой сходства является фундаментальная опора данных категорий на понятие *отношения*, источником которого признается говорящий субъект.

Вместе с тем нельзя утверждать, что модус и модальность абсолютно синонимичны. В первую очередь это доказывается несоответствием их концептуальных объемов. Минимальные отличия в данном отношении наблюдаются между модусом и модальностью в современном расширенном толковании, при котором любое проявление субъективного отношения говорящего в высказывании признается модальным/модусным [4].

Если же обратиться к традиционному видению модальности как единству ее субъективной и объективной разновидностей, то модусной отмеченностью будет характеризоваться только субъективная модальность, поскольку именно в ней непосредственно отражается рефлексивно-личностная квалификация сообщения. При этом «за бортом» остается не только модальность объективная, но и такие модусные смыслы, как метатекстовый (отношение к собственной речевой деятельности), фатический (отношение к адресату), авторизационный и, в значительной степени, коммуникативно-прагматический. Кроме того, при идентификации модуса и субъективной модальности неизбежно возникает вопрос о противоречии в их онтологическом статусе: если субъективная модальность традиционно признавалась конструктивно факультативной, то по Ш. Балли модус характеризуется как облигаторный компонент высказывания, который даже при отсутствии подлежит восстановлению.

И, наконец, в случае соотнесения модуса с модальностью в узком понимании (как, например, у А. В. Зеленщикова) зона их пересечения ограничивается еще больше и в основном сводится к эпистемической квалификации пропозиции по степени ее достоверности.

Таким образом, модус и модальность демонстрируют только незначительную область пересечения концептуальных объемов, признаваемую большинством специалистов (а именно отношение говорящего к высказыванию в терминах его достоверности). Также следует обратить внимание на различия функциональных особенностей данных категорий. Модус – это «специализированное понятие, которое связано как с грамматической модальностью, так и работой сознания вообще» [3, с. 111]. Отсюда, если для модальности достаточно указания на отношение как таковое, для модуса обязательна актуализация лица говорящего в самых различных формах его проявления [3, с. 141]. Помимо этого, как уже указывалось выше, модус – это в первую очередь аналитический конструкт для представления прагматически нагруженного компонента семантической структуры предложения, в то время как модальность – одна из его многих семантических характеристик. Отсюда целесообразно говорить о модальности как категории функционально-семантической [4], а о модусе – как категории коммуникативно-прагматической [13].

Сравнение онтологических характеристик модуса и модальности позволяет также сделать выводы относительно специфики их поверхностной реализации. Очевидно, что средства выражения данных категорий будут совпадать в эпистемической зоне, включая модальные слова и выражения, а также модальные глаголы со значением степени уверенности говорящего (*apparently, obviously, perhaps, can, may, might*; *магчыма, ясна, відавочна, на самой справе*). Отнесение оценочных прилагательных и наречий, стилистически отмеченных средств, интонации, а также средств экспрессивного синтаксиса к ядру общих средств зависит от того, причислять ли эмоционально-экспрессивные реакции к модальным смыслам. Понятно, что узкие концепции модальности в духе А. В. Зеленщикова будут их выносить за рамки категории и, как результат, ограничиваться эпистемическими показателями.

К сугубо модальным индикаторам будут относиться модальные глаголы, их эквиваленты, модальные предикативные прилагательные и наречия со значениями (не)возможности, долженствования и необходимости, чье основное назначение заключается в отражении характера объективных связей между субъектом и предикатом пропозиции, обусловленных внешними по отношению к субъекту речи условиями и находящимися вне зоны его контроля: *can, may, might, must, need, should, allow, enable, possible, essential*; *магчы, дазваляць, вымушаць, даваць магчымасць, здольны, неабходны, можна, магчыма, патрэбна* и т. д. [14].

К чисто модусным показателям, в свою очередь, можно причислить глаголы пропозициональной установки (ментальные перформативы/модусные предикаты) со значениями восприятия (*observe, see, notice*; *бачыць, заўважаць, назіраць*), речемыслительной деятельности (*analyze, find out, conclude, mention*; *выяўляць, меркаваць, канставаць*), а также маркеры метатекста типа *in other terms, as previously mentioned*; *іншымі словамі, як ужо адзначалася вышэй*. Кроме того, специализированными модусными индикаторами можно считать союзы и средства связи, служащие для логического структурирования текста и указывающие на ход рассуждения автора (*furthermore, first(ly), however, on the one hand*; *аднак, па-першае, з аднаго боку, тым не менш* и т. д.) [15–17].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что модус и модальность являются разными по своей природе и функциональной направленности категориями, зачастую требующими специфических средств языковой реализации.

Актуализация ментального модуса в научном дискурсе. Когнитивная сущность модуса не вызывает сомнений, поскольку его основная функция заключается в отражении сознания говорящего субъекта. При этом закономерно, что наиболее ярко интеллектуально-рассудочная природа модуса проявляется в научном дискурсе, изначально ориентированном на выработку и сообщение нового знания. Данное обстоятельство побудило исследователей квалифицировать модус научной коммуникации как *ментальный*, а его отдельные разновидности – как воплощение различных аспектов когнитивной деятельности говорящего субъекта [12, с. 52].

Анализ 100 научных статей на английском и белорусском языках показал, что ментальные модусы в данном жанре так или иначе отражают отдельные этапы производства научного знания и в соответствии с этим могут быть сгруппированы в следующие категории: модус познания, модус мнения, а также коммуникативный модус.

Модус познания воплощает различные фазы выработки научного знания, от постановки задачи до ее решения. Среди наиболее употребительных можно отметить следующие разновидности:

– наблюдение (*observe, see, notice*; *бачыць, відаць, звяртаць увагу*);

– открытие нового знания (*determine, find (out), identify*; *вызначаць, выяўляць, знаходзіць*);

– ход рассуждения (*anyway, at the same time, finally, in particular*; *аднак, так, у сваю чаргу, з аднаго боку, прычым*);

– формулирование вывода (*to conclude, to conjecture, to infer, hence, thus*; *вынік, вывад, выснова, сігналізаваць (аб), значыць, таму, такім чынам*).

Мнение, в отличие от знания, не всегда может быть верифицированно. Соответствующие модусы могут быть представлены в научной статье следующими семантическими типами:

– степень достоверности сообщаемого (*to think, believe, consider, seem, appear, apparently, clearly, of course, perhaps*; *выказаць думку, меркаваць, лічыць, ясна, відавочна, на нашу думку*; а также модальные глаголы со значением степени уверенности (*can, could, may, might, must*; *магчы*);

– предпочтительный ракурс рассмотрения изучаемого объекта (*analyze smth (as), interpret smth (as), treat smth (as)*; *разглядаць (як), разумець (як), трактаваць (як)*;

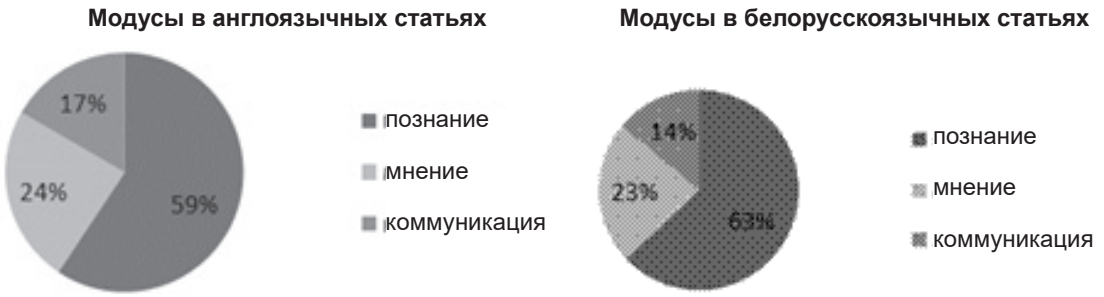
– оценка (*convincing, consistent, important*; *моцны, карысны, актыўны*).

Коммуникативный модус в свою очередь акцентирует процесс передачи научного знания, от его организации в тексте до непосредственной трансляции адресату, например:

– обобщающее повторение и резюмирование (*to recap, to sum up, to summarize*; *падсумоўваць, падагульняць*);

– сообщение полученных знаний (*argue, discuss, mention*, *show, demonstrate, point out*, *stress*; *казаць, канстатаваць, сцвярджаць, паказваць, падкрэсліваць*).

Как уже упоминалось выше, модус является одной из универсальных категорий, что подтверждается результатами настоящего анализа: как англо-, так и белорусскоязычный фактический материал демонстрирует его высокую употребительность (в 83,5% и 77% проанализированных высказываний соответственно). Более того, как следует из рисунка, показатели частотности отдельных типов модусов также указывают на значительное сходство.

Употребительность модусов в англо- и белорусскоязычных научных статьях
Frequency indices of modi in English and Belarusian scientific articles

Как представляется, значительное преобладание модусов познания в проанализированном материале напрямую связано с условиями и типовыми интенциями участников научной коммуникации. Так, автор статьи стремится не только сообщить информацию, но и оказать воздействие на узкую аудиторию специалистов, убеждая ее в обоснованности и правомерности полученных результатов. С этой целью адресант закономерно избегает субъективно отмеченных сигналов эмоционально-оценочного отношения, всячески подчеркивая объективный характер сообщаемых сведений. При этом автор вовсе не «уходит в тень», делая свое сообщение намеренно «надсубъектным», как это зачастую предполагалось ранее, но выбирает такие формы проявления собственной личности, которые сообразны коммуникативной ситуации. В частности, субъект речи в первую очередь стремится позиционировать себя как компетентного исследователя, владеющего методологией научного поиска и способами ее языковой актуализации.

Таким образом, можно утверждать, что предопределяющее влияние на модусный аспект научного дискурса оказывается не языковыми системами, а универсальными факторами экстралингвистического порядка, в частности, формой общественного сознания, типовыми интенциями адресанта, ожиданиями адресата, специфическими условиями протекания коммуникации и т. д.

Перейдем далее к рассмотрению различных форм взаимодействия категорий модуса и модальности в научном дискурсе.

Модели взаимодействия модуса и модальности. Очевидно, что первым необходимым условием для установления специфики взаимодействия категорий модуса и модальности является четкое разграничение их объемов. В рамках данного исследования предлагается придерживаться узкой концепции модальности, сводящей модальность к выражению истинностного значения пропозиции. Анализ фактического материала показал, что взаимодействие категорий модуса и модальности в таком понимании можно свести к четырем основным моделям:

1. ***Исключение***. Данная модель предполагает наличие эксплицитных маркеров только одной из рассматриваемых категорий. В количественном отношении здесь значительно преобладают чисто модусные высказывания: их употребительность в англо- и белорусскоязычных статьях составляет 56% и 51% соответственно. Например: *Up to this point* ***I have been examining*** *the argumentative value of connectives* <…> ‘До настоящего момента я анализировал роль коннекторов в аргументации’ [J. R., p. 182]. Что касается единиц, содержащих только показатели модальности, то их было обнаружено 2,5% и 3% соответственно: *Паказчыкам наяўнасці ў дзеяслова эмацыянальна-ацэначнага зместу* ***могуць*** *служыць тры тыпы каранёвых марфем* <…> [Ю. М., с. 117].

Полученные результаты свидетельствуют, с одной стороны, об очевидной тенденции в дискурсе науки к подчеркиванию вклада автора в производство и сообщение нового знания. Благодаря регулярной экспликации модуса научный текст наделяется значительной долей коммуникативно-прагматической определенности, необходимой для усиления его воздействующего эффекта и адекватного декодирования сообщения адресантом. С другой стороны, достаточно невысокая частотность безмодусных модализированных высказываний может быть следствием несовместимости их основного значения потенциальности с семантикой определенности и завершенности, являющейся неотъемлемой чертой научной коммуникации.

2. ***Наложение***. Как уже отмечалось, при любом подходе к модальности можно обнаружить зоны ее пересечения с категорией модуса. При этом большинство исследователей соглашаются, что в первую очередь это касается эпистемической модальности. Следовательно, такая модальность в значительной степени будет перекликаться с модусом мнения, чья основная функция заключается в передаче степени уверенности автора в сообщаемом: <…> ***we believe*** *it is time to start from the other end of the spectrum* <…> ‘Мы полагаем, что пора начинать с другой стороны спектра’ [J. C.].

С точки зрения плана выражения интересно то, что в научных текстах эпистемическая модальность (и соответствующая разновидность модуса мнения) преимущественно реализуются с помощью предикатов мнения и вводных выражений со значением степени достоверности. При этом здесь практически отсутствуют модальные глаголы (*can, could, may, might, must*; *магчы*) с соответствующей семантикой. Таким образом, можно сделать предположение о том, что в научной коммуникации прослеживается акцент на разделении «сфер влияния» различных языковых маркеров. При этом основная функция модальных глаголов сводится к указанию на характер объективных связей между предметом сообщения и предицируемым ему признаком.

3. ***Включение***. В научном дискурсе достаточно частотны случаи, когда модус и модальность объединяются в рамках единого формально-смыслового комплекса, что наблюдается в 21% и 18% англо- и белорусскоязычных высказываний соответственно: ***Трэба адзначыць****, што значэнне пераходнасці закладзена ў семантыцы дзеяслова* <…> [С. К., с. 105].

В обоих проанализированных языках наиболее активно «модализируются» модусы познания, однако в английском научном тексте это происходит несколько чаще (52% против 40%). Также англоязычные высказывания демонстрируют более высокую сочетаемость с модальными единицами модусов мнения (25% против 19%). В то же время в белорусском научном тексте несколько чаще модализируются коммуникативные модусы (22% против 17%) и, что заметнее, модусы мнения-оценки (19% против 6%).

В целом же можно сделать вывод о несколько более выраженном стремлении англоязычных авторов эксплицировать различные модальные нюансы собственной интеллектуально-рассудочной деятельности, в то время как белорусские ученые, по-видимому, в большей степени стремятся передавать модальные оттенки своих коммуникативно-оценочных действий.

Интересные закономерности можно также обнаружить при анализе конкретных средств языкового выражения модальности. Как известно, спектр модальных глаголов в белорусском языке значительно уже, чем в английском, и преимущественно сводится к глаголу *магчы*. Однако белорусский научный дискурс обнаруживает значительные компенсаторные возможности, делая акцент на таких модальных средствах, как предикативные наречия (*можна, (не)магчыма, трэба, неабходна, правамерна*) и периферийные модальные конструкции с каузативной семантикой (*даваць падставы (магчымасць), дазваляць, садзейнічаць*). Более того, значительное преобладание последних является отличительной особенностью белорусскоязычного текста: *Характар колера абазначэнняў у творах паэта* ***дае падставы гаварыць*** *пра пачуццёвае багацце таленту Ніла Гілевіча* [І. Н., с. 107]. Отсюда можно сделать вывод о более выраженном стремлении белорусских авторов обосновывать сообщаемое знание путем конкретизации различных путей его достижения.

4. ***Размежевание***. Наиболее редкой формой взаимодействия модуса и модальности является их одновременное присутствие в высказывании, при котором, в отличие от модели включения, они «разведены» между модусным и диктумным компонентами высказывания: <…> ***we have seen*** *that written texts of very different types* ***can*** *provide <…> information about the socio-historical distribution and use of these items* ‘Мы видели, что письменные тексты абсолютно разных типов могут давать информацию о социоисторической дистрибуции и использовании этих единиц’ [M. S., p. 164].

Низкая употребительность данной модели в обоих языках (6% и 8% в английском и белорусском соответственно), как и достаточно невысокое количество модализированных высказываний без эксплицитного модуса (2,5% и 3%), позволяют в целом говорить о невысокой степени модализации научного дискурса. В то же время проанализированный материал демонстрирует

значительную употребительность различных типов модусов, как в чистом виде, так и осложненных модальными единицами.

Заключение. Проведенное исследование, таким образом, доказывает правомерность разграничения категорий модуса и модальности. При этом модальность целесообразно рассматривать в первую очередь как категорию функционально-семантическую, чье основное назначение заключается в выражении отношения говорящего к сообщаемой пропозиции с точки зрения ее соответствия действительности. Модус в свою очередь ориентирован на квалификацию пропозиции путем установления ее места и статуса в когнитивно-коммуникативной деятельности говорящего. Таким образом, можно отметить, что модус является категорией коммуникативно-дискурсивной и напрямую участвует в создании дискурса в его обусловленности комплексом экстралингвистических факторов, важнейшими среди которых являются участники коммуникации и их типовые интенции.

Научный дискурс является преимущественной зоной влияния категории модуса, что связано с общими требованиями логичности, однозначности и эксплицитности в данной сфере коммуникации. Кроме того, регулярная экспликация модуса обладает мощным прагматическим эффектом в научном контексте, существенно повышающим его воздействующую силу.

Различия в онтологии модуса и модальности находят непосредственное отражение в поверхностной реализации, что можно проследить на примере таких моделей их взаимодействия, как *исключение* (присутствие в высказывании маркеров только одной категории) и *размежевание* (разведение показателей двух категорий по разным компонентам семантической структуры высказывания). Вместе с тем модус и модальность демонстрируют известную общность своих концептуальных объемов и функционального потенциала, что на уровне формальной реализации проявляется в возможности их полного или частичного пересечения, проявляющегося, соответственно, в моделях *наложения* и *включения*.

Источники примеров

1. І. Д. – Дода, І. Г. Словаўтваральныя ланцужкі дзеясловаў інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай мове / І. Г. Дода // Беларус. лінгвістыка. – 2003. – Вып. 53. – С. 78–84.

2. І. Н. – Навасельцава, І. І. Лексіка са значэннем колеру ў мове паэзіі Ніла Гілевіча / І. І. Навасельцава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2006. – № 2. – С. 100–107.

3. Н. П. – Паляшчук, Н. В. Асноўныя пытанні старабеларускай фразеалогіі / Н. В. Паляшчук // Гуманіт.-экан. весн. – 2006. – № 1 (33). – С. 109–115.

4. С. К. – Кавалёнак, С. К. Узаемасувязь значэнняў спосабаў дзеяслоўнага дзеяння са значэннямі пераходнасці і зваротнасці / С. К. Кавалёнак // Беларус. лінгвістыка. – 2006. – Вып. 58. – С. 103–111.

5. Т. Ш. – Шэмет, Т. Я. Мадэль і структурная схема ў сінтаксісе: да праблемы размежавання паняццяў / Т. Я. Шэмет // Беларус. лінгвістыка. – 2007. – Вып. 60. – С. 107–112.

6. Ю. М. – Маліцкі, Ю. В. Каранёвыя марфемы эмацыянальна-ацэначных дзеясловаў у гаворках усходняй Магілёўшчыны / Ю. В. Маліцкі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2006. – № 3. – С. 111–116.

7. J. C. – Chai, J. Y. Discourse structure for context question answering / J. Y. Chai, R. Jin // *Discourse analysis* to *answering* design *questions* [Electronic resourse]. – Mode of access: http://aclweb.org/anthology/W04-2504. – Date of access: 11.02.2019.

8. J. R. – Joelle, R. Discourse markers: a challenge for natural language processing / R. Joelle // AI Communications. – 1997. – Vol. 10, № 3/4. – P. 177–184.

9. M. S. – Sonmez, M. J.-M. Oaths, exclamations and selected discourse markers in three genres / M. J.-M. Sonmez // Europ. j. of Engl. studies. – 2001. – Vol. 5, № 2. – P. 151–165.

Список использованных источников

1. Кобрина, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2006. – № 2 (7). – С. 90–100.

2. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – Изд. 2-е, доп. – М. : URSS, 2009. – 213 с.

3. Краснова, Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2002. – 189 с.

4. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 205 с.

5. Ляпон, М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь / М. В. Ляпон ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 303–304.

6. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике : избр. тр. / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1975. – С. 53–87.

7. Адмони, В. Г. Исследования по общей теории грамматики / В. Г. Адмони. – М. : Наука, 1968. – 294 с.

8. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – 4-е изд. – М. : URSS, Либроком, 2009. – 350 с.

9. Демьянков, В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения / В. З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики : реф. сб. / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1981. – С. 115–132.

10. Герасимов, В. И. Семантика предложения / В. И. Герасимов // Проблемы лингвистической семантики : реф. сб. / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1981. – С. 59–82.

11. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

12. Рябцева, Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М., 1993. – С. 51–57.

13. Лебедева, Е. А. Модусные показатели англоязычного аналитического медиатекста : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Лебедева ; Новгор. гос. ун-т им. Я. Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 25 с.

14. Куркович, Н. А. Модальные значения возможности и необходимости в английском и белорусском языках: функционально-стилистический аспект : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Куркович. – Минск, 2011. – 181 л.

15. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 896 с.

16. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. ин-та искусств и культуры, 2012. – 248 с.

17. Toumi, N. A model for the investigation of reflexive metadiscourse in research articles / N. Toumi // Language Studies Working Papers. – 2009. – Vol. 1. – P. 64–73.

References

1. Kobrina O. A. Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2 (7), pp. 90–100 (in Russian).

2. Zelenshchikov A. V. *Proposition and modality*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2009. 213 p. (in Russian).

3. Krasnova T. I. *Subjectivity – modality (materials of an active grammar)*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint Petersburg State University of Economics and Finance, 2002. 189 p. (in Russian).

4. Paulouskaya N. Yu. *The category of modality in modern Belarusian*. Minsk, Minsk State Linguistic University, 2001. 205 p. (in Belarusian).

5. Lyapon M. V. Modality. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990, pp. 303–304 (in Russian).

6. Vinogradov V. V. On the category of modality and modal words in the Russian language. *Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannye trudy* [Studies of the russian grammar: selected works]. Moscow, 1975, pp. 53–87 (in Russian).

7. Admoni V. G. *The study of the general theory of grammar*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 294 p. (in Russian).

8. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2009. 350 p. (in Russian).

9. Dem'iankov V. Z. The logical aspects of the semantic study of the sentence. *Problemy lingvisticheskoi semantiki: referativnyi sbornik* [The problems of linguistic semantics: abstract collection]. Moscow, 1981, pp. 115–132 (in Russian).

10. Gerasimov V. I. The semantics of the sentence. *Problemy lingvisticheskoi semantiki: referativnyi sbornik* [The problems of linguistic semantics: abstract collection]. Moscow, 1981, pp. 59–82 (in Russian).

11. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 3nd ed. Berne, A. Francke, 1950. 440 p. (in French).

12. Ryabtseva N. K. Mental modus: from lexis to grammar. *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya: sbornik nauchnykh statei* [The logical analysis of the language. Mental acts: collection of scientific articles]. Moscow, 1993, pp. 51–57 (in Russian).

13. Lebedeva E. A. *Modus indicators in an English analytical media text*. Abstract of Ph.D. diss. Velikii Novgorod, 2013. 25 p. (in Russian).

14. Kurkovich N. A. *The modal meanings of possibility and necessity in English and Belarusian: functional-semantic aspect*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2011. 181 p. (in Russian).

15. Arutyunova N. D. *The language and world of a human*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 896 p. (in Russian).

16. Kopytov O. N. *Modus in the text domain*. Khabarovsk, Publishing House of the Khabarovsk State Institute of Arts and Culture, 2012. 248 p. (in Russian).

17. Toumi N. A model for the investigation of reflexive metadiscourse in research articles. *Language Studies Working Papers*, 2009, vol. 1, pp. 64–73.

Информация об авторе

Зиневич Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nadzusha@gmail.com

Information about the author

Nadzeya V. Zinevich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: nadzusha@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.038
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-461-466

Поступила в редакцию 15.06.2020
Received 15.06.2020

Т. Г. Мдивани

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

АСПЕКТЫ НЕЛИНЕЙНОСТИ В МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. Цель исследования – дать предварительное представление о нелинейной музыке, выражающей постнеклассическую концепцию мира. Впервые новизна композиторского мышления представителей Второго музыкального авангарда объясняется с позиций нелинейности и самоорганизации. Дано авторское определение нелинейной музыкальной реальности, где выделяются три формы репрезентации: локальная, тотальная, би- и полифуркационная. Рассматривается синергетический методологический инструментарий, включающий терминологию, который аппликируется на музыкальную предметность, что позволило определить новую сущность и новое качество музыкально-художественных композиций.

Важнейшей стороной нелинейной музыки выступает импровизационное начало, где интегральность целого достигается с помощью неизбежного возникновения определенного единообразия материала и связанности элементов на основе самоорганизующей силы творческой и исполнительской воли. На примере «Etudes Australes» Д. Кейджа рассматривается особенность структуры, которая заключается в ее разомкнутости, атемпоральности и «рассеивании» звуковой ткани во вневременном пространстве, то есть структура этюдов по сути диссипативна (нелинейна). Модели нелинейных музыкальных систем охватывают жанровые формы, определяющие акционизм – хэппенинг, перфоманс, а также технику коллажа (интертекстуальности). Вкупе они демонстрируют композиции с «полностью раскованной формой» (И. Добрицына).

Таким образом, нелинейная музыка – это специфический музыкальный текст, или «нововременной … *opus perfectum et absolutum*» (по М. Катунян), где властвуют казуальная процессуальность и структурная разомкнутость, ацентрированность и самоорганизация, принцип неопределенности и дискретная метафизика, что отвечает постнеклассической концепции мира и ментальной специфике современной эпохи. В характеристику нелинейности входят множественность репрезентаций смыслового, лексического и структурного материала (например, алеаторика формы), незакрепленность текста (например, графическая музыка), аппроксимативность элементов и средств выражения (музыкальных и внемузыкальных), «детерминированный хаос» (по Д. Глейку), эмерджентность изменений процесса становления музыкальной материи, самоструктурирование на основе временного и антропогенного факторов.

Ключевые слова: постнеклассика, нелинейная музыка, самоорганизация, диссипация, новый тип детерминизма

Для цитирования: Мдивани, Т. Г. Аспекты нелинейности в музыке второй половины XX века / Т. Г. Мдивани // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 461–466. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-461-466

Tatyana G. Mdivani

Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ASPECTS OF NONLINEARITY IN MUSIC OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Abstract. The purpose of the study is to give a preliminary idea of the non-linear music expressing the post-non-classical concept of the world. Novelty: for the first time: 1) the novelty of the composer's thinking of the representatives of the Second Musical vanguard is explained from the standpoint of non-linearity and self-organization; 2) the author's definition of nonlinear musical reality is given, where three forms of representation are distinguished: local, total, and bi- and polyfurcation; 3) synergistic methodological tools, including terminology, are applied to musical subjectivity, which allowed us to define a new essence and new quality of musical and artistic compositions. The most important side of nonlinear music is the improvi-

© Мдивани Т. Г., 2020

sational beginning, where the integrity of the whole is achieved through the inevitable emergence of a certain uniformity of material and the coherence of the elements on the basis of the self-organizing force of creative and performing will. By the example of J. Cage's "Etudes Australes", a structural feature is considered, which consists in its openness, atemporality and "dispersion" of sound tissue in timeless space, that is, the structure of etudes is dissipative) non-linear) in essence. Models of non-linear music systems encompass genre forms that define actionism – happening, performance, as well as collage and intertextuality techniques. Together, they demonstrate compositions with a "completely relaxed form" (I. Dobritsyna).

Thus, non-linear music is a specific musical text, or "modern … opus perfectum et absolutum" (according to M. Katunyan), dominated by casual processuality and structural openness, focus and self-organization, the principle of uncertainty and discrete metaphysics, which corresponds to the post-non-classical concept of the world and mental the specifics of the modern era. Non-linearity characteristics include the multiplicity of semantic, lexical, and structural representations of the material (for example, form aleatorics) and loose text (for example, graphic music), the approximation of elements and means of expression (musical and extra-musical), "deterministic chaos" (according to J. Gleick) and emergence of changes in the process of formation of musical matter, self-structuring based on temporary and anthropogenic factors.

Keywords: post-nonclassics, nonlinear music, self-organization, dissipation, a new type of determinism

For citation: Mdivani T. G. Aspects of nonlinearity in music of the second half of the XX century. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 461–466 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-461-466

Музыкальное произведение является зеркалом, отражающим на языке музыки актуальное мировоззрение и такие же актуальные процессы, происходящие в культуре. Отсюда естественная релевантность стиля музыкального мышления как метода, которым осуществляется творчество музыки композитором (Ю. Холопов), конкретной, доминирующей в интерпретациях музыкальной системы. Например, классическая музыка[1] опирается на классический рационализм (тональная система), линейную логику и классический детерминизм (квинтовый принцип связи), неклассическая – на неклассический рациональный конструкт (серийность, сериальность), новую линейную логику и неклассический детерминизм (атоникальность), постнеклассическая – «неявную рациональность» (М. Мамардашвили), нелинейность и «внерациональные образы порядка» (В. Василькова), или «новый тип детерминизма» (М. Можейко). В центре нашего внимания – постнеклассический период академической музыки, связанный с интересом композиторов Второго авангарда к расширению ее границ и освоению внерациональных – по европейским меркам – образов порядка и опорой на нелинейность. Важнейшей мотивацией музыкального мышления композиторов выступили недостаточность западного ригидного рационализма для воплощения творческого замысла композитора, пресыщенность творческого сознания тотальным детерминизмом, сформировавшимся в Первом музыкальном авангарде, в результате чего отчетливо появился интерес к восточной культуре и восточным мыслительным концептам[2]. В этом отношении известная статья П. Булеза «Шенберг мертв» (1952) стала знаковой, поскольку явилась своего рода манифестом нового композиторского поиска в его противостоянии додекафонии[3].

Постнеклассическое музыкальное искусство Запада питалось и другими истоками, заданными довоенными опытами Эрика Сати, литературными пассажами Анри Бретона и течениями в нон-фигуративной живописи. Отсюда характерное для послевоенного музыкального авангарда повышение интереса к асемантическим средам и самосозидательным концептам, казуальности и нестабильности. Постепенно формирующаяся установка на восприятие мира как хаоса центрировала на себе модель раскованной формы (или «формы порядка как беспорядка» (В. Лейч)[4], и была непосредственно связана с «новым типом детерминизма» (М. Можейко) или «умной иррациональностью» (по А. Лосеву), то есть нелинейностью. В итоге, концептуальный творческий поиск композиторов реализовал себя в русле идей постмодерна, образуя весомый контекст к философии Р. Барта, сюрреализму С. Дали, драматургии абсурда С. Беккета и т. д.[5].

---

[1] Примем такую классификацию академической музыки: классическая, неклассическая, постнеклассическая.

[2] Вопросы достаточно весомо рассмотрены Е. Дубинец, М. Переверзевой, А. де Рой, А. Соколовым, В. Холоповой, Ю. Холоповым и др.

[3] См. конспект статьи в исполнении Е. Бриль [2].

[4] Цит. по: М. Можейко [3, с. 815].

[5] Новая музыкальная реальность являлась предметом исследования многих музыковедов, в т. ч. Г. Анохиной, Г. Даунравичене, М. Катунян, М. Переверзевой, Н. Петрусевой, М. Проснякова, А. Соколова, Е. Токун, В. Холоповой, а также композитора В. И. Мартынова.

Остановимся только на таких аспектах постнеклассического музыкального мышления, неразрывно связанных друг с другом и друг друга определяющих, как нелинейность[1] и новый тип детерминизма[2].

Первоначально предложим предварительное определение нелинейности в музыке. На наш взгляд, нелинейная музыка – это специфический музыкальный текст, или «нововременной... *opus perfectum et absolutum*» (термин М. Катунян), где властвуют казуальная процессуальность и структурная разомкнутость, ацентрированность и самоорганизация, принцип неопределенности и дискретная метафизика, что отвечает постнеклассической концепции мира и ментальной специфике современной эпохи. В характеристику нелинейности входят множественность репрезентаций смыслового, лексического и структурного материала (например, алеаторика формы) и незакрепленность текста (например, графическая музыка), аппроксимативность элементов и средств выражения (музыкальных и внемузыкальных), «детерминированный хаос» (по Д. Глейку) и эмерджентность изменений процесса становления музыкальной материи, самоструктурирование на основе временного и антропогенного факторов. Тем самым нелинейность с ее направленностью на событийность и организационную самодостаточность серьезно дистанцирована от классической диспозиции «устойчивость – неустойчивость».

Нелинейность как системное качество определила стилистику и структуру немалого количества музыкальных композиций. При этом динамика неравновесной самоструктурированной системы согласуется с представлением о мире как состоящем из множества систем, «каждая из которых живет по законам самоорганизации» (М. Каган). Освоение различных аспектов нелинейности имело различные жанрово-стилевые и композиционные результаты – хэппенинг, перфоманс; «открытая форма»; техника коллажа (интертекстуальности) и т. п. Общим для новых музыкальных реалий является изменение онтологических оснований композиторского творчества, что выразилось в придании нелинейной концепции музыки статуса линейной – базового ядра европейского стиля музыкального мышления.

Феномен нелинейности в музыке в силу своей принципиальной новизны и актуальности требует создания определенного терминологического тезауруса, дающего возможность сделать адекватное описание неравновесных самоорганизующихся музыкальных систем, а также позволяющего составить более-менее верное представление о нелинейной музыкальной концепции, сформировавшейся у представителей послевоенного авангарда. Отсюда обращение к синергетической терминологии в её аппликированности на музыкальную предметность и введение на этой основе в научный оборот ряда понятий – «открытый нелинейный текст», «нелинейная концепция музыки», «нелинейный процесс», «нелинейное состояние», «самоорганизация», «саморазвитие», арт-микст (арт-микст-проект и арт-микст-композиция), би- и полифуркация с диссипативной составляющей (особая разомкнутость структуры), фракталы и фрактальность и т. д.

Учитывая сформировавшиеся во Втором авангарде разнородный состав музыкального материала как текста (тоновый, вербальный, шумовой), способы его развития и оформления в целостность, представляется целесообразным рассматривать нелинейность в двух ипостасях – в её явленности («состояние нелинейности») и становлении («нелинейный процесс»). Нелинейный процесс, как и нелинейная процессуальность в музыке, есть неравновесная самоорганизующаяся система (становление, развертывание композиторской мысли), включающая казуальность и случайность как норму, осознанный переход одной музыкальной мысли в другую, согласно творческому наитию и свободному волеизъявлению автора, и разомкнутость границ формы (т. н.

---

[1] Нелинейность – понятие, широко использующееся в современной философской рефлексии, постмодернизме и синергетике. В сфере искусства данное понятие впервые было использовано И. Добрицыной в книге «От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии» (Москва, 2004). В данной работе понятие нелинейности апплицируется на сферу музыкального искусства.

[2] Понятия разработаны синергетикой и широко используются С. Курдюмовым, Е. Князевой, Э. Сороко, М. Можейко и др. На наш взгляд, синергетика выступает методологическим инструментарием для объяснения нелинейности, обнимающей новейшие музыкальные реалии, базирующиеся на сочетании или совмещении музыки, слова, действия, изо- и видеоряда, энвайронмента, кино- и технического компонентов с ведущей ролью музыкально-звукового начала как строителя формы и драматургии.

«открытая форма»)[1]. Одним из примеров является опера «Нетерпимость» Л. Ноно. Состояние нелинейности в музыке есть временная нестабильность текста (раздел формы, ее локус), центрированная на принципе неопределенности (тяготения, различного рода аппроксимации) в условиях любого (музыкально) звукового контекста, в том числе тонального и атоникального (например, атоникальность в «Trauerode» М. Регера). Нелинейность включает в себя многообразие звуковременных моделей (например, звуковое поле, возникающее при чтении текста в «Indeterminacy» Д. Кейджа), фракталы, то есть самоподобные, постоянно делящиеся структуры-элементы, управляемые естественными законами самоуправления (например, "Cartridge music" Кейджа), эффект хаоса, а также поли- и бифуркацию (мутационное начало), фиксирующую множественность путей развития музыкальной системы на конкретном участке композиции.

Сущностной стороной нелинейной музыки выступает импровизационное начало, где интегральность целого достигается с помощью неизбежного возникновения определенного единообразия материала и связанности элементов на основе самоорганизующей силы творческой и исполнительской воли. Принцип «само» является важнейшим в структурировании музыкальной материи. Таким образом, содержание нелинейности определяется степенью структурной турбулентности (неустойчивости, включающей вероятность, случайность), вариантностью и альтернативностью путей развертывания материала, открытостью системы, фрактальным разнообразием и наличием неопределенностных величин. Вкупе они характеризуют композицию с «полностью раскованной формой» (И. Добрицына). Нелинейность утверждает эстетику открытой формы и событийности, органично вписываясь в постнеклассическую художественную парадигму.

Нелинейность является свидетельством новизны построения всей (музыкальной) системы (структуры) и, следовательно, новизны композиторского стиля мышления. Среди всего многообразия звуковременного материала, относимого к музыке и демонстрирующего ее нелинейную концепцию, можно выделить три типа нелинейности: локальную, или инкрустивную (с аттракторами), би- и полифуркационную (связанную с альтернативностью путей развития системы, в том числе и в завершении композиции) и тотальную (охватывающую целое). Критерием различения в рамках неклассической лексической нормы и системы композиторского мышления выступают: 1) масштаб представленности нелинейной процессуальности – как эпизод с действием фактора случайности в рамках стабильной структуры (локальная нелинейность, например, «Aventures» Д. Лигети) или как целостный конструкт с действием фактора случайности, который формирует структурную нестабильность (тотальная мета- или меганелинейность, например, «Третья соната» П. Булеза); 2) способ «закрытия» открытой системы (формы произведения), где преобладают альтернативные пути (би- и полифуркация) и отсутствие заключительной тактовой черты (нелинейная система с диссипацией, например, «Etudes Australes» Д. *Кейджа*); 3) характер развития (поведения) системы, где царствует вероятностная логика, вырабатывающая актуальный порядок, или «детерминированный хаос» (например, «Zyclus» К. Штокхаузена[2]); 4) преимущественная дробность структуры, размерность которой создается самоподобными элементами – фракталами (например, «Cartridge music» Д. *Кейджа*). В частности, на фрактальной идее, обеспечивающей единство в многообразии, строятся композиции с «нецелой размерностью» (В. Афанасьева), то есть ассамбляж, атрибутируемый коллажем, и флаксус.

Для демонстрации нелинейности в виде диссипации кратко остановимся на фрагменте «Etudes Australes» (1974–1975) *Д. Кейджа [7]* для фортепиано (состоит из четырех тетрадей)[3]. Особенность структуры этюдов заключается в структурной разомкнутости и атемпоральности, где вся звуковая ткань буквально «рассеивается» в небытии и во вневременном пространстве, то есть структура этюдов диссипативна по сути. Как правило, диссипация возникает в условиях би-

[1] В этой связи можно предложить термин «нелинейный процесс как форма», развивающий термин «процесс как форма» М. Харлапа.

[2] В «Zyclus» К. Штокхаузена доминирует вариабельность как звуковысот, так и временного фактора. При этом интерпретационное начало является смыслом композиции, вплоть до отсутствия границ между началом и концом [8].

[3] Приводим общеметодологическую установку в изложении Э. М. Сороко: «Идея… метода весьма проста: каждой из структурных составляющих некоторой системы ставят в соответствие свое измерение («координатную ось»), причем стремятся к тому, чтобы составляющие были приведены к единой мере… Нередко степени реализации системы… выражают вероятностью и называют состояниями» [6, с. 105].

или полифуркации, то есть состояния музыкальной системы, когда пути её дальнейшего развития неизвестны и неопределенны в силу перманентного прироста энтропии[1].

Музыкальным материалом «Etudes Australes» являются консонирующие и диссонирующие звуковысоты, распределенные в свободном ритме (но с четкой хронометрией) по нотному стану по аналогии со звездной картой Южного полушария[2].

Тактовая черта повсюду отсутствует, создавая эффект свободного парения звуков-звезд во времени и пространстве рояльной клавиатуры. Иногда они собираются в диссонирующие аккорды нетерцового строения, образуя кластеры, которые затем вновь как бы рассеиваются, распыляются по всем фортепианным регистрам. Одним из организующих начал построения выступает педальный тон или группа тонов, которая образует своего рода тембровое облако (в нотном тексте это более крупные незаретушированные овалы). Цементирующий целое латентный рациональный конструкт есть своего рода аттрактор[3], который аккумулирует на определенных участках формы звуковысотные элементы. Думается, что в этой освобожденности звуковысот от строгой хронометрии композитор создает интенцию для самодетерминизма и для саморегуляции, что является одним из признаков нового типа детерминизма, который представляет собой логическое credo нелинейной концепции музыки.

Другим весомым организующим фактором музыкального материала «Etudes Australes» выступает «блуждающий аттрактор», или «неявный» рациональный конструкт на тритоновом соотношении c-e-g/ges-b-des, который прослаивает звуковысотную ткань в скрытой форме и на котором строится весь хроматический фундамент (первое построение). Кульминационный аттрактор являет собой группу кластеров, включающих звуки центрального созвучия c-e-g. В конечном итоге происходит предельное возрастание энтропии за счет максимального отрыва тонов от центрального созвучия и утраты с ним прямой связи. Аппроксимативны в «Etudes Australes» не только хронотоп, но и длительности нот, которые могут звучать «короче», «длиннее», «неопределенное количество времени» (indeterminate length of time – Кейдж, см. вступительную статью к партитуре [7]), а также скорость, темп, которые развиваются как флуктуации. Наконец, главное – форма здесь не имеет окончания: она не завершена и процесс музыкального развертывания оказывается разомкнутым, постепенно «распыленным» во вневременном пространстве. Тем самым демонстрируется постнекласическая интерпретация феномена темпоральности. Необратимая, устремленная «в никуда», «бесконечная», или «беспредельная», неопределенностная форма (форма et cetera) свидетельствует об актуализации неопределенного, где властвует энтропия и диссипация. Тем самым структурная диссипативность, темпоральные аппроксимации и новый тип детерминизма в виде самодетерминизма есть атрибутивные маркеры нелинейности как постнеклассической концепции музыки[4]. Между тем совершенно очевидно, что оригинальность творческой идеи и смысл композиции Кейджа заключаются именно в ее неравновесности, диссипативности, таким образом, композитор предусматривал ее организацию пусть на скрытых, но все же разумных началах[5]. Для понимания этого феномена целесообразно обратиться к положениям синергетики и применить в сфере нелинейной музыки мысль И. Пригожина о параметрах порядка: диссипативные процессы «ведут не к равновесию, но к формированию диссипативных структур, тождественных процессам, которые из-за взаимной компенсации приводят к равновесию» [5, с. 11]. Следовательно, диссипацию и нелинейность упорядочивает, в конечном

---

[1] В свою очередь энтропия характеризуется независимостью элементов от главного тона и микросистемных локусах-аттракторах, а также от главенствующего принципа музыкальной системы. В энтропии важен один принцип: чем меньше элементы системы подчинены какому-либо порядку, тем выше энтропия.

[2] По мнению М. Переверзевой, «ноты появились на месте звезд и созвездий» [4], то есть фортепианные звуки метафорически восприняты композитором как небосклон со звездами, а затем воплощены на нотном стане (отчасти об этом пишет сам композитор во вступительной статье к Этюдам).

[3] Аттрактор (от лат. attraho – притягиваю к себе) [1] – некоторая устойчивая сфера (зона, местные центры, локусы) на периферии музыкального процесса, к которой притягиваются все возможные элементы системы.

[4] Аналогичные способы структурной диссипации демонстрируют «Music for Carillon № 1» (1952, Музыка для колоколов № 1, посвящается К. М. Ричардс) Д. Кейджа.

[5] Если сопоставить по времени открытие И. Пригожина, специалиста по неравновесным системам в области термодинамики (лауреат Нобелевской премии 1977 г.), работавшего с 1959 г. в Техасском университете, то «Etudes Australes» и другие нелинейные сочинения композитора могли быть написаны под впечатлением открытий гениального физика и его же синергетической системы миропонимания.

итоге, неявный рациональный конструкт, психологическая рефлексия, антропофактор. Таким образом, «Etudes Australes» №1 Д. Кейджа демонстрируют нелинейность в двух ипостасях: как процесс – разомкнутая, самодетерминированная структура, нерегламентированный во времени музыкальный процесс, и как состояние – совокупность звуков в их атемпоральном чередовании на эссенциалистской основе. Но поскольку свобода и порядок в творчестве a priori образуют нерасторжимое единство, то существует ли эстетический предел самовыражения?

Нелинейная концепция музыки нашла продолжение в творчестве белорусских композиторов – «Архитектон» для двух фортепиано, чтеца и оркестра (сл. В. Хлебникова, 2013) В. Воронова, *«Тахикардия» (2003), «*48’97*»*, или *«*Звучащие числа*»* для виолончели, керамических колокольчиков и речитации (2004), *«Патологические танцы» (2006)* и хэппенинги «В ожидании Фридерика», «Свинцовые облака» *В. Кузнецова,* «Музыка для города Несвижа» (1999) Д. Лыбина и др. Таким образом, художественной интерпретацией постнеклассического мира выступила нелинейная концепция музыки, где мир мыслится как открытый текст, не ограниченный в своих возможностях и интерпретациях. Контекстом к нелинейной музыке выступили нелинейная архитектура, театр абсурда, сюрреализм, которые сквозь призму авторского «Я» выразили полисемантичную и многозначную, широкую по объёму и нетривиальную по содержанию картину бытия. Апплицирование синергетического методологического инструментария и ее терминологии на музыкальную предметность позволяет понять специфику постнеклассического музыкального мышления, связанную с новым пониманием детерминизма и новым типом структурирования, обусловленным новым нелинейным видением мира.

Список использованных источников

1. Аттрактор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mydocx.ru/12-103088.html. – Дата доступа: 27.01.2019.

2. Бриль, Е. Пьер Булез. «Шенберг мертв» / Е. Бриль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jenyabril.livejournal.com/10511.html. – Дата доступа: 30.10.2019.

3. Можейко, М. Постмодернистская чувствительность / М. Можейко // История философии. Энциклопедия. – Минск: ИнтерПрессервиз. Книжный дом, 2002.

4. Переверзева, М. Музыкальные игры прошлого и настоящего / М. Переверзева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.book.lib-i.ru/25raznoe/804060-1-marina-pereverzeva-muzikalnie-igri-proshlogo-i-nastoyaschego-state-daetsya-obzor-metodik-sochineni.php. – Дата доступа: 22.01.2020.

5. Пригожин, И. Переоткрытие времени / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 3 – 19.

6. Сороко, Э. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем / Э. Сороко. – М.: КомКнига, 2006.

7. Cage, J. Etudes Australes / J. Cage // Edition Peters.– № 6816 a/b.

8. Stockhausen, K. Zyklus fűr einen Schlagzeuger / K. Stockhausen // Universal Edition. – U.E.13186 LW.

References

1. Attractor. Available at: https://mydocx.ru/12-103088.html (Accessed 27 January 2019) (in Russian).

2. Bril’ E. Pierre Boulez. “Schoenberg is dead”. Available at: https://jenyabril.livejournal.com/10511.html (Accessed 30 Oktober 2019) (in Russian).

3. Mozheiko M. Postmodern sensibility. *Istoriia filosofii. Entsiklopediia* [History of Philosophy. Encyclopedia]. Minsk, InterPresserviz. Knizhnyi dom Publ., 2002 (in Russian).

4. Pereverzeva M. Musical games of the past and present. Available at: http://www.book.lib-i.ru/25raznoe/804060-1-marina-pereverzeva-muzikalnie-igri-proshlogo-i-nastoyaschego-state-daetsya-obzor-metodik-sochineni.php (Accessed 22 January 2020) (in Russian).

5. Prigozhin I. Rediscovery of time. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1989, no. 8, pp. 3 – 19 (in Russian).

6. Soroko E. Golden sections, processes of selforganization and evolution of sistems. Moscow, KomKniga Publ., 2006 (in Russian).

7. Cage J. Etudes Australes. Edition Peters, no. 6816 a/b.

8. Stockhausen K. Zyklus fűr einen Schlagzeuger. Universal Edition, U.E.13186 LW.

Информация об авторе

Мдивани Татьяна Герасимовна – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 333mt777@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-7023-8351

Information about the author

Tatyana G. Mdivani – D. Sc. (Art.), Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 333mt777@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-7023-8351

ISSN 2524-2369 (Print)
BSSN 2524-2377 (Online)

УДК 398.8+392](476):94(470)“1941/1945”
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-467-475

Паступіў у рэдакцыю 29.11.2019
Received 29.11.2019

Н. А. Гулак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск, Беларусь

АБРОЧНЫ РЫТУАЛ «ХАДЖЭННЕ ХЛЕБА»: МІФАСЕМАНТЫКА І КУЛЬТУРНЫ КАНТЭКСТ

Аннотация. Представлены уникальные архивные материалы, которые свидетельствуют о распространении в Беларуси в годы Второй мировой войны бытовых магических практик, эсхатологических нарративов и поверий. Научный комментарий фактов народной традиции, зафиксированных советскими исследователями в фольклорно-этнографических экспедициях 1945–1946 гг., свидетельствует о том, что в условиях экстремальной угрозы военного времени в сознании носителей народной культуры актуализировались архаические ритуалы и народно-православные представления. Доказано, что ритуал «хождение хлеба» и распространение «святых писем» – формы ритуальных действий-оберегов – периферийные явления окказиональной обрядности белорусов. Их идейный план определяет синтез народно-религиозных идеологем с элементами контактной, инициальной и апотропейной магии. На акциональном уровне действия-обереги реализовываются как трансмиссионные практики. Концепт войны интерпретируется в них как прорыв хтонического начала в культурное пространство социума, который возможно нейтрализовать только консолидацией его представителей для магической апелляции к высшим силам. Определены мифосемантика, обрядовый контекст и межтекстовые связи ритуала «хождение хлеба». Прослеживается тождественность ключевых моментов ритуала «хождение хлеба» и каравайного обряда. Указаны некоторые явления современной субкультуры православной прихрамовой среды, которые доказывают относительную устойчивость ритуала распространения святого хлеба.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ритуал, окказиональная обрядность, «хождение хлеба», «святые письма», мифосемантика, фольклористика

Для цитирования: Гулак, Н. А. Аброчны рытуал «хаджэнне хлеба»: міфасемантыка і культурны кантэкст / Н. А. Гулак // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 467–475. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-467-475

Nastassia A. Hulak

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

SERVAGE RITUAL «BREAD WALKING»: MYTHOSEMANTICS AND CULTURAL CONTEXT

Abstract. The article presents unique archival materials providing evidence that everyday magic practices, eschatological narratives and beliefs were common in Belarus during the Second World War. The scientific commentary on the facts registered by Soviet scholars in folklore-ethnographic expeditions of 1945–1946 confirms that during the war archaic rituals and folk orthodox beliefs were actualized in folk culture. It is proved that the ritual “bread walking” and the distribution of “holy letters” belong to the forms of ritualistic amulets. They occupy a peripheral position in the system of occasional rituals of Belarusians. Their ideological content determines the synthesis of folk religious ideologies with elements of contact, initial and apotropic magic. At the stock level, the amulets are implemented as transmission practices. In addition, the work defines mythosemantics, ritual context and intertextual relations of the “bread walking” ritual.

Keywords: Second World War, ritual, occasional rituals, “bread walking”, “holy letters”, mythosemantics, folklore studies

For citation: Hulak N. A. Servage ritual “bread walking”: mythosemantics and cultural context. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 467–475 (in Belarusian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-467-475

Уводзіны. У экспедыцыях 1945–1946 гг. супрацоўнікаў сектара этнаграфіі і фальклору Інстытута гісторыі АН БССР на чале з М. Я. Грынблатам былі сабраны ўнікальныя фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, якія сёння ўваходзяць у фонд ІМЭФ[1]. Пераважную большасць

[1] Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы – філіял ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі».

© Гулак Н. А., 2020

матэрыялаў, зафіксаваных даследчыкамі ў гэты перыяд, складаюць узоры песеннага рэпертуару ваеннага часу, які бытаваў сярод салдат, партызан і мірнага насельніцтва БССР. Акрамя гэтага, прадстаўлены таксама песні традыцыйнай абраднасці – каляндарныя і сямейныя, нешматлікія апісанні вяселля, тэксты дзіцячага фальклору і інш.

Увагу аўтара прыцягнулі матэрыялы, якія істотна паглыбляюць веды аб рэдкай форме аказіянальнага аброчнага рытуалу – «хаджэнне хлеба». Трэба адзначыць, што аброчны рытуал выпякання і распаўсюджвання хлеба вядомы даследчыкам усходнеславянскай культуры, яго рэфлекс назіраецца і ў сучаснай традыцыі народнай (нізавой) рэлігійнасці. Аднак тэксты, запісаныя падчас першых пасляваенных экспедыцый на Падзвінні і ва Усходнім Палессі, узбагачаюць фонд звестак па аказіянальнай абраднасці беларусаў і, што немалаважна, формах яе бытавання падчас Другой сусветнай вайны. Навуковае каментаванне гэтых тэкстаў выводзіць нас у сферу культурнай антрапалогіі і гісторыі штодзённасці, міфасемантыкі традыцыйнай культуры (персанажны, акцыянальны, атрыбутыўны коды), жанравай прыроды няказкавай фальклорнай прозы.

Асноўная частка. Аб'ём атрыманай інфармацыі дазволіў сфакусіраваць увагу на двух наратывах – дыялектных інтэрпрэтацыях – аброчнага рытуалу «хаджэнне хлеба». *Тэкст 1* (гл. дадатак) з'яўляецца *мемаратам*, зафіксаваным на Усходнім Палессі, у паўночна-ўсходняй частцы Жыткавіцкага раёна, пра што сведчаць тапонімы *Бялёў, Пухавічы, Ляхавічы* ў тэксце і атрыбуцыі. Мемарат трактуецца як аповед пра падзеі, ён заснаваны на ўласных успамінах носьбіта, у якім адсутнічаюць элементы структурна-сюжэтнага ўзроўню і мастацкі вымысел.

Жанравая прырода *тэксту 2* (гл. дадатак) з Падзвіння вызначаецца як *гістарычнае паданне.* З улікам дыскусійнасці праблемы жанравай класіфікацыі няказкавай прозы (працы С. Азбелева, У. Анікіна, У. Пропа, К. Чыстова, І. Галаванава) крытэрыем з'яўляецца адлюстраванне факта мясцовай гісторыі, важнага для інфарматара ў плане захоўвання культурнай памяці. Дадзеная М. Грынблатам назва тэксту "Святы хлеб" і пазначэнне яго жанравай прыналежнасці (сказ, легенда) указваюць на жаданне збіральніка легітымізаваць у тагачаснай фальклярыстыцы гэты надзвычай арыгінальны сюжэт. Факт неадлюстравання вопытным этнографам, якім з'яўляўся М. Грынблат, асаблівасцей паўночна-ўсходняга дыялекту ў мове інфарматара тлумачыцца апасродкаваным шляхам фіксацыі: «*Запісаў М. Грынблат у 1945 г. у Мінску ад М. Р. Судніка, які чуў ад сваёй маткі Марыі Міхайлаўны Суднік, 47 гадоў, няграматнай з в. Пяцюлёва Ветрынскага с/с Полацкай вобл., праз каторую таксама "хлеб ішоў"*». Тапонім «Ветрына»[1] (*Ветрынічына*) і ўказанне ў тэксце на канкрэтную асобу (*Якубіха Касароўская, удава*) абумоўлены ўстаноўкай інфарматара на сапраўднасць, што з'яўляецца сутнаснай характарыстыкай жанру гістарычнага падання і наогул няказкавай прозы. У тэксце прысутнічае выразны кантамінаваны матыў чарадзейнай казкі: вобраз незнаёмага (*едзе з тых месцаў, дакуль ужо дайшла вайна*) бярэ пачатак ад архетыпа памочніка-дарыльшчыка/продка. Незнаёмы дае веды і цудадзейныя прадметы (*запісачка і тры невялікія булачкі хлеба*) у крызісны для супольнасці час. Аналагічныя прыклады матываў цудадзейных памочнікаў-дарыльшчыкаў, а таксама багатырскага каня, уваскрэсення героя і іншыя адзначаны ў вусных аповедах пра Канстанціна Заслонава, зафіксаваных Л. Барагам і М. Меяровіч у першых пасляваенных экспедыцыях [1, с. 190].

У кантэксце даследавання важна адзначыць, што вусныя апісанні абрадаў носьбітамі традыцыі не з'яўляюцца прамой праекцыяй апісваемай практыкі, таму разглядаюцца не як «этнаграфічны факт», а як яго фальклорная эксплікацыя [2, с. 40]. Вызначэнне шырокага міфалагічна-абрадавага кантэксту і міжтэкставых сувязей гэтых фальклорных адзінак суадносіцца з аказіянальнай абраднасцю. Сёння вывучэнне аказіянальнай абраднасці беларусаў мае пераважна дэскрыптыўны характар[2], што тлумачыцца канфігурацыяй развіцця навуковага пазнання ў галіне народнай спадчыны, дзе гэта частка абрадавай культуры працяглы час знаходзілася на перыферыі. Відавочна, фактарамі «перыферыйнасці» былі казуальнасць, неперыядычнасць, неабумоўленасць аказіянальных абрадаў календаром ці жыццёвым цыклам, а таксама вялікая ступень іх сакралізацыі («*рытуалы бедства*»).

[1] Ветрына – гарадскі пасёлак у Полацкім раёне. Падзеі ваеннага часу ў Ветрына гл.: Смиловицкий Л. Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944. – Тель-Авив, 2000.

[2] Даследаванні М. А. Бабчанок і інш.

У параўнанні з рытуаламі *выклікання дажджу, абворвання вёскі, апаясвання храма* найбольш даследаваным у айчыннай навуцы з'яўляецца *выраб абыдзённага палатна*. Асобныя звесткі пра яго бытаванне ў час Другой сусветнай вайны сустракаюцца ў працы В. Фадзеевай (1994). У гэты час у працэсе працы беларускіх навукоўцаў па стварэнні серыі «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» (далей – ТМКБ) распачынаецца сістэмная фіксацыя наратываў аб абыдзённым рытуале. Апублікаваныя ў тамах ТМКБ[1] і ў некаторых іншых працах наратывы, запісаныя В. Лабачэўскай, А. Боганевай, І. Смірновай, Т. Валодзінай, С. Выскваркай, Г. Лапаціным і інш., фактычна ўвялі ў шырокі навуковы і культурны ўжытак архаічны рытуал *вырабу абыдзённага палатна*. Быў доказна сцверджаны той факт, што ён актуалізаваўся і шырока бытаваў у Беларусі падчас Другой сусветнай вайны.

Канцэптуальнае асэнсаванне рытуалу *вырабу абыдзённага палатна* як стратэгіі выжывання ва ўмовах экстрэмальнай пагрозы ваеннага часу прадстаўлена ў 2009 г. В. Лабачэўскай. Даследчыца апублікавала рэпрэзентатыўны матэрыял і вызначыла *выраб абыдзённага палатна* як распаўсюджаную адаптыўную і рэгулятыўную практыку, сродак калектыўнага супрацьстаяння знешнім сілам разбурэння сацыяльнай стабільнасці і культурнай раўнавагі [3, с. 43].

Відавочна, фонд матэрыялаў па гэтай тэме можа ў некаторай ступені павялічвацца, пра што сведчаць сучасныя даследаванні[2] [4, с. 21, 46, 298]. Да таго ж некаторыя новыя даныя знаходзяцца ў фальклорных архівах. Напрыклад, у матэрыялах Слуцка-Пінскай экспедыцыі 1946 г. захаваўся запіс М. Я. Грынблата ад 25 жніўня пра ўнікальнае абыдзённае палатно, якое магло прызначацца для апаясвання Свята-Мікалаеўскай царквы ў в. Кажан-Гарадок Лунінецкага раёна. Звяртае на сябе ўвагу адзначаны даследчыкам яго памер: «Абыдзённае палатно каля 40 метраў. Выткана ў вайну, каб бог захаваў ад ваеннай бяды. Знаходзіцца ў Кажан-Гарадоцкай царкве. Абвешаны ўсе сцены» [5, л. 49].

Такім чынам, атрыбутыўны код аказіянальнай абраднасці беларусаў сёння найбольш рэпрэзентуюць прадметы народнага тэкстылю (*палатно, намітка, ручнік, кашуля, пояс*). Элементамі гэтага кода з'яўляюцца таксама абыдзённыя драўляныя *крыжы* і *рыбалоўныя сеткі.* У Беларусі «на дзень св. Аляксея (17/30.III) рыбакі плялі *абыдзённую сетку*, каб добра лавілася рыба» [6, с. 489]. Элементам гэтага кода з'яўляецца і *абыдзённы хлеб.* Павер'е пра яго сустракаецца ў комплексе характэрных для беларускай, украінскай і польскай народнай традыцыі ўяўленняў пра Ваўкалака, у той іх частцы, якая тычыцца сродкаў перасячэння мяжы з хтанічным светам. Абыдзённаму хлебу прыпісваліся магічныя ўласцівасці – вяртаць пярэваратню-ваўкалаку чалавечае аблічча, лекаваць шаленства і іншыя хваробы [6, с. 489]. Звесткі наконт практыкі прыгатавання ў час вайны *абыдзённага хлеба* разам з вырабам абыдзённай тканіны ў сучаснай вуснай традыцыі адзінкавыя. Гэта можа сведчыць пра тое, што «хлебная аказіянальная абраднасць» мела факультатыўны ў дачыненні да вырабу абыдзённых тканін характар.

Пра трансмісійную практыку «хаджэнне хлеба» сведчаць матэрыялы першых пасляваенных экспедыцый. Так, у 1945 г. адбылася арганізаваная вядучымі саюзнымі ўстановамі пад кіраўніцтвам прафесара П. Багатырова і В. Крупянскай вялікая навуковая экспедыцыя ў Бранскую вобласць РСФСР і сумежныя тэрыторыі БССР, падчас якой былі даследаваны асноўныя цэнтры партызанскага руху на Браншчыне, Смаленшчыне і ў Беларусі. У 1946 г. яе ўдзельніца С. Мінц паведамляла ў часопісе «Советская этнография»: «Запісаны таксама абрад пячэння хлеба і перадачы яго з сяла ў сяло, абрад, які мае на ўвазе патрыятычныя мэты <…>» [7, с. 190].

Можна меркаваць, што менавіта гэтыя матэрыялы трапілі з Дзяржаўнага літаратурнага музея ў Маскве ў архіў Інстытута этналогіі і антрапалогіі РАН і былі выкарыстаны В. Бяловай пры падрыхтоўцы артыкула для этналінгвістычнага слоўніка «Славянские древности»: «Паводле сведчанняў 1940-х гг. з Бранскай вобл., у час вайны па ўсіх дварах у вёсцы збіралі пакрышку

[1] Звесткі носьбітаў традыцыі аб бытаванні абыдзённага рытуалу вырабу палатна падчас Другой сусветнай вайны змешчаны ў тамах: Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 3: Гродзенскае Панямонне. Кн. 2. Мінск, 2006; Т. 4: Брэсцкае Палессе. Кн. 2. Мінск, 2009; Т. 5: Цэнтральная Беларусь. Кн. 2. Мінск, 2009; Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. Кн. 2. Мінск, 2013.

[2] Сумесны навуковы праект даследчыкаў Пскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта і Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XX в.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей» (2016).

мукі, пасля малебна ўдовы выпякалі з гэтай мукі тры караваі хлеба і “па часцінках” раздавалі хлеб па дварах. Два караваі неслі ў суседнюю вёску, пасля чаго там паўтараўся той жа рытуал. Лічылася, што як толькі хлябы дасягнуць лініі фронту, вайна скончыцца <…>. У іншых варыянтах калектыўны хлеб выпякаўся з цеста, заквашанага на аснове кавалачка каравая, прынесенага “з манастыра” <…> “з Кіева”» [8, с. 448].

Сёння ўспаміны пра «хаджэнне хлеба» ў час вайны адзінкавыя. Матэрыял, зафіксаваны ў 2008 г. у Валожынскім раёне В. Лабачэўскай, сведчыць, што інфарматар ужо не памятае мэту гэтай пашыранай у час вайны практыкі:

«Удовы хлеб насілі. Пасля вайны сколька ўдоў паастававалася. Нехта прыдумаў, невядома хто.

<Ад вёскі ў вёску хлеб пераносілі і трэба было далей перадаць?>

Аднесці – людзям раздаць. Удовы хлеб насілі. Тут такое прыдумана, а Бог яго ведае, ад чаго?» [9, с. 886].

Міфалагічныя канцэпты, якія вызначаюць семантыку і прагматыку рытуалу «хаджэнне хлеба», – гэта ўласна *хлеб, вайна* і *мяжа*, з якой звязана *ліміналънасць* асноўных суб’ектаў рытуалу. *Сіроты круглыя, чэсныя ўдовы, падарожныя* асэнсоўваюцца ў традыцыйнай культуры як часткова ці цалкам выключаныя з соцыуму, што абумоўлівае іх медыятыўны статус, здольнасць да кантакту з іншасветам і вызначальную ролю ў «рытуалах бедства».

Паводле А. Байбурына, адным з асноўных спосабаў аб’ектывацыі сэнсу ў абрадавым тэксце з’яўляецца «перавод асноўных ідэй рытуалу на мову прасторавых адносін» [10, с. 183]. У рытуале «хаджэнне хлеба» (*тэкст 2*) (гл. дадатак) гэта выразна праяўляецца як падзел актуальнай прасторы на сферы свайго і чужога. Рухомая прасторавая *мяжа* маркіруе прастору па лініі «свой – чужы», дзе свая, культурная прастора – гэта вёскі, у тым ліку на акупаванай тэрыторыі, па якіх «ідзе хлеб» (<…> *куды не прыдзеш, усюды пякуць. Хлеб ішоў цугам, сплашной паласой. Увесь народ памагаў. Адну бабу немцы ледзь не застрэлілі*). Чужая, хтанічная прастора – гэта тэрыторыя вайны, якая звужаецца ў выніку пераможнага «наступлення хлеба» (*Дайшоў так хлеб да нямецкай граніцы, і вайна скончылася*).

Даследчык фенаменалогіі вайны ў сістэме этнічнай культуры беларусаў У. Лобач піша, што «ядравыя кропкі» сэнсапараджэння вайны (ідэалагемы *перамога, герой, гвалт, смерць*) выяўляюць варыятыўнасць падчас іх прачытання ў розных жанрах фальклору (легендах, тапанімічных паданнях, абрадавых песнях каляндарнага і сямейнага цыклаў), што абумоўлена заканамернасцямі і прагматыкай функцыянавання кожнага жанру [11, с. 62]. Натуральна, гэта датычыць і прачытання самога канцэпту *вайны*. У міфасемантыцы аброчнага рытуалу «хаджэння хлеба» ён праяўляецца як прарыў хтанічнага свету ў культурную прастору, які магчыма нейтралізаваць усеагульнай кансалідацыяй супольнасці для ментальнай і акцыянальнай апеляцыі да вышэйшых сіл.

Галоўным магічным сродкам супрацьдзеяння хаосу выступае *хлеб* – штодзённая і абрадавая рэалія, якая мае высокі сакральны статус і дачыненне з якой у вышэйшай ступені рытуалізавана [12, с. 412]. Прасочваецца тоеснасць ключавых момантаў аброчнага рытуалу «хаджэння хлеба» і каравайнага абраду, якая выяўляецца ў матыве збірання прадуктаў для галоўнай рытуальнай стравы: ва ўсходнепалескім тэксце адзначаецца, што *сіроты круглыя збіралі муку.* У вясельнай традыцыі прыгатаванне каравая таксама ўключае збіранне ці складанне каравайніцамі кампанентаў для яго прыгатавання (дроў, прадуктаў). Магічныя ўласцівасці аброчнага хлеба забяспечваюцца сацыяльным і сямейным статусам яго стваральніц (*чэсныя ўдовы*) і іх калектыўным абраканнем. Таксама і прадукаваная сіла каравая абумоўлена традыцыяй, якая рэгламентуе сам працэс і дапускае да яго канкрэтна вызначаных асоб (*замужніх сваячніц, якія маюць дзяцей, шчаслівых у шлюбе* і інш.). Паводле А. Байбурына, аналогіі паміж выпяканнем хлеба і крэацыйным актам нараджэння якасна новага, рытуальна чыстага аб’екта спрыяе тое, што ў печы холад змяняецца цеплынёй, цемра – святлом, аморфнае цеста робіцца цвёрдым [10, с. 219]. Прыгатаванне хлеба адбываецца ў «жыватворчым кантэксце» саюза агню і вады, што робіць яго здольным уплываць на рэчаіснасць.

Функцыянальнасць вясельнага абрадавага хлеба рэалізуецца праз яго падзел і адорванне часткай кожнага ўдзельніка вяселля, які адначасова выступае і як асоба, і як прадстаўнік сям’і/

роду. Аналагічна і функцыянальнасць хлеба ў разглядаемым аброчным рытуале рэалізуецца ў яго распаўсюджанні праз «чэсных удоваў» як рэпрэзентантаў сваёй вясковай супольнасці. Раздаванне аброчнага хлеба (*усім па дробі*), як і раздаванне вясельнага каравая, бабінай кашы, заснавана на веры ў прадукаваную і апатрапейную моц рытуальнай ежы, якая перадаецца праз магічны кантакт.

Каравайны абрад сумяшчаў у сабе «накіроўваючую» і «дзякавальную» мадэлі абракальнага рытуалу [13, с. 98], яго цыкл быў замкнёны. Такі ж замкнёны цыкл мае месца ва ўсходнепалескіх абрадах Свячы і ў абраднасці Багача, дзе прысутнічаюць выразныя элементы трансмісійных практык – перадача рытуальнага прадмета ў супольнасці ўдзельнікаў. Аброчны рытуал «хаджэння хлеба» разгортваецца толькі па «накіроўваючай» мадэлі, ён транстэмпаральны (*пакуль не кончыцца вайна*), а колькасць яго суб'ектаў неабмежаваная.

Тэхналогія прыгатавання хлеба ў разглядаемым аброчным рытуале з'яўляецца вынікам фальклорнага пераасэнсавання практыкі выпякання просвір для праваслаўнай літургіі. Як вядома, просвіра складаецца з дзвюх частак, якія вырабляюцца з цеста асобна, а потым зляпляюцца. Верхняя частка просвіры з адбіткам крыжа адпавядае духоўнаму пачатку ў чалавеку (*Ісусу Хрысту*), у той час як ніжняя сімвалізуе зямное, цялеснае. Народны рэцэпт мае прэскрыптыўны характар, у ім акцэнтавана роля верхняй скарыначкі як увасаблення сілы. Абумоўленасць рытуалу «хаджэнне хлеба» праваслаўным царкоўным прадпісаннем пацвярджаецца таксама патрабаваннем ужываць аброчны хлеб *нашча*, як просвіру, антыдор ці святую ваду. Аднак тое, што ў апісаным рытуале рэцэпт хлеба кіслы, на заквасцы, у той час як для царкоўнай прычасці выкарыстоўваецца хлеб прэсны, сведчыць пра народна-рэлігійную прыроду разглядаемай аброчнай практыкі.

У побытавай культуры праваслаўных аброчныя практыкі былі пашыраным спосабам камунікацыі з сакральным светам, які нёс у сабе пэўным чынам закадзіраваную інфармацыю аб няшчасці ці крызісе [13, с. 98]. Сёння сярод прадстаўнікоў прыхрамавага праваслаўнага асяроддзя працягваюць бытаваць мадыфікаваныя формы трансмісіі святога хлеба пад назвамі *ерусалімскі, пачаеўскі, афонскі, Матронін*[1] хлеб ці закваска. Духавенства асуджае практыку распаўсюджання закваскі «святога цеста» ці «цеста шчасця» [14, с. 39–40]. Аргументацыя прадстаўнікоў царквы цікавая ў той частцы, якая сведчыць пра непасрэдную рэплікацыю ў сучаснасці апісваемага намі аброчнага рытуалу часоў вайны: «Самае страшнае, што прапануецца ў рэцэпце, гэта тое, што неабходна раздаць тры часткі цеста з чатырох добрым людзям разам з рэцэптам <...> гэта схема раздачы хлеба вельмі падобная на схему распаўсюджання так званых лістоў шчасця, якія не так даўно мелі хаджэнне па ўсёй краіне і нават за мяжой» [15]. Такім чынам, трансмісійная практыка «хаджэння хлеба» з'яўляецца познетрадыцыйнай адносна *вырабу абыдзённіка, абыходаў, абворвання, апаясвання, агароджвання, абкурвання* формай рытуальнага дзеяння-абярэга, якая працягвае існаваць у сучаснай побытавай культуры праваслаўных.

Яшчэ адной формай дзеяння-абярэга ў экстрэмальнай сітуацыі вайны было перапісванне т. зв. *святых пісем*: «На Браншчыне падчас вайны перадавалі адзін аднаму і па 6 разоў перапісвалі "пісьмо ад Ісуса Хрыста", у якім прадказваўся канец вайны. Лічылася, што калі пісьмо пяройдзе лінію фронту, вайна скончыцца» [8, с. 448]. Распаўсюджанне гэтай з'явы ў 1930-я гг. і падчас вайны ўзгадваецца ў працы В. Лур'е і ў некаторых іншых крыніцах. Адзінкавыя звесткі пра *святыя пісьмы* ў вайну змяшчаюцца ў ТМКБ: «Пісьма нейкія пісалі. Нада за раз напісаць гэна пісьмо і перадаць нескулькі чалавек» [9, с. 886].

Сёння паходжанне і тыпалогія сучаснага ўстойлівага феномена магічных пісем (*святыя пісьмы, нябесныя пасланні*) даследавана ў працах А. Панчанкі, С. Сміта, Д. Радчанка, Е. Панамаровай, С. Барысава і інш. Вызначана, што гэта з'ява, маючая «надканфесійны» характар, была распаўсюджана ва ўсходнеславянскай, заходнееўрапейскай і англа-амерыканскай культурах і ўяўляе сабой вельмі шырокі спектр рэлігійна-магічных тэкстаў, якія ўключаюць апакрыфічныя казанні і павучанні, пісьмы-абярэгі, кругавыя пісьмы і інш. [16, с. 629]. А. Весялоўскі, які тлумачыў паходжанне гэтай з'явы шырокім распаўсюджаннем на тэрыторыі хрысціянскай Еўропы пераказаў апакрыфічнага павучання аб святкаванні нядзелі, яшчэ ў 1876 г. пісаў, што ў народзе *эпіс-*

[1] Звязана з імем Матроны Маскоўскай (Пакроўскі стаўрапігіяльны жаночы манастыр, Масква).

толія заўсёды выконвала функцыю амулета, заклінальнай формулы, якая адганяе злых духаў [17, с. 115]. В. Лур'е, разглядаючы з'яву з пазіцый праваслаўнай царквы, указваў на яе эсхаталагічную «ідэалогію» і фатальны прапаведніцкі характар: «Як відаць з познетрадыцыйных тэкстаў "святых пісем", старажытная традыцыя абяцання пакарання, пагроза страшных праклёнаў у разглядаемым жанры пісьмовага фальклору дайшла да нашых дзён»[1] [18, с. 147].

Нягледзячы на тое, што ў сітуацыі вайны дынаміка народнай рэлігійнасці, у тым ліку распаўсюджання побытавых магічных практык, эсхаталагічных аповедаў і павер'яў узрастала, у фальклярыстыцы такія факты мала адлюстраваны. Даследчыцкі пошук савецкіх вучоных быў скіраваны перадусім на фальклорныя творы іншага ідэйнага зместу. У якасці адзінкавых прыкладаў згадаем *былічкі аб вайне* з архаічнымі матывамі ваўка, які размаўляе, чараўніка, пеўня, жытняга коласа, запісаныя ўдзельнікамі маскоўскай экспедыцыі 1945 г. на Браншчыне і суседніх тэрыторыях БССР [7, с. 190]. Эсхаталагічныя легенды аб разгроме немцаў і заканчэнні вайны фіксавалі экспедыцыі вучоных АН БССР на Усходнім Палессі ў 1945–1946 гг., аб чым сведчыць фонд тэкставых запісаў фонду ІМЭФ. Напрыклад, сустракаецца наступны запіс: *«Бралі краснага і чорнага петуха, сводзілі іх біцца. Сначала пабедзіў чорны, а ў паследствіі ўродзі перадыхнулі, красны пабядзіў, то ўжо зналі, – нашы пабедзяць. Сны сніліся, што наша пабеда будзе*» (запісаны 25 жніўня 1946 г. у в. Пухавічы Ляхавіцкага с/с Жыткавіцкага р-на ад старой Макарэвіч, маці-гераіні) [5, л. 61]. Прыведзены ўзор няказкавай фальклорнай прозы *пра бой пеўняў* не з'яўляецца фальклорнай эксплікацыяй «этнаграфічнага факта» і, відавочна, не адлюстроўвае этнаграфічныя рэаліі Беларусі часоў вайны. Своеасаблівы «вандроўны сюжэт» паходзіць са сферы народна-праваслаўнага быту і з'яўляецца тыповым для сялянскага эсхаталагічнага фальклору часоў Другой сусветнай вайны [19, с. 408]. Яго рэдукаваная форма сустракаецца ў легендарна-жыційным комплексе тэкстаў пра кананізаваную старыцу Матрону Маскоўскую (аповеды аб прыездзе да яе Сталіна ўвосень 1941 г. і прадказанні Матронай перамогі савецкіх войскаў у вайне) [20, с. 15].

У прадказанні выніку вайны па бойцы пеўняў перамога чырвонага, натуральна, трактуецца як перамога «нашых», «рускіх», «савецкіх» над «чужымі», «немцамі», «фашыстамі». У большасці тэкстаў, прыведзеных В. Бяловай, хтанічны пачатак увасабляе белы певень [19, с. 408–410]. Семантыка белага колеру пеўня-антаганіста ідэалагічна дэтэрмінаваная: у вуснай традыцыі савецкага чалавека захоўваліся сфарміраваныя савецкай прапагандай 1920-х гг. негатыўныя канатацыі ідэалагем «*бела*гвардзейцы», «*бела*фіны», «*бела*палякі». Выразная ў славянскай традыцыі ахоўная семантыка чырвонага колеру ўзмоцнена колеравай сімволікай савецкай улады.

У беларускім варыянце чорны колер пеўня-антаганіста з'яўляецца вынікам пазнейшага пераасэнсавання, якое адбылося ў дыскурсе аб Другой сусветнай вайне. Адносна аддаленыя падзеі часоў станаўлення савецкай улады і грамадзянскай вайны паступова страцілі актуальнасць, саступіўшы месца ў масавай культуры вобразу *чорнай* фашысцкай навалы. Хтанічны пачатак, варожую сілу стаў маркіраваць чорны (*цёмны*) колер (*Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, / С фашистской силой темною, с проклятою ордой*), які не ў апошнюю чаргу быў абумоўлены колерам формы нямецкіх салдат. У сэнсе ідэалагічнай дэтэрмінацыі колераў у апакаліптычных наратывах пасляваеннага часу ўяўляе цікавасць узор сюжэта з «навелай», народжанай уплывам савецка-кітайскага палітычнага процістаяння 1950–1960-х гг. Прадказваецца прыход «жоўтага пеўня» (Кітая), які ўсіх паб'е і пераможа [19, с. 410].

Высновы. Экстрэмальныя пагрозы ваеннага часу, узмацненне эсхаталагічных чаканняў насельніцтва выклікалі ў традыцыйным грамадстве, як пісаў А. Байбурын, высокую ступень няпэўнасці. Гэта абумоўлівала пашырэнне магічных практык, асаблівую аператыўнасць варожбаў, прыкмет і прафетычных уяўленняў як асноўных інструментаў зніжэння няпэўнасці [10, с. 175]. Відавочна, дынаміка народнай рэлігійнасці, у тым ліку распаўсюджанне рытуалу «хаджэнне хлеба», практыкі перапісвання «святых пісем», у гады вайны ўзрастала. Аднак у савецкай фальклярыстыцы падобныя факты практычна не асэнсаваны, паколькі даследчыцкі пошук савецкіх вучоных скіроўваўся ў першую чаргу на фальклорныя творы гераіка-патрыятычнага гучання.

[1] Праваслаўная царква ўказвае на іх акультны характар: Мартинович В. А. Письма счастья как элемент оккультной среды общества // Минские епархиальные ведомости. – 2007. – № 1(80). – С. 72–76.

Сёння аналіз нешматлікіх архіўных матэрыялаў экспедыцый 1945–1946 гг. супрацоўнікаў сектара этнаграфіі і фальклору Інстытута гісторыі АН БССР на чале з М. Я. Грынблатам дазваляе сцвярджаць, што фальклорныя эксплікацыі аброчнага рытуалу «хаджэння хлеба» адлюстроўваюць апеляцыю носьбітаў да архаічных узроўняў свядомасці, на міфасемантычным і акцыянальным узроўнях выяўляецца ўстойлівая сувязь рытуалу з усходнеславянскай абрадавай традыцыяй.

«Хаджэнне хлеба» – перыферыйная познетрадыцыйная з'ява аказіянальнай абраднасці беларусаў, падвід аброчных (павінных) рытуалаў, у кантэксце якіх аброк трактуецца як ментальная ўстаноўка носьбітаў традыцыі і як аб'ект рытуальных дзеянняў. Па форме рэалізацыі рытуал з'яўляецца трансмісійнай практыкай, ідэйны план якой вызначае сінтэз народна-рэлігійных ідэалагем з элементамі кантактнай, ініцыяльнай і апатрапейнай магіі. Наратывы пра «хаджэнне хлеба» адлюстроўваюць акцэнтаваную інфарматарамі веру ў эфектыўнасць рытуалу, прэскрыптыўны характар тэхналогіі прыгатавання рытуальнага хлеба і ўзбагачаюць фонд няказкавай фальклорнай прозы часоў Другой сусветнай вайны.

Дадатак

Тэкст 1

Як хлеб ішоў

(У часы вайны пяклі святы хлеб і перадавалі з вёскі ў вёску, каб хутчэй прыйшла перамога над нямецкімі захопнікамі) [*рэмарка М. Я. Грынблата*].

Сіратом круглым, яны сабіралі муку, а ўдовы пяклі. З гэтым хлебам тры разы абыходзілі дзярэўню, ікону бралі. Хлеб сюды прынеслі з Белёва, булачку і бумажку, было напісана, як рабіць. На разыход дарог справілі абедню, раздалі булачку ўсім па дробі. Верхнюю скарыначку клалі ў цёплую ваду, з яе расчынялі новы хлеб, каб наш верх быў над немцам. У старыну як балесь дзе ўваб'ецца у дзярэўню, песні святыя пелі[1].

25.08.1946 г. Пухавічы Ляхавіцкага с/с Жыткавіцкага р-на, ад старой Макарэвіч, маці-гераіні. Фонд ІМЭФ. Ф. 8. Воп. 1. Спр. 9. Слуцка-Пінская экспедыцыя 1946 г. Сшытак 2. Запісы М. Я. Грынблата. Лістоў 70. Л. 59.

Тэкст 2

Святы хлеб (сказ-легенда)

Полацкім борам ішлі падарожныя. Іх нагнаў чалавек на возе, на якім ляжала скрыначка. Чалавек застанавіў тых людзей, якія там ішлі, і спытаўся:

– З якога вы боку, людзі добрыя?

Тыя адказваюць:

– З Ветрыншчыны.

– Ну, а я еду здалёк. З тых месцаў, дакуль ужо дайшла вайна. Хачу вам сказаць ось што. Калі вы хочаце, каб скончылася хутчэй вайна, то вазьміце вось гэтае.

Ён адчыніў скрыначку і вымае адтуль тры невялікія булачкі хлеба і запісачку, у якой і распавядаецца, што і як рабіць з гэтым хлебам. А рабіць ім трэба было так: аднесці гэтыя тры булачкі ў тры вёскі, у кожную па булачцы, і ўручыць сумленнай удаве; тая павінна зняць верхнюю корку з гэтай булачкі, а з рэшты, сабраўшы мукі, расчыніць хлеб, улажыўшы туды гэту булачку, і зноў спячы тры булачкі.

Як хлеб будзе спечаны, яна павінна сама нашча аднесці ў наступныя тры вёскі і ўручыць таксама чэсным удовам, якія павінны зрабіць тое самае і аднесці далей, туды, дзе "хлеб яшчэ не ішоў". А тады, прыйшоўшы дамоў, яна абнашчваецца верхняй скарыначкай, якую ўзяла з той булачкі, якую расчыніла, каб верх быў наш.

[1] Мова наратываў захавана, выпраўлены асобныя знакі прыпынку, атрыбуцыя даецца паводле архіўных дакументаў.

– І калі, – сказаў той чалавек з воза, – гэты хлеб дойдзе да тых месцаў, адкуль пачалася вайна, тады яна і скончыцца.

Хлеб ішоў і праз нашу вёску. Якубіха Касароўская, удава, несла. Хлеб гэты лічыўся святым, і рабіць яго павінны былі толькі чэсныя ўдовы, тайна. Бывала, неслі яго за дваццаць кіламетраў, нашча, у тую вёску, дзе ён яшчэ не ішоў, бо куды не прыдзеш, усюды пякуць. Хлеб ішоў цугам, сплашной паласой. Увесь народ памагаў. Адну бабу немцы ледзь не застрэлілі.

Дайшоў так хлеб да нямецкай граніцы, і вайна кончылася, якраз супала па часу. Людзі вераць, што святы хлеб дапамог.

Наш верх узяў над немцам.

Запісаў М. Грынблат у 1945 г. у Мінску ад М. Р. Судніка, які чуў ад сваёй маткі Марыі Міхайлаўны Суднік, 47 гадоў, няграматнай з в. Пяцюлёва Ветрынскага с/с Полацкай вобл., праз каторую таксама «хлеб ішоў». Фонд ІМЭФ. Ф. 8. Воп. 1. Спр. 1. Мінска-Маладзечанская экспедыцыя. 1945 г. Сшытак 1. Лістоў 223. Л. 217–218.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гулак, Н. Да праблемы асэнсавання фальклору ваеннага часу / Н. Гулак // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні : зб. навук. прац / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск, 2019. – Вып. 6. – С. 184–194.

2. Неклюдов, С. Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации / С. Ю. Неклюдов // Фольклор и этнография : [сб. науч. ст.] : к девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – СПб., 2011. – С. 40–47.

3. Лобачевская, О. А. Ритуал в повседневности войны / О. А. Лобачевская // Homo historicus, 2009 : гадавік антрапалаг. гісторыі / пад рэд. А. Ф. Смалянчука. – Вільня, 2010. – С. 38–53.

4. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора : тексты, исследования / под общ. ред. Н. В. Большаковой ; сост.: Н. В. Большакова [и др.]. – Псков : Логос, 2016. – 332 с.

5. Фонд ІМЭФ. Ф. 8. Воп. 1. Спр. 9. Сш. 2. Л. 70.

6. Толстая, С. М. Обыденные предметы / С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 2004. – Т. 3. – С. 487–489.

7. Минц, С. И. Фольклор Великой Отечественной войны в московских архивах / С. И. Минц // Совет. этнография. – 1946. – № 2. – С. 188–192.

8. Белова, О. Обет / О. Белова // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 2004. – Т. 3. – С. 446–448.

9. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / агул. рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск, 2011. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь, кн. 2. – 911 с.

10. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.

11. Лобач, У. Феномен вайны ў міфапаэтычнай карціне свету беларусаў / У. Лобач // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні : зб. навук. прац / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск, 2014. – Вып. 1. – С. 58–91.

12. Толстая, С. М. Хлеб / С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 2012. – Т. 5. – С. 412–421.

13. Панченко, А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. – СПб. : Алетейя, 1998. – 305 с.

14. Клименко, И. Информационные бомбы и бесовская пища / И. Клименко // Мир соврем. науки. – 2012. – № 2 (11). – С. 39–47.

15. Свечников, Д. Иерусалимский хлеб, или Закваска от лукавого [Электронный ресурс] / Д. Свечников // Портал «Дивное Дивеево» : офиц. сайт Дивеев. монастыря. – Режим доступа: http://www.diveevo.ru/2/0/1/502/. – Дата доступа: 13.10.2019.

16. Панченко, А. Магические письма / А. Панченко // Современный городской фольклор : [сб. ст.] / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. – М., 2003. – С. 620–642.

17. Веселовский, А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды. Эпистолия о неделе / А. Н. Веселовский // Журн. М-ва народ. просвещения. – 1876. – Ч. 184, № 3–4. – С. 50–116.

18. Лурье, В. Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора / В. Ф. Лурье // Рус. литература. – 1993. – № 1. – С. 144–149.

19. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / РАН, Ин-т славяноведения ; сост. и коммент. О. В. Беловой. – М. : Индрик, 2004. – 575 с.

20. Кормина, Ж. Политические персонажи в современной агиографии: как Матрона Сталина благословляла [Электронный ресурс] / Ж. Кормина // Антропол. форум. – 2010. – № S12. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_kormina.pdf. – Дата доступа: 12.10.2019.

References

1. Gulak N. To the problem of interpretation of war-time folklore. *Belaruski fal'klor: materyyaly i dasledavanni: zbornik navukovykh prats* [Belarusian folklore: materials and research: a collection of scientific papers]. Minsk, 2019, iss. 6, pp. 184–194 (in Belarusian).

2. Neklyudov S. Yu. "Ethnographic Fact" and its folklore explications. *Fol'klor i etnografiya: sbornik nauchnykh statei: k devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya K. V. Chistova* [Folklore and ethnography: collection of scientific articles: on the ninetieth birthday of K.V. Chistov]. St. Petersburg, 2011, pp. 40–47 (in Russian).

3. Lobachevskaya O. A. Ritual in the daily routine of war. *Homo historicus, 2009: the annual of anthropological history.* Vilnius, 2010, pp. 38–53 (in Russian).

4. Bol'shakova N. V. (ed.). *The Great Patriotic War in the Mirror of folk speech and folklore: texts, research*. Pskov, Logos Publ., 2016. 332 p. (in Russian).

5. *Archive IAEF.* Fund 8, inventory 1, case 9, notebook 2, sheet 70 (in Belarusian).

6. Tolstaya S. M. Magic things. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2004, vol. 3, pp. 487–489 (in Russian).

7. Mints S. I. Folklore of the great patriotic war in Moscow archives. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1946, no. 2, pp. 188–192 (in Russian).

8. Belova O. Vow. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2004, vol. 3, pp. 446–448 (in Russian).

9. Varfalameeva T. B. (ed.) *Traditional artistic culture of Belarus. Vol. 5. Central Belarus, book 2*. Minsk, 2011. 911 p. (in Belarusian).

10. Baiburin A. K. *A ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 240 p. (in Russian).

11. Lobach U. The phenomenon of war in the mythopoetic worldview of Belarusians. *Belaruski fal'klor: materyyaly i dasledavanni: zbornik navukovykh prats* [Belarusian folklore: materials and research: a collection of scientific papers]. Minsk, 2014, iss. 1, pp. 58–91 (in Belarusian).

12. Tolstaya S. M. Bread. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2012, vol. 5, pp. 412–421 (in Russian).

13. Panchenko A. A. *Research in the field of Folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 305 p. (in Russian).

14. Klimenko I. Media bombs and food demons. *Mir sovremennoi nauki* [The World of Modern Science], 2012, no. 2 (11), pp. 39–47 (in Russian).

15. Svechnikov D. Jerusalem bread, or yeast from hell. *Wonderful Diveevo.* Available at: http://www.diveevo.ru/2/0/1/502/ (accessed 13.10.2019).

16. Panchenko A. Magic letters. *Sovremennyi gorodskoi fol'klor: sbornik statei* [Modern urban folklore: collection of articles]. Moscow, 2003, pp. 620–642 (in Russian).

17. Veselovskii A. N. Essays on the history of the Christian legend. Letter to the sunday *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1876, pt. 184, no. 3–4, pp. 50–116 (in Russian).

18. Lur'e V. F. "Holy Letters" as a phenomenon of traditional folklore. *Russkaya literatura*, 1993, no. 1, pp. 144–149 (in Russian).

19. Belova O. V. (comp.) *The Folk Bible: East Slavic etiological legends*. Moscow, Indrik Publ., 2004. 575 p. (in Russian).

20. Kormina Zh. Political characters in contemporary hagiography: how Saint Matrona of Moscow gave her blessing to Iosif Stalin. *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2010, suppl. 12. Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_kormina.pdf (accessed 12.10.2019).

Иформация об авторе

Гулак Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук. Белорусский государственный университет культуры и искусств (ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

Information about the author

Nastassia A. Hulak – Ph. D. (Philol.). Belarusian State University of Culture and Arts (17 Rabkorovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: rodolfina.hulak@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
BSSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 1:316(476)(045)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-476-485

Паступіў у рэдакцыю 20.02.2020
Received 20.02.2020

В. А. Максімовіч

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЛІТАРАТУРНЫ КАНОН У ПАЭТЫЧНАЙ СПАДЧЫНЕ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА: ГЕНЕЗІС, РЭЦЭПЦЫЯ, СЕМІЁЗІС[1]

Філасофскі ракурс

Аннотация. На примере творчества классика белорусской литературы Максима Богдановича исследуется роль литературного канона в эстетической самоидентификации национальной литературы. Отмечается, что литературный канон выступает в качестве стратегии культурной идентичности, одной из действенных форм и важным условием складывания культурного символического мира смыслов, фундируемого общекультурными ценностями человечества. Утверждается, что историко-культурные, художественные, онтологические, бытийные ценности и смыслы, эксплицированные в поэтическом каноне Максима Богдановича, становились важной частью духовного измерения, культурной интеграции, гармонизации социальных отношений. Отличительной особенностью обращения поэта к канонической художественной форме признается закрепление за ней роли символического консолидирующего знака-референта, призванного формировать «культурное сознание», прививать чувство общего эстетизированного этнокультурного единства, служить средством духовной интеграции и национальной консолидации общества.

Ключевые слова: литературный канон, эстетический идеал, эталон, культурная матрица, культурная идентичность, социокультурный код, интертекстуальность

Для цитирования: Максімовіч, В. А. Літаратурны канон у паэтычнай спадчыне Максіма Багдановіча: генеалогія, рэцэпцыя, семіёзіс / В. А. Максімовіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. Т. 65, № 4. – С. 476–485. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-476-485

Valery A. Maksimovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

LITERARY CANON IN MAKSIM BOGDANOVICH'S POETIC HERITAGE: GENEALOGY, RECEPTION, SEMIOSIS

Philosophical point of view

Abstract. On the example of works of the classic of Belarusian literature Maksim Bogdanovich, there is studied the role of literary canon in aesthetic self-identification of national literature. It is noted that the literary canon acts as a strategy of cultural identity, one of the effective forms, and important condition of formation of the cultural symbolic world of meanings funded by the general cultural values of humankind. It is stated that historical, cultural, artistic, ontological, existential values and meanings explicated in the poetic canon of Maksim Bogdanovich became an important part of spiritual dimension, cultural integration, harmonization of social relations. A distinctive feature of the poet's appeal to the canonical art form is securing for it the role of a symbolic consolidating referential sign designed to form a "cultural consciousness", to instill the sense of general aesthetized ethnocultural unity, to serve as a means of spiritual integration and national consolidation of society.

[1] Работа выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД (дагавор Г19-021 ад 02.05.2019 г.).

© Максімовіч В. А., 2020

Keywords: literary canon, aesthetic ideal, standard, cultural matrix, cultural identity, sociocultural code, intertextuality
For citation: Maksimovich V. A. Literary canon in Maksim Bogdanovich's poetic heritage: genealogy, reception, semiosis. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 476–485 (in Belarusian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-476-485

Літаратурная класіка ўяўляе сабой адмысловы культурастваральны і каштоўнасны кангламерат, які валодае невычэрпным кагнітыўным, эўрыстычным, эстэтычным патэнцыялам, задае пэўны алгарытм светаўспрымання, акрэслівае магчымыя кірункі развіцця сацыякультурных сфер грамадства. Гэта асабліва важна ў сітуацыі перажывання крызісу каштоўнасцей, дэвальвацыі маральных імператываў, якія павінны складаць аснову грамадскай жыццядзейнасці. У класічных мастацкіх творах пазачасавыя эстэтычныя каштоўнасці знайшлі сваё найбольш змястоўнае ўвасабленне. Яны закліканы выражаць універсальныя сэнсы, глыбінныя духоўныя асновы чалавечага быцця, што забяспечвае іх патэнцыяльна магчымае і рэальнае ўспрыманне і разуменне ў кантэксце функцыянавання знакава-сімвалічных комплексаў і камунікатыўных асяроддзяў.

Пераканаўчым сведчаннем умацавання светапоглядных і духоўна-маральных асноў сучаснага грамадства можа служыць паэтычная спадчына класіка беларускай літаратуры Максіма Багдановіча. Паэт стаў заканадаўцам эстэтычнага паэтычнага канона дзякуючы акультурацыі сусветнага мастацкага і філасофскага вопыту з апорай на нацыянальны культурны кантэкст. М. Багдановіч, калі меркаваць па фармальна-зместавай скіраванасці яго творчасці, з'яўляецца прыхільнікам сімвалічнага паэтычнага канона, створанага на аснове мастацкага сінтэзу розных культурных светаў, узораў светабачання і светаадчування. Мастацкія карціны, створаныя яго творчай фантазіяй, маюць у сваёй аснове містычную, сімвалічную накіраванасць і нагадваюць паэтычнае адкрыццё, у якім увасоблены духоўны свет быцця. Для Багдановіча не мае вялікага значэння, што становіцца прадметам яго мастацкіх рэфлексій, – свет прадметны, рэальны або выдуманы, створаны яго фантазіяй ці запазычаны з розных кніжных крыніц. Абодва яны валодаюць аднолькавай ступенню рэальнай прадстаўленасці, унушальнасці з прычыны таго, што маюць суб'ектыўную прыроду свайго паходжання.

Паэт творыць пераважна па законах іканапіснай традыцыі, у якой няма нічога выпадковага, і кожны вобраз, нават драбнюткія дэталі, заключаюць у сабе пэўны сімвалічны сэнс. Вось чаму для яго сутнасна важнае значэнне набывае ідэя сінтэзу, аб'яднальнай арганічнай сувязі пазнавальнага ўніверсуму культуры, які для паэта існуе рэальна. Кніга М. Багдановіча «Вянок» будуецца па прынцыпе адкрыцця, дзе кожны спрактыкаваны чытач як бы ідэнтыфікуе свой духоўны вопыт, вывярае яго па ім і папаўняе страчаныя і адсутныя звёны з дапамогай апошняга. Можна меркаваць, што Багдановіч ставіў сабе ўтапічную задачу стварыць саборны паэтычны канон розных культур і цывілізацый, які ў сваёй сукупнасці мог бы сведчыць аб адзіным «каранёвым» пачатку станаўлення сусветнай духоўнай культуры. Тым самым ён падкрэсліваў ідэю *духоўнага адзінства* чалавечых культур і святых гісторыка-культурных сімвалаў, застылых у кананічных формах. Вось чаму і ў самой кнізе «Вянок» даволі моцны кананічны пачатак, праз які выразна праступае жаданне паэта стварыць паэтычны «канон канонаў», што заключае ў сабе тэзаўрус ўсёй культуры і замыкае на сябе ўвесь яе сэнс, здольны бясконца ўзбагачацца новымі інтэрпрэтацыямі.

Зварот М. Багдановіча да кананічных форм верша мае сваю і псіхалагічную, і культуралагічную, і гісторыка-культурную абумоўленасць. Нямецкі даследчык Ян Асман у сваёй кнізе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентификация в высших культурах древности» (М., 2004), аналізуючы праявы канона ў старажытным мастацтве, звяртае ўвагу на фармальную напружанасць канона як інструмента пабудовы вывераной формы і яго арыентаванасць на ідэальны ўзор, на стварэнне дасканалага тэксту: «У якасці інструмента канон служыць арыентацыі, ён дапамагае будаваць дакладна, гэта значыць прама і суразмерна, у пераносным сэнсе – дзейнічаць у адпаведнасці з нормай. Канон – нарматыўны інструмент, які не толькі ўстанаўлівае, што ёсць, але і прадпісвае, што павінна быць» [1, с. 138].

Адно са значэнняў слова канон – узор, таму ў пэўных кантэкстах канон і класіка – сінонімы. Канон прадугледжвае вернасць не столькі тэксту-ўзору, колькі той сутнасці прыгожага, якую ён выражае. Як вядома, тэарэтычныя праблемы прыгожага («красы і мастацтва») М. Багдановіч

зрабіў прадметам сваёй паэтычнай творчасці. Яго надзвычай засяроджаная ўвага на мастацкай форме верша стала надзейнай асновай для звароту да філасофскіх ідэй, звязаных з вытлумачэннем парадоксаў прыгожага: ператварэнне пачварнага ў прыгожае і, наадварот, прыгожага ў пачварнае, сутнасць антыномій прыгожага і этычнага (прыгажосці і дабра), вечнага мастацтва і трагічнай місіі мастака. Пры гэтым Багдановіч не прапануе нейкіх строга аформленых, рацыянальна вывераных філасофскіх высноў. Наадварот, сваімі творамі ён ставіць мноства пытанняў, застаючыся адкрытым для шматлікіх альтэрнатыўных інтэрпрэтацый, тлумачэнняў іх мастацкай змястоўнасці.

Прыгожае Багдановіч перш за ўсё звязвае з формай, пры гэтым апошняя паўстае як рухомая і адносная. Паэт аддае перавагу сталым формам верша, якія падпарадкоўваюцца асобым правілам – канону. Найбольш вядомыя сярод іх – рандо, рандэль, трыялет, рытурнель, санет, тэрцыны, пентаметр, гекзаметр. Чым жа вабіла паэта кананічная форма? Для адказу на гэтае пытанне трэба звярнуцца да сведчанняў раней згаданага намі Я. Асмана, які разумее пад канонам «такую форму традыцыі, у якой яна дасягае вышэйшай унутранай абавязковасці і надзвычайнай фармальнай ўстойлівасці». Пры гэтым ён падкрэслівае, што канону ўласціва «сувязь паміж строгасцю формы і адкрытасцю да працягу. Гэта дакладна для ўсіх твораў мастацтва, якія сталі ўзорам у сваім жанры і таму класікай. Толькі праз класіцыстычнае, якое імітуе зварот, праз mimesis можа прынцып канона ажыццяўляць сваю функцыю формы культурнага ўспаміну, як прыстанішча рэтраспектыўных пошукаў арыентацыі. <...>

Кананізацыя – гэта не капрыз гісторыі рэцэпцыі, а выкананне або ажыццяўленне патэнцыі, заключанай у самім творы дзякуючы строгасці яго формы і падпарадкаванню правілам» [1, с. 115–116].

Я. Асман надае асаблівую ўвагу сучасным суадносінам паняццяў канона і класікі. На думку даследчыка, класіка злучае ў сабе антычнае разуменне канона, як правіла, пабудовы і сярэдневяковае ўяўленне аб сакральным аўтарытэце. Менавіта з прычыны апошняй акалічнасці паняцце класікі ў Новы час выразна сакралізуецца і міфалагізуецца. Слушнай уяўляецца заўвага аб звароце да класічнага канона як да «ацэначнай меркі, крытэрыю як для самой дзейнасці, так і, перадусім, для ацэнкі вынікаў дзейнасці мастака» [1, с. 126]. Класіка задае каштоўнасныя арыенціры творчасці, «паказваючы на творы, у якіх гэтыя каштоўнасці ўзорна ўвасоблены. Паняцце класікі прымяняецца не толькі рэтраспектыўна да рэцэпцыі таго, што ўваходзіць у склад адборных аўтарытэтаў, але і праспектыўна да адкрываемага адсюль гарызонту магчымасцей законнага працягу» [1, с. 127]. Варта заўважыць, што творчасць у мастацкім каноне мае на ўвазе не механічнае ўзнаўленне ўзору, але строгае прытрымліванне эстэтычных прынцыпаў і нормаў, якія ён у сабе спалучае. Гэта адбываецца з той прычыны, што «класічныя творы ўвасабляюць у самай чыстай форме пазачасавыя нормы. Таму яны з'яўляюцца меркай і мерай як для эстэтычнага меркавання, так і для мастацкай творчасці» [1, с. 118].

Падкрэслім думку: літаратурная класіка з'яўляецца прыкладам узорнага ўвасаблення вышэйшых, пазачасавых эстэтычных каштоўнасцей, задае каштоўнасныя арыенціры творчасці, што з цягам часу могуць набыць якасць і адзнаку мастацкага канона дзякуючы ўстойлівай мастацкай камунікацыі ў межах пэўнага культурнага кантэксту (іерархіі кодаў культуры). У сваім сумарным выражэнні класічныя творы ўяўляюць адметную нацыянальную мастацкую карціну свету, якая падзяляецца, успрымаецца, прысвойваецца ўсімі і становіцца арганічнай часткай нацыянальнай мастацкай традыцыі, аб'ектыўна фарміруючы каштоўнасна-нарматыўныя ўяўленні і задаючы каардынаты значнага, першаступеннага, эталоннага ў полі чалавечага вопыту. Эталонныя характарыстыкі ўзнікаюць у працэсе культурнага адбору, гісторыка-культурнай камунікацыі, рацыянальнай адрэфлексаванасці мастацкага вопыту з улікам аксіялагічных дамінант культуры. Адабраныя такім чынам этыка-нарматыўныя ўяўленні, стандарты, стэрэатыпы ўспрымання садзейнічаюць наданню каштоўнасна-значнаму статусу ўніверсальнага, агульнапрымальнага. З цягам часу кансерватыўнае, замацаванае традыцыяй набывае сталы характар і ўваходзіць у разрад базіснага знакава-сімвалічнага капіталу, што робіць ўплыў на ўсе сферы чалавечай дзейнасці і рэгулюе адносіны чалавека да сябе, да іншых людзей, да навакольнага асяроддзя, фарміруючы такім чынам уяўленні аб маральна-этычным імператыве і спрыяючы выпрацоўцы жыццёвай стратэгіі, агульнага алгарытму кагнітыўнай дзейнасці.

Па сутнасці, размова ідзе пра літаратурны канон як першаўзор, эталон нацыянальнага стылю, які першапачаткова быў закліканы сцвярджаць, замацоўваць сталыя формы мастацтва, культываваць нацыянальны відарыс, надаючы розным праявам жыццядзейнасці культуратворчы характар. Прадметна-рэчавы свет канона ў такім разе набывае шматфункцыянальнае значэнне, становіцца асновай лірычнай эмоцыі, пачуцця, настрою, выконвае важную асацыятыўна-псіхалагічную функцыю. Менавіта ў межах канона – сталай, узорнай формы – разнастайныя дэталі, вобразы, сімвалы пераходзяць у разрад сакраментальных сутнасцей – адухаўлёных, ачалавечаных, здольных напоўніць жыццё сэнсам, значнасцю. Яны набываюць рысы сувязных часу, жывых сведкаў дзён, падзей, узаемаадносін, перажыванняў, пачуццяў і такім чынам змяшчаюць у сабе жыццёвую і каштоўнасную філасофію, пераходзяць у разрад актуальных, запатрабаваных, надзённых – сакральных знакаў культуры.

Прыкладам культуратворчага звароту да канона можа служыць літаратурная спадчына Максіма Багдановіча: за кожным словавобразам у паэта стаіць пэўнае сімвалічнае паняцце, замацаваны філасофскі сэнс, які мае аксіялагічную афарбоўку. Вобразны лад вершаў паэта набыў статус агульнанацыянальных, агульнакультурных каштоўнасна-сэнсавых мастацкіх канцэптаў, якія маюць самую непасрэдную сувязь з універсальнымі культурнымі сэнсамі, што ўжо склалі светапоглядны запас чалавецтва. У ім яскрава ўвасобіліся традыцыі рэнесанснага гуманізму, ідэі самакаштоўнасці асобы, культ гармоніі, прыгажосці, імкненне паэта ўзнавіць мадэль свету (цэласнасць светабудовы) у яе найбольш характэрных праявах.

М. Багдановіча прыводзілі ў захапленне шэдэўральныя творы антычнасці, Адраджэння, Новага часу. Ён нязменна імкнуўся акунуцца ў тыя далёкія часы, спрабуючы ўбачыць гісторыю менавіта праз прызму прэвалюючых духоўна-каштоўнасных рэалій і ўніверсалій свядомасці, трансцэндэнтных сэнсаў, каб наблізіцца да разумення адметных рыс светабачання людзей у надзвычай важныя перыяды гісторыі. З дапамогай кананічных мастацкіх форм паэт імкнуўся спасцігнуць тыя ўніверсальныя характарыстыкі разумення свету, якія былі па-асабліваму эксплікаваныя ў самых разнастайных еўрапейскіх мастацкіх формах, сімвалічных сістэмах, што сталі зыходным пунктам развіцця сеткі метафізічных сэнсаў. Канон у дадзеным выпадку выступае адной з рэпрэзентатыўных форм універсалій культуры, своеасаблівай мастацкай матрыцай, якая не толькі адлюстроўвае, але і задае ракурс светабачання, светаадчування, сэнсаспасціжэння, адметнага спосабу мыслення ў кантэксце ўласна нацыянальнай культурнай парадыгмы.

Мастацкія канстанты, якія склаліся яшчэ ў перыяд антычнасці, у эпоху Адраджэння і Асветы, абіраюцца Багдановічам у якасці ідэальнага эталона, згодна з якім ён ацэньвае і сучасны яму літаратурны працэс. Гэта дае паэту магчымасць убачыць верагодныя адхіленні ад зададзенага ўзору, цесна суаднесенага ім з гармоніяй, вытанчанасцю формы і лаканізмам зместу. І, наадварот, Багдановіч непрыхільна ставіўся да тых мастацкіх вынаходніцтваў, да таго змястоўнага мастацкага канструкта, у якім выдае сябе працэс адчужанасці ад свету, працэс светастраты, звязаныя са сцвярджэннем манаполіі сацыяльнай сферы. Ён усё больш пераконваўся ў тым, што літаратура за гэты час не стала бліжэй да чалавека, а створаныя цывілізацыяй тэхнічныя вынаходніцтвы яшчэ больш аддалілі яго ад жыццёвых даброт і жаданай гармоніі. Паэт прыкладаў ўсе намаганні для таго, каб пазбегнуць адчужанасці свету, захаваць інтымныя адносіны да быцця, акаляючай яго рэальнасці. У адваротным выпадку гэта магло б прывесці да «самаадчужанасці», «бяздомнасці», пра якую пазней гаварыў М. Хайдэгер.

З улікам адзначанага становіцца больш зразумелым і творча матываваным той факт, што М. Багдановіч стаў заканадаўцам эстэтычнага паэтычнага канона менавіта дзякуючы акультурацыі сусветнага мастацкага і філасофскага вопыту з апорай на нацыянальны культурны кантэкст. Зварот паэта да класічнага канона сведчыць аб яго жаданні мастацкімі жанрава-стылявымі сродкамі ўзнавіць гістарычны шлях, пройдзены эстэтычнай свядомасцю, зафіксаваць «сляды», «коды», якія складаюць у сукупнасці генетычную памяць, «праснову» сусветных літаратурна-мастацкіх помнікаў. Падобны зварот меў велізарны культурастваральны сэнс. Гэта дазваляла, па-першае, раскрыць, прадэманстраваць вобразна-паэтычныя магчымасці сваёй роднай мовы, па-другое, прадставіць панарамнае бачанне культурна-гістарычнага працэсу ў яго вяршынных дасягненнях, па-трэцяе, з дапамогай асаблівай «сістэмы прызмаў» рэканструяваць, сфакусаваць, звесці ў адно ўзорныя, высокатэхнічныя мастацкія формы, віды, жанры. Тым самым паэт як бы

сцвярджаў думку, што, нягледзячы на відавочныя адрозненні кожнай сацыякультурнай супольнасці – народаў, эпох, цывілізацый, – аб'ектыўна мае месца адзінства, падабенства ў засваенні людзьмі прасторы жыццёвага свету з дапамогай звароту да мастацкіх сімвалічных форм. І менавіта класічныя тэксты захоўваюць і перадаюць культурную традыцыю, сімвалічны код культуры дзякуючы творчаму задзейнічанню ў іх кодаў культуры папярэдніх эпох.

Прызнаючы свядомы, рэфлексійны характар творчасці, Багдановіч тым самым ускосна ўказваў і на філасофска-абагульненую скіраванасць уласных паэтычных вобразаў і карцін, на імкненне стварыць пэўную мадэль, універсум значэнняў, якія дазваляюць, па словах Ю. Лотмана, «узнаўляць мадэль свету ў яе самых агульных абрысах» [2, с. 30]. Гэта адбываецца з той прычыны, што ў літаратурна-мастацкіх вобразах, канцэптах, архетыпах змяшчаюцца разнастайныя інтэлектуальныя, псіхалагічныя, пачуццёвыя спосабы асваення жыцця, прадстаўлена змястоўна шматгранная карціна духоўных памкненняў часу, вызначаюцца важныя сацыякультурныя праблемы грамадства і прапануецца іх вырашэнне праз трансфармацыю, перастварэнне «пасіянарна-эстэтычнай энергетыкі» (А. М. Раўцкая), закладзенай у тэксце. Важнае значэнне набываюць текстапараджальныя складнікі творчасці, якія выяўляюць сябе праз інтэграцыю пераважных тэм, жанраў, сродкаў і прыёмаў, неабходных для пабудовы тэксту і перадачы як інфарматыўных, так і эматыўна-экспрэсіўных кампанентаў. Іншымі словамі, уласны ўнутраны вопыт у творчасці заўсёды спалучаны з сімвалічным вопытам культуры, з пераходам ад павярхоўных сэнсаў да прыхаванага метафізічнага зместу адлюстраваных падзей і фактаў. У гэтам імкненні мастака знайсці сувязь свядомасці з рэальнасцю, прадэманстраваць яе духоўнае вымярэнне выяўляюцца метафізічныя асновы жыцця. Мастацкі вопыт пісьменніка, у такім разе, становіцца мадэлюючым тыпам нацыянальнай гісторыі і нацыянальнай самасвядомасці, яе духоўным забеспячэннем, прадугадваннем і арыенцірам будучай культуры.

Канон у дадзеным выпадку выступае ў ролі вызначальнай культурнай формы, першаўзору, «кода», які ўтрымлівае і захоўвае ў сабе ўсе ўласцівасці цэлага, універсальную каштоўнасную аснову, якая спрыяе мастацкаму, а разам з тым і духоўнаму асваенню свету. Мастацкая творчасць (мастацкае вымярэнне) выступала для Багдановіча вышэйшай праявай чалавечага духу, што імкнецца да гармоніі, пераемнасці, да стварэння ўніверсальнай культуры, якая мае роўнавялікае значэнне для ўсіх суб'ектаў творчасці. Па сутнасці, культывуючы кананічныя ўзоры, праводзячы генеалагічны зрэз перш за ўсё еўрапейскай мастацкай традыцыі, Багдановіч культываваў ідэю адзінай культурнай прасторы як заканамернага выніку культурна-гістарычнага развіцця, дзе выяўляецца падабенства, блізкасць экзістэнцыяльна-герменеўтычных сэнсаў, паняццяў, ідэй. З дапамогай звароту да сусветнай мастацкай спадчыны паэт імкнуўся выявіць і зафіксаваць механізм камунікатыўнага кадзіравання каштоўнасцей і сэнсаў культуры, глыбока перакананы ў тым, што ўсе шэдэўральныя культурныя артэфакты, створаныя шляхам сумеснага культуратворальнага дзеяння і камунікацыі, з прычыны дзеяння аб'ектыўных законаў маюць агульныя карані. Падобнае перакананне адкрывала шлях да пераадолення супярэчнасцей у сферы духоўнай вытворчасці, давала магчымасць для дасягнення пэўнага адзінства поглядаў, падыходаў, памкненняў у рэалізацыі эстэтычнага ідэалу.

Актыўна эксплуатуючы мастацкія кананічныя формы ў сваёй творчай практыцы, М. Багдановіч як бы дэманстраваў на ўласным вопыце здольнасць духу пераадольваць час і адлегласць, тым самым адважваючыся падняцца над плоймай абставін і апынуцца ў вымярэнні вечнай сучаснасці. Вось чаму для паэта важным складнікам творчасці заставаўся розум, думка, графічна выяўленая лінія, якая сягае ў бясконцасць. Творчая фантазія паэта, яго відавочна свядомая прыхільнасць да мінулага як цэнтра жаданага прымірэння, ідэальнай спарадкаванасці, суразмернасці маюць, да таго ж, унутраную, псіхалагічную матывацыю, звязаную з абставінамі асабістага жыцця. Як вядома, для паэта заставаўся рэальна прадказальным фінал уласнай смерці з прычыны невылечнай на той час хваробы. Боязь будучыні, жаданне адтэрмінаваць яе набліжэнне вабіла паэта назад да «заспакоенасці ў мінулым», нараджала настальгію ў адносінах да адзінай рэальнасці, у якой ён мог быць упэўнены, дзе знаходзіў сабе прытулак ад марнасці тленных будняў. Менавіта ў дыялогу з мастацкімі творамі мінуўшчыны, пераймаючы, наследуючы іх сутнасную, «генетычную» прыроду, эстэтычныя складнікі, Багдановіч стварае ўласны мастацкі свет, фарміруе сваё бачанне творчасці, сваю канцэпцыю асобы.

Пераканаўчае пацвярджэнне таму знаходзім у вершы «У старым садзе», якое дае ўяўленне пра асаблівасці аўтарскага мастацкага бачання і ўяўлення, пра сэнсастваральную актыўнасць яго мастакоўскай думкі, якая імкнецца да аднаўлення ўмоўнай рэальнасці, да культывавання сведчанняў мінулага:

Прыгожы сад, які любіў Вато:
Між дрэў зялёных статуі паўсталі,
Вось грот, гадзіннік сонечны, а далі
Фантан… Напэўна, саду год са сто.

Стаю я, сню пра знікнуўшыя дні
І кніжку новага пісьменніка трымаю.
Яе я разгарнуў… і закрываю,
Здзіўлёны ўкрай, што гэта не Парні [3, с. 262].

Прыцягненне ў тэкст імёнаў уласных, вядомых гістарычных рэалій, культурных артэфактаў з'яўляецца адной з формаў выражэння «другаснай трансцэндэнтнасці» (Н. Худалей), калі гэтыя артэфакты з зоны пазатэкставай, перыферыйнай пераходзяць у зону стратэгічных сэнсавых кодаў, укаранёных у прастору тэксту для ўзмацнення, падваення, сімвалізацыі (універсалізацыі) яго кантэкстуальных значэнняў, суадносячыся, такім чынам, з планам выражэння.

Думаецца, паэт кіраваўся самымі высокімі мастацкімі прынцыпамі і памкненнямі, паставіўшы перад сабой мэту вывесці беларускую літаратуру на ўзровень літаратур сусветных. Гэта архіскладаная задача да таго ж звязвалася з неабходнасцю абагульнення, сістэматызацыі сусветнага мастацкага вопыту, у тым ліку ў плане сцвярджэння паэтычнага канона (кананічнай формы) як знака вышэйшай якасці і мастацкай дасканаласці, «асвячонага прынцыпу», які закліканы служыць меркай і крытэрыем для творчасці, эстэтычных пошукаў з апорай на агульнаабавязковыя традыцыі. Культывуючы класічныя формы і віды верша (пентаметр, гекзаметр, александрыйскі верш, санет, трыялет, рандо, элегія і г. д.), Багдановіч, па сутнасці, не толькі прызнаваў іх узорны характар, што служыў крытэрыем мастацкасці, але і прымаў сістэму каштоўнасцей, якая імі культывавалася, з нязменнай (адкрытай або прыхаванай) спасылкай на канкрэтныя ўзоры (імёны, творы), дзякуючы якім былі паспяхова ўвасоблены гэтыя каштоўнасці. Тым самым паэт пераканаўча дэманстраваў культурастваральныя магчымасці беларускай мовы, яе здольнасць «працаваць у каноне», адпавядаць асобым, самым строгім структурным патрабаванням. Пры гэтым ён дапускаў магчымасць перайначвання канона, прыўнясення ў яго неабходных змястоўных і фармальных канатацый, адступленняў, прызнаючы за ім права быць адкрытай традыцыяй. І сапраўды, канон не пакладаецца толькі на фармальна-змястоўны паўтор ужо вядомага, але дазваляе ў межах прынятага генерыраваць новыя сэнсы, прадстаўляць новую шматмерную быційна-сэнсавую канфігурацыю. Менавіта ў каноне, як падаецца, найбольш яскрава праяўляецца інтэнцыя да ўтварэння множнасці гетэрагенных сэнсавых перспектыў.

Доказам таму з'яўляецца і прызнанне Багдановічам творчага акта як акта свядомага, рацыянальнага. Паэт у яго ўяўленні – не спараджэнне шчаслівай выпадковасці, а вынік глыбокіх рэфлексій, упартай і знясільваючай працы. Гэтая ідэя выразна праступае ў вершы «Ліст да п. Ластоўскага», дзе паэт выкладае сваё бачанне творчага працэсу, раскрывае ролю ў ім рацыянальнага складніка, рэабілітуе асобу вядомага італьянскага і аўстрыйскага кампазітара Антоніа Сальеры (1750–1825), які, згодна з паэтычнай версіяй Пушкіна, з-за зайздрасці атруціў Моцарта. Багдановіч, наадварот, абвяргае гэтае сцвярджэнне, падкрэсліваючы неверагодную працавітасць, «халодны розум», празмерную засяроджанасць майстра падчас працэсу творчасці:

Сальеры ў творчасці усё хацеў паняць,
Ва ўсім упэўніцца, усё абмеркаваць,
Абдумаць спосабы, і матар'ял, і мэту
І горача любіў сваю свядомасць гэту.
У творчасці яго раптоўнага няма:
Аснова да яе – спакойная дума [3, с. 263–264].

Як сцвярджае А. Лойка, «па сутнасці вобраз Сальеры ў “Лісце” – своеасаблівы аўтапартрэт Багдановіча, а “Ліст” у цэлым – паэтызацыя разважанняў, “спакойнай думы” і працы – паэтычнага майстэрства як асноўнага, што з’яўляецца адным з пачаткаў паэзіі Багдановіча» [4, с. 104].

Прысутнасць шматлікіх кантэкстаў і культурных эпох у творчасці М. Багдановіча відавочная. Антычная і нацыянальная міфалогія, класічныя традыцыі сусветнай паэзіі, новыя этыка-філасофскія адкрыцці літаратуры памежжа XIX–XX стагоддзяў – усё гэта (і шмат што іншае) фарміравала агульную светапоглядную і эстэтычную сістэму беларускага паэта. Можна адназначна сцвярджаць, што паэзія Багдановіча ўся са свету культуры: яна сілкуецца яе сокамі, дыхае яе водарам. Своеасабліва трансфармуючы і камбінуючы вядомыя і малавядомыя матывы, сюжэты, тэмы, далучаючы іх да патрэбаў уласнай літаратуры, Багдановіч пакідае за сабой права на суб’ектыўнае ўспрыманне і трактоўку іх сэнсу, робячы ледзь улоўныя зашыфраваныя ўказанні на першакрыніцы.

Пэўным застаецца адно: у вобразах і карцінах Багдановіча своеасабліва ўвасобіўся шматвяковы культурны вопыт еўрапейскай традыцыі, каштоўнасці і экзістэнцыйна-герменеўтычныя сэнсы сусветнай мастацкай спадчыны. У гэтым ракурсе мае падставу размова не пра фармальную, а пра генетычную культурастваральную пераемнасць, наследаванне, духоўныя сувязі ў кірунку рэалізацыі эстэтычнага ідэалу і механізмаў камунікатыўнага кадзіравання ўніверсальных каштоўнасцей і сэнсаў культуры, культывавання сведчанняў мінулага, пераведзеных у разрад «гістарычнага сягоння» – вечнага цяперашняга. Мастацкія архетыпы М. Багдановіча з зоны гістарычна аддаленай, перыферыйнай дзякуючы рэцэпцыйнай свядомасці спаквaля пераходзяць у зону стратэгічных сэнсавых і каштоўнасных кодаў, прыўнесеных у прастору тэксту для ўзмацнення, падваення, сімвалізацыі яго кантэкстуальных значэнняў, для ўніверсалізацыі зместу. Натуральна, прызнаючы ў якасці ўзорных класічныя кананічныя мастацкія шэдэўры, Багдановіч тым самым пераймаў, засвойваў і сістэму каштоўнасцей, якая імі культывавалася. Глыбінны сэнс канона заключаецца ў тым, што ён нармалізуе, упарадкоўвае не толькі знешнія, візуальна ўспрымаемыя формы, але і замацоўвае пэўныя стэрэатыпы свядомасці як саміх творцаў, так і рэцыпіентаў, чытачоў. У дадзеным выпадку мы сутыкаемся не проста з феноменам інтэртэкстуальнасці як спецыфічнай формы саманасычэння літаратуры, прывівання наватарства пры звароце да іншанацыянальных кантэкстаў. Гэта той выпадак, калі дзякуючы свядомым эстэтычным камунікацыям створанае ў межах лакальнага мастацкага канона набывае функцыю кода, матрыцы, нацыянальнага мастацкага ўзору, мадэлі, што пашырае і абагачае ўласную культурную прастору. Іншародныя ўкарункаванні пры гэтым набываюць якасць сігналаў кодаў, з’яўляюцца ключом да дэкадзіравання. У якасці «расшыфравальных кодаў» могуць выступаць эпіграфы з сусветнай класікі, літаратурныя і гістарычныя імёны і прозвішчы, прыём цытавання, крылатыя выразы, кантэкстуальныя алюзіі, рэмінісцэнцыі і г. д.

Наяўнасць адсылак (відавочных і латэнтных), указанне на першакрыніцы творчага акта даюць падставу для гаворкі пра міжкультурны статус творчасці Багдановіча, адначасовую прысутнасць у ёй некалькіх мастацкіх камунікатыўных сістэм. Адзначанае сведчаць пра факт аўтарскага ініцыявання полісеміі, унутранай дыялагічнасці твораў, закадзіраванасці ў іх структуры ўніверсальных значэнняў і сэнсаў. Па сутнасці, мы маем справу з феноменам інтэртэкстуальнасці як спецыфічнай формы саманасычэння літаратуры, ініцыяваннем наватарства пры звароце да іншанацыянальнага кантэксту. Гэта дае нам права прызнаць высокую змястоўнасць багдановічаўскіх фармальных інтэнцый і пошукаў. Інакш кажучы, фармальна-стылістычныя элементы яго твораў семантызуюцца ў працэсе дэшыфроўкі мастацкага кода і набываюць выразныя індывідуальна-аўтарскія рысы па прынцыпе ad hoc. У працэсе працяглых эстэтычных камунікацый створанае ў межах лакальнага мастацкага канона набывае функцыю кода, матрыцы, якая бярэ на сябе ролю нацыянальнага мастацкага ўзору, мадэлі, што пастаянна пашырае і ўзбагачае культурную прастору.

Літаратурны канон, які ўяўляе сабой гістарычна і культурна асвячоны набор тэкстаў, правіл і каштоўнасцей, фарміруе калектыўную ідэнтычнасць, выступае ў якасці стратэгіі культурнай ідэнтычнасці. Больш за тое, ён не толькі адточвае эстэтычны густ, прывівае ўшанавальнае стаўленне да шэдэўральных узораў творчасці, але і сцвярджае неабвержнасць, абавязковасць

тых прынцыпаў, якіх павінны прытрымлівацца ўсе прадстаўнікі нацыянальнай супольнасці, каб грунтоўна сцвердзіць сябе ў агульнай сацыякультурнай прасторы. Пры гэтым вялікую ролю адыгрываюць падзеі мінулага. Для таго ж памяць Багдановіча пра мінулае мае канцэптазместавае значэнне. Галоўнае, што памяць спрыяе фарміраванню культурнага «сімвалічнага свету сэнсаў» – агульнага светаўладкаванага кантэксту, які закліканы актыўна ўплываць на кагнітыўныя структуры асобы, яго пачуццёва-эмацыянальны вопыт, унутранае самаадчуванне.

Канон, сталыя культурныя коды і адносіны ў дадзеным выпадку служаць дзейснымі інтэнсіфікатарамі гэтага працэсу. Менавіта праз спасціжэнне культурных форм, зместавай глыбіні літаратурных артэфактаў, у тым ліку і літаратурнага канона, адбываецца засваенне норм, каштоўнасцей, уяўленняў кожным носьбітам сацыякультурнага кода. Гэта ў сваю чаргу служыць усведамленню ўключанасці ў «сэнсавы гарызонт» інтэрсуб'ектыўнага ўзаемадзеяння і камунікацыі, робіць магчымым «узаемнасць перспектыў» (Х. Плеснер), якія ляжаць у аснове любога фарміравання ідэнтычнасці, а таксама прадвызначае свабоду дзеяння, дзе толькі і можа чалавек напоўніцу спазнаваць сябе.

Не варта забывацца і пра тое, што канон сімвалізуе сабой увасабленне ў мастацкай форме гармоніі, прыгажосці, сувымернасці, якія служаць для таго, каб, гаворачы словамі Вільяма Вуда, «дзякуючы пачуццю захапіць, здзівіць, узвысіць або зачараваць душы». З-за адсутнасці іншых форм кансалідуючай дзейнасці канон як увасабленне хараства і прыгажосці быў закліканы фарміраваць калектыўную свядомасць, прывіваць пачуццё агульнага эстэтызаванага этнакультурнага адзінства. Гэта лішні раз апраўдвае аднясенне Багдановіча да ліку паэтаў-эстэтаў, «паэтаў чыстай красы». Як вядома, паняццем «чыстая красы» ў эстэтыцы І. Канта абазначаецца эстэтычная катэгорыя, незалежная ад утылітарных, этычных і прыватных меркаванняў. Эстэтызм (панэстэтызм) ляжыць у аснове мастацкай сістэмы і беларускага паэта. Пры гэтым, на што ўжо звярталася ўвага, паэзія Багдановіча пакладаецца на гістарычна сцверджаныя, «свяшчэнныя» формы сусветнай мастацкай культуры, гэта значыць пазначана «таўром» гістарычнай пераемнасці, узорнасці, цесна карэлюючы з сусветным мастацкім тэзаўрусам. Іншымі словамі, яна мае непасрэдную сувязь з вялікай Традыцыяй, з'яўляючыся яе заканамерным працягам у новых гістарычных умовах.

Звяртаючыся да канона, актыўна задзейнічаючы кананічныя формы ў сваёй мастацкай практыцы, Багдановіч праследаваў архізадачу па выпрацоўцы новых стратэгій не толькі ўласна мастацкага, але і скарэктаванага сацыяльнага дзеяння, інтэграцыі суб'ектаў нацыякультурнай прасторы. Паэт ясна ўсведамляў, што анталагічныя каштоўнасці, якія культывуюцца «класічным» канонам, нараджаюць пачуццё далучанасці да ўсіх працэсаў сусвету, да агульных базісных каштоўнасцей, што падзяляюцца ўсімі. Тым самым ён падтрымліваў ідэю надзвычайнай значнасці, каштоўнасці творчай асобы, падкрэсліваў яе асновасутнасную ролю ў працэсах культурастварэння. Канон, такім чынам, ва ўспрыманні паэта выступае ў якасці сродку духоўнай інтэграцыі, згуртавання, аб'яднання людзей, грамадства, культуры, цывілізацыйных матрыц. Менавіта кананічны статус паэтычных форм, культывуемых Багдановічам, з'яўляўся адным з дзейсных механізмаў інтэрыярызацыі быційных агульначалавечых каштоўнасцей, спосабам крышталізацыі іх у сацыяльнай практыцы. Гэта тыя каштоўнасці, якія змяшчаюць сталыя, сутнасныя ўласцівасці і характарыстыкі, што дае ім права складаць базіс культуры і грамадства. Вось чаму ўсе магчымыя спробы іх рэінкультурацыі, актуалізацыі на стадыі фарміравання новай культурнай парадыгмы ў пачатку XX века спрыялі, па задуме паэта, аб'яднанню, кансалідацыі грамадства праз прапагандаванне нацыянальных вобразаў-канцэптаў, вобразаў-сімвалаў. Пры адсутнасці іншых культурных узораў і арыенціраў зварот да праверaных, спраўджаных, «кадыфікаваных» каштоўнасцей давала магчымасць стаць ім культурастваральным падмуркам, увайсці ў інстытуцыйнае культурнае поле, узмацніўшы яго інтэркультуральны патэнцыял. Пры гэтым кананічная форма дазваляла па-новаму насычаць яе змест нацыянальным «кантэнтам», праблематызаваць яго з улікам нацыянальнай спецыфікі жыццядзейнасці. У працэсе засваення (абсарбіравання) іншакультурных стэрэатыпаў і адаптацыі іх да ўмоў уласнай культурнай прасторы змест паэтычных форм у межах канона ўніверсалізаваўся, набываў рысы мастацкага ўзору, ідэала – эстэтычнай кадыфікаванай (прыведзенай у пэўную сістэму) каштоўнасці, вартай перай-

мання, наследавання, засваення. Духоўнасць тут паўстае як рэальнасць, творчая сіла, здольная палепшыць, а то і змяніць унутраны свет чалавека, скарэктаваць яго адносіны з рэальнасцю. Нацыянальная гісторыя і сучаснасць, выяўленыя праз кананічны формазмест, набывалі іншы быційны статус, станавіліся фактам інстытуцыйным, «заканадаўчым», здольным скласці жывую тканіну культуры.

Менавіта канону, як ён паўставаў у мастацкай практыцы паэта, адводзілася роля сімвалічнага кансалідуючага знака-рэферэнта, закліканага служыць фарміраванню «культурнай свядомасці» і быць арганічнай часткай сусветнага мастацкага вопыту. Канон служыў выпрацоўцы адзінага сэнсавага ядра, фундаванага агульнакультурнымі каштоўнасцямі чалавецтва. Тым самым утвараўся метаўзровень культурнай рэфлексіі, дзякуючы чаму адкрывалася магчымасць для эстэтычнага сцвярджэння нацыянальнай літаратуры, уключэння яе ў полікультурны сусветны кантэкст. У гэтай сувязі Ю. Лотман заўважыў, што «не толькі асобныя тексты, але і цэлыя культуры могут асэнсоўваць сябе як арыентаваныя на канон» [2, с. 441], у выніку чаго яны становяцца больш структурна арганізаванымі, упарадкаванымі, здольнымі на прадукаванне новых культурных артэфактаў. Адзначаючы вялікую ролю канона ў гісторыі мастацкага вопыту чалавецтва, вучоны робіць наступнае заключэнне: «Наўрад ці мае сэнс разглядаць яго (кананічнае мастацтва. – *В. М.*) як у некаторай ступені ніжэйшую або ўжо пройдзеную стадыю. І тым больш істотна паставіць пытанне аб неабходнасці вывучаць не толькі яго ўнутраную сінтагматычную структуру, але і скрытыя ў ім крыніцы інфарматыўнасці, якія дазваляюць тэксту, у якім усё, здавалася б, загадзя вядома, станавіцца магутным рэгулятарам і будаўніком чалавечай асобы і культуры» [2, с. 441].

Думка пра аксіялагічную зададзенасць канона мае важнае значэнне для ўстанаўлення яго зместава-канцэптуальных асноў. Творчасць паэта дае падставы меркаваць, што яго зварот да кананічных формаў меў на мэце не проста прытрымліванне нормы, узору, мадэлі, а мастацкае выяўленне пэўнай сістэмы «правіл сацыяльнай камунікацыі і сэнсаўтварэння», гэта значыць заключаў у сабе каштоўнасную, аксіялагічную характарыстыку [1, с. 124]. Ва ўяўленні майстра слова канон не проста выступала формай падначалення чужародным, устаноўленым кімсьці кадыфікаваным нормам або прадпісанням. Сапраўды, ён успрымаўся ў якасці культура- і сэнсаўтваральнага прынцыпу, які садзейнічае сцвярджэнню і развіццю культурнай пераемнасці, нацыянальнай культурнай «кананічнай» аўтаноміі, вылучэнню спецыфічных дыскурсаў з агульнага кантэксту культуры.

Такім чынам, на падставе праведзенага даследавання мы прышлі да высновы, што канон у творчай практыцы М. Багдановіча служыў культывацыі і сцвярджэнню базісных нацыянальна-культурных каштоўнасцей, станаўленню светапоглядных і маральна-этычных арыенціраў асобы, фарміраванню грамадскіх каштоўнасцей увогуле. Канон даваў права на мастацкую рэканструкцыю гісторыі і рэальнасці, на прыўнясенне ў іх новых сэнсавых дэтэрмінантаў, на ідэалізацыю з мэтай падкрэсліць іх непераходзячую каштоўнасць для кожнага суб'екта. Усведамленне гэтага дазваляла аднесці інфармацыю, якая змяшчалася ў каноне, да ўсеагульна важнай, бясспрэчнай, што адкрывала шлях для дасягнення светапогляднага кансэнсусу ў адчуванні сваіх гістарычных вытокаў і каранёў. Гісторыка-культурныя, мастацкія, анталагічныя, быційныя каштоўнасці і сэнсы, прадукаваныя ў паэтычным каноне Максіма Багдановіча, станавіліся важкай часткай кансэнснуснай асновы, духоўнага вымярэння, культурнай інтэграцыі, гарманізацыі сацыяльных адносін.

Велізарны патэнцыял літаратурнай класікі ва ўмовах сацыякультурных трансфармацый уяўляе магутны рэсурс для пабудовы нацыянальнай аксіялогіі, складвання сістэмы ўніверсальных каштоўнасцей, што пераадольвае як правінцыялісцкае, так і глабалісцкае светабачанне. Эстэтычныя каштоўнасці выступаюць найважнейшым кампанентам сацыякультурнай прасторы, спрыяюць паспяховаму ажыццяўленню стратэгіі сацыяльнага дзеяння, задаюць накіраванасць і матываванасць чалавечаму жыццю, дзейнасці і канкрэтным дзеянням і ўчынкам, служаць дзейсным фактарам сацыяльнай кансалідацыі і згуртавання нацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с.

2. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – 702 с.

3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследванні, чарнавыя накіды. – 752 с.

4. Лойка, А. Максім Багдановіч / А. Лойка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 335 с.

References

1. Assman Ya. *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p. (in Russian).

2. Lotman Yu. M. *About art*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998. 702 p. (in Russian).

3. Bagdanovich M. *Collection of works. Vol. 1. Poems, translations, drafts*. 2nd ed. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2001. 752 p. (in Belarusian).

4. Loika A. *Maksim Bogdanovich*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1966. 335 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Максимович Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: valery.maximovich@gmail.com

Information about the author

Valery A. Maksimovich – D. Sc. (Philol.), Professor. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: valery.maximovich@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 82.0
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-486-492

Паступіў у рэдакцыю 07.02.2020
Received 07.02.2020

Ж. С. Шаладонава

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

КАТЭГОРЫЯ ПРАСТОРЫ Ў ГУМАНІТАРНЫМ ДЫСКУРСЕ

Аннотация. Рассматриваются исследования пространства в гуманитарных дисциплинах, прослеживаются их этапность, основные векторы и последовательная логика развития в контексте культурно-цивилизационного опыта человечества. Отмечается устойчивая тенденция наполнения пространственных объектов и явлений культурно-детерминированными признаками. Показывается, каким образом через аксиологическую диагностику пространства и его составляющих в философии, культурологии, гуманитарной географии, литературоведении происходят постижение онтологически-духовного мира человека, раскрытие национального характера, типологий ментальных черт, конкретизируются мировоззренческие ориентиры и способы мышления. Подчёркивается большой эвристический потенциал пространственных образов в изучении структуры, семантики, стилистики и поэтики художественных текстов.

Ключевые слова: человек, пространство, философия, гуманитарная география, литературоведение, мировоззрение, характер, пространственный образ, семантика

Для цитирования: Шаладонава, Ж. С. Катэгорыя прасторы ў гуманітарным дыскурсе / Ж. С. Шаладонава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С.486–492. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-486-492

Zhanna S. Shaladonava

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CATEGORY OF THE SPACE IN HUMANE DISCOURSE

Abstract. In the article the studies of space in the humanitarian disciplines are considered , their phasing, main vectors and consistent logic of development in the context of the cultural and civilizational experience of mankind are traced. The stable tendency of filling with culturally determined attributes spatial objects and phenomena is noted. It is shown how through the axiological diagnostics of space and its components in philosophy, culturology, humanitarian geography, and literary criticism, the ontological and spiritual world of a person is researched, the national character, typologies of features of mentality are revealed, worldview landmarks and the ways of thinking are concretized. The great heuristic potential of spatial images for the study of the structure, semantics, stylistics and poetics of literary works is emphasized.

Keywords: a man, the space, the philosophy, humanitarian geography, literary studies, a worldview, a character, spatial image, the semantics

For citation: Shaladonava Zh. S. Category of the space in humane discourse. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 486–492 (in Belarusian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-486-492

Прастора навакольнага свету з'яўляецца важнейшым модусам існавання, найбольш відавочным спосабам праяўлення феномена чалавека ў адзінстве яго духоўна-ментальных, сацыяльных, псіхалагічных і фізічных характарыстык. Праблемы суадносін чалавека і навакольнага свету, адкрытага ўспрыманню, найперш прасторава, здаўна прыцягвалі ўвагу мысліцелей і вучоных. Мэта нашага даследавання – паказаць, якім чынам праз вывучэнне і аналіз прасторы і яе складнікаў у філасофіі, культуралогіі, гуманітарнай геаграфіі, літаратуразнаўстве адбывалася спасціжэнне анталагічна-духоўнага свету чалавека, раскрыццё нацыянальнага характару, тыпалогіі ментальных рыс, выяўляліся светапоглядныя арыенціры і спосабы мыслення насельнікаў пэўных тэрыторый.

Яшчэ ў старажытнай Грэцыі ў працах Арыстоцеля і Платона асэнсоўваецца паняцце прастораваści, хаця тэрмін і не быў абазначаны. У Арыстоцеля гэта "топас" – прыроднае месца, пер-

© Шаладонава Ж. С., 2020

шае, што ахінае кожнае цела. У Платона “хора” – тое, што акружае рэч, калі яна ўзнікае, і тое, што рухаецца разам з ёй і па-за рэчамі не існуе. Старажытныя філосафы лічылі, што аб’екты існуюць, рухаюцца ў нейкім “дзе”, у пэўным месцы і па-за месцам існаваць не могуць. Р. Дэкарт асобна вылучае катэгорыю прасторы як працягласці. Абсалютнасць і адноснасць прасторы сцвярджалася І. Ньютонам і Г. Лейбніцам адпаведна. І. Кант бачыў унікальнасць прасторы ў тым, што яна дадзена чалавеку апрыёры і не выводзіцца з вопыту. Згодна з Г. В. Ф. Гегелем, прастора і час непарыўна звязаны паміж сабой і існуюць толькі пры наяўнасці руху. П. Фларэнскі звязаў прастору і культуру, у тым ліку мастацкую творчасць: “Уся культура можа быць патлумачана як дзейнасць арганізацыі прасторы” [1, с. 385]. Філосаф лічыў, што “ўвайсці ў мастацкі твор як такі магчыма толькі праз разуменне яго прасторавай арганізацыі” [1, с. 263]. М. Эліадэ вывучаў прастору ў кантэксце рэлігійных уяўленняў.

Прыблізна ў гэты ж час М. Хайдэгер адзначае вялікі гуманістычны і антрапалагічны патэнцыял прасторавага бачання свету: “Толькі там, дзе свет робіцца карцінай, упершыню ўзыходзіць гуманізм <…> Як хутка свет робіцца карцінай, пазіцыя чалавека разумеецца як светабачанне” [2, с. 105]. І далей: “Чым больш шырока і радыкальна чалавек распараджаецца падуладным яму светам, тым больш аб’ектыўным робіцца аб’ект, тым больш суб’ектыўна, г. зн. выпукла раскрывае сябе суб’ект, тым больш нястрымана назіранне свету і навука пра свет пераўтвараюцца ў навуку пра чалавека, у антарпалогію” [2, с. 105]. Для М. Хайдэгера прастора – гэта тое, што “ўпускае ў сябе”, а ключавое паняцце яго філасофіі Dasein (“тут-быццё”) вызначальна прасторавае, звязанае з усведамленнем непадзельнасці чалавека са “сваёй” прасторай, асэнсаваннем яго ўлучанасці ў свет.

Паступовае паглыбленне ведаў пра навакольны свет у розных галінах навук прыводзіла да канкрэтызацыі ўяўленняў пра прастору ў яе ўзаемадзеянні з чалавекам. Гэта ў сваю чаргу спрыяла ўзнікненню новых гіпотэз, тэорый, якія імкнуліся адлюстраваць схему гэтага ўзаемадзеяння. Яшчэ ў XVIII ст. узнікла тэорыя геаграфічнага дэтэрмінізму. Ш. Л. Мантэскьё дэкларавaў кліматычную прадвызначанасць “характару розуму і страсцей сэрца”, бачыў у ландшафце як канкрэтным праяўленні прасторы перадумову характару і лёсу народаў. Й. Г. Гердэр звязвае з прасторавымі ландшафтамі асаблівасці культуры, інтэрпрэтуючы ландшафт як падатлівую цэглу ў руках клімату. У XIX–XX стст. паступова пераадольваецца абмежаванасць тэорыі геаграфічнага дэтэрмінізму, вектар даследаванняў скіроўваецца на асэнсаванне ўзаемасувязі, узаемадзеяння чалавека і прасторы. Чалавечая дзейнасць разглядаецца як самастойны ландшафтаўтваральны фактар (А. Гумбальд). У другой палове XIX ст. пачынае актыўна развівацца геаграфічнае краіназнаўства, якое скарыстоўвае прасторава-геаграфічныя вобразы мясцовасцей, краін, выяўляючы і прэзентуючы іх найбольш яркія, запамінальныя рысы, знакі і сімвалы. Тэорыя культурна-геаграфічнага раяніравання светавой прасторы распрацоўвалася О. Шпенглерам, А. Тойнбі, М. Данілеўскім, Л. Гумілёвым, А. Гетнерам. Вучэнне аб наасферы У. Вернадскага азнаменавала далейшую веху навуковага асэнсавання ўзаемазвязанасці прасторы і чалавека.

Напачатку XX ст. вывучэнне прасторы, мясцовасцей, ландшафтаў усё больш цесна судакранаецца з культурай, літаратурай, мастацтвам. Прасторавыя характарыстыкі тэрыторыі больш цесна звязваюцца з характарыстыкамі чалавечай супольнасці, што пражывае на гэтай тэрыторыі. У 20-я гг. XX ст. нямецкім вучоным А. Гетнерам была сфармулявана харалагічная канцэпцыя, сутнасць якой – пазнанне зямной паверхні ў яе прасторавых адрозненнях. Да А. Гетнера прастора не ўспрымалася як самастойны аб’ект і прадмет даследавання, была хіба толькі фонам, на якім разглядалася тая ці іншая з’ява: “Мэта харалагічнай канцэпцыі ёсць пазнанне характару краін і мясцовасцей, якое зыходзіць з разумення суіснавання і ўзаемадзеяння розных царстваў прыроды і іх розных формаў, а таксама пазнанне ўсёй зямной паверхні ў яе натуральным падзеле на часткі свету, ландшафты і мясцовасці” [3, с. 120]. Канцэпцыя А. Гетнера па сутнасці з’яўляецца краіназнаўчай, краіназнаўства ў ёй цесна звяваецца з праблемай пачуццёвага пазнання прасторы.

У працах расійскага географа Л. Берга таксама дэкларуецца думка пра непазбежнае ўздзеянне навакольных ландшафтаў на жывыя арганізмы, у тым ліку і на чалавека. Вучоны надае першаступеннае значэнне залежнасці ад “глебы”, прасторы як духоўнага, так і фізічнага складу чалавека: “Байран кажа: as the soil is, is the heart of man. Але, аказваецца, не толькі душа чалавека

залежыць ад “глебы”, але і ўвесь яго фізічны склад носіць ясны адбітак агульных фізіка-геаграфічных абставін” [4, с. 192].

Далейшае развіццё праблема ўзаемаадносін чалавека і месца, прасторы атрымала ў канцэпцыі месцаразвіцця, сфармуляванай П. Савіцкім у 20-я гг. XX ст.: “Суіснаванне жывых істот, узаемапрыстасаванне іх адно да аднаго і да навакольнага асяроддзя і яго да сябе прыстасоўванне разумеецца намі пад прапануемай у гэтых радках катэгорыяй “месцаразвіццё” [5, с. 267]. Вучоны лічыць, што ў спасціжэнні працэсаў і заканамернасцей развіцця сацыяльна-гістарычнага асяроддзя неабходна адразу “глядзець на занятую ім тэрыторыю” [5, с. 278].

Думка пра выключную ролю прасторы зямной паверхні ў этнагенезе падрабязна разглядаецца ў працах Л. Гумілёва, які сцвярджаў, што “прамое і ўскоснае ўздзеянне ландшафту на этнас не выклікае сумненняў”. Вучоны акцэнтаваў пастаянную карэляцыю “паміж заканамернасцямі прыроды і сацыяльнай формай руху матэрыі” [6, с. 13] і звярнуў увагу на бінарную праяўленасць гэтай карэляцыі, звязваючы антрапагенны фактар ландшафтаўтварэння і прамую залежнасць чалавека ад навакольных ландшафтаў.

У другой палове XX ст. у разнастайных галінах ведаў, у тым ліку ў гуманітарыстыцы, назіраецца павелічэнне цікавасці да прасторавай тэматыкі, актуалізацыя каштоўнасцей ландшафтаў, якая атрымала назву прасторавага павароту, Spatial turn. Г. Башляр у сваёй працы “Паэтыка прасторы” як альтэрнатыву “псіхааналізу” прапануе “топааналіз” і, засяроджваючыся на прасторавых характарыстыках вобразаў, імкнецца асэнсаваць асаблівасці іх мастацкага функцыянавання, выявіць “чалавечую каштоўнасць прасторы, што належыць чалавеку, ахоўваецца ад варожых сіл, любімай прасторы” [7, с. 32]. Філосаф упершыню скарыстоўвае тэрмін тапафілія як “прывязанасць да пэўнага месца”. Даследаванні прасторы ўсё больш набываюць міждысцыплінарны характар, аб’ядноўваючы культуралогію, геаграфію, філасофію, этнаграфію, мастацтвазнаўства і літаратуразнаўства. Розныя спосабы ўспрымання і асэнсавання зямной прасторы чалавекам актыўна вывучаюцца ў гуманітарнай геаграфіі ў працах І-Фу Туана, Ю. Вядзеніна, У. Каганскага, У. Калуцкага, В. Лаўрэнавай, Д. Замяціна. Адзін з заснавальнікаў дысцыпліны, І-Фу Туан падкрэсліваў, што “прыналежнасць да той або іншай культуры вызначае базавыя філасофскія, светапоглядныя і эстэтычныя ўяўленні аб прасторы ўвогуле і аб геаграфічнай прасторы ў прыватнасці, выяўляе характар узаемаадносін з ёй” (цыт. па: [8, с. 10]). У кожнай прасторавай з’яве бачыцца сэнс, адпаведны пэўнай ментальнасці, культуры. Расшыфроўка гэтага сэнсу, на думку В. Лаўрэнавай, патрабуе спецыяльнай падрыхтоўкі і эрудыцыі: “Сэнсавая аўра (месца) не так даступная ўспрыманню, а знешняе аблічча патрабуе дакладанай апрацоўкі сэнсарнай інфармацыі (і на інтуітыўным узроўні) і інфармацыі гістарычнай, літаратурнай, навуковай” [8, с. 15]. У выніку расшыфроўкі знешняй інфармацыі “ў рэальнай геаграфічнай прасторы з дапамогай культуры праяўляюцца імпульсы і катэгорыі трансцэндэнтнага Непрамоўленага. Сімвалізацыя прасторы, пакліканая адлюстроўваць у ландшафце катэгорыі Духа, ёсць змена якасці рэальнай прасторы шляхам праяўлення ў ёй іншай рэальнасці, свету больш высокіх вымярэнняў – свету ідэй, эйдасаў, архетыпаў” [9].

Геакультуролаг Д. Замяцін таксама акцэнтуе выключную сэнсавую змястоўнасць прасторавых вобразаў: “Прастора геаграфічных вобразаў, у дадзеным выпадку тоесная самой геаграфічнай прасторы, выступіла натуральным полем або кантэкстам любой магчымай і патэнцыяльна прадукцыйнай, арыентаванай на сябе, думкі. Прасторава-геаграфічная форма філасофствавання зрабіла магчымым як бы татальнае “прадумванне”, “апрасторванне” самой геаграфічнай прасторы [10, с. 27].

У літаратуразнаўстве сур’ёзны навуковы падыход да вывучэння прасторы мастацкага дыскурсу сфарміраваўся толькі ў пачатку XX ст. Даследаванне мастацкай прасторы ў пачатку XX ст. праводзілі такія знакамітыя рускія тэарэтыкі мастацтва, мовы і літаратуры, як В. Шклоўскі, Б. Эйхенбаум, Б. Тамашэўскі, В. Вінаградаў і інш. Больш паглыбленаму вывучэнню дадзенай праблематыкі садзейнічаў выхад “Паэтыкі старажытнарускай літаратуры” Д. Ліхачова. Даследчык надзяляе працэс спасціжэння прыродна-прасторавых вобразаў сакральнымі ўласцівасцямі: “Прырода – гэта другое адкрыццё, другое пісанне. Мэта чалавечага пазнання – у раскрыцці тайнага, сімвалічнага значэння з’яў прыроды. Усё напоўнена тайным сэнсам, тайнымі сімвалічнымі

суадносінамі з пісаннем. Бачная прырода, нібы кніга, напісаная рукою Бога" [11, с. 438]. А чалавечае жыццё бачыцца Д. Ліхачовым, як "праяўленне сябе ў прасторы. Гэта – ён жыве там, дзе прырода больш за ўсё сугучна яго характару" [11, с. 445].

Прынцыпова новы ўзровень даследавання праблемы часу і прасторы выявілі працы рускага філосафа і літаратуразнаўцы М. Бахціна. Вучоны ўпершыню ўжыў і тэарэтычна абгрунтаваў паняцце "хранатоп", а ў артыкуле "Формы часу і хранатопа ў рамане" прывёў аналіз хранатапічных структур і розных жанравых разнавіднасцей рамана, выдзеліўшы тыпы хранатопаў. Паказальна, што М. Бахцін, адзначыўшы вядучую функцыю часавага пачатку, засяроджваўся менавіта на аналізе дамінант мастацкай прасторы – "сустрэча / расстанне", "дарога", "побыт", "дом", "карціна свету" і г. д. У працы "Формы часу і хранатопу ў рамане" даследчык характарызуе хранатоп як "у пераважнасці матэрыялізацыю часу ў прасторы", надаючы прасторы прыярытэтную пазіцыю ў параўнанні з часам.

Паглыбленаму аналізу і вывучэнню прасторавых дамінант у літаратуразнаўстве спрыяла навуковая дзейнасць Ю. Лотмана, які мову прасторы расцэньвае як "мадэлюючы код культуры". На думку вучонага, "семіётыка прасторы мае выключна важнае, калі не дамінуючае значэнне ў стварэнні карціны свету той або іншай культуры. Прырода гэтай з'явы звязана са спецыфікай самой прасторы. Непазбежным фундаментам асваення жыцця культурай з'яўляецца стварэнне вобраза свету, прасторавай мадэлі ўніверсуму" [12, с. 205].

Узаемасувязь тэксту і прасторы глыбока і падрабязна даследавана В. Тапаровым. Адзначыўшы, што "тэкст прасторавы <…> і прастора ёсць тэкст" [13, с. 227], даследчык вызначае семантычную і арганізацыйную сутнасць рэчаў у складзе прасторы і прапануе яе змястоўны аналіз як "іерархізаванай структуры падуладных цэламу сэнсаў" [13, с. 242]. У сувязі з гэтым аўтар робіць важнае ўдакладненне: "Унутраная прастора мастацкага тэксту "больш моцная" за любую знешнюю прастору" [13, с. 284]. Украінскі літаратуразнаўца А. Баронь таксама падкрэслівае вызначальную ролю прасторы ў суадносінах з мастацкім тэкстам: "Прастора як катэгорыя паэтыкі – адна з важнейшых дыферэнцыйных адзнак мастацкага тэксту, якая адрозніваe яго ад тэксту немастацкага. Прырода прасторы мастацкага твора, асаблівасці яго пабудовы і функцыянавання ў значнай меры вызначае ступень мастацкасці і эстэтычнай дасканаласці тэксту, а часам і ўплыў на свядомасць успрымальніка" [14, с. 5].

У сучасных літаратуразнаўчых даследаваннях прастора абазначана асаблівай сэнсавай плотнасцю, якая гістарычна, культурна, нацыянальна і ментальна абумоўлена. Прыродна-прасторавыя вобразы набываюць сімвалічна-знакавы характар, а іх вывучэнне і складае прадмет і задачы адносна новага кірунку гуманітарнай навукі – геапаэтыкі. Заснавальнік геапаэтыкі паэт, мысліцель Кенэт Уайт у канцы 60-х гг. XX ст. прэзентаваў яе як універсальны культурны праект, творчую стратэгію "цэласнага паэтычнага ўспрымання і перажывання свету", як "новую духоўную картаграфію, новае ўспрыманне жыцця, што вызвалілася, нарэшце, ад ідэалогій, рэлігій, сацыяльных міфаў і г. д., і, суадносна, пошук мовы, што здольная выявіць гэта новае быццё ў свеце <…> менавіта суадносіны са светам, яго энергіямі, формамі, рытмамі" (цыт. па: [15, с. 157]). Паводле азначэння Д. Замяціна, "геапаэтыка – гэта шырокае міждысцыплінарнае ментальнае поле на мяжы культурнай ці вобразнай геаграфіі і літаратуры, што разумеецца лакальна, рэгіянальна, інакш кажучы, – прасторава" [16, с. 243]. Такім чынам, праз індывідуальна-аўтарскае ўспрыманне прасторы ў мастацка-вобразнай форме глыбока і шматстайна раскрываецца карэлятыўная сувязь "чалавек і свет".

Тое важнае месца, што займаюць прасторавыя характарыстыкі ў вывучэнні вобразаў краін і народаў, прадэманстравана ў работах Г. Гачава, І. Кандакова, І. Свірыды, М. Эпштэйна, М. Ямпольскага пры аналізе ўнутраных структур і механізмаў стварэння прасторавых вобразаў. Г. Гачаў прапаноўвае ідэю косма-псіха-логаса, згодна з якой "тып мясцовай прыроды, характар чалавека і нацыянальны розум знаходзяцца ва ўзаемнай суадносінасці і дапаўняльнасці. Горы, мора, стэп схіляюць да асаблівага роду пабудовам у светапоглядзе" [17, с. 4]. І далей: "Кожны народ бачыць свет асабліва, каб устанавіць асаблівасць кожнага народа ў бачанні свету… трэба навучыцца чытаць кнігу быцця кожнага народа, якая напісана на яго зямлі: у гарах ці раўнінах, у небе…і г. д." [17, с. 33].

Пазнавальныя рэсурсы прасторава-часавага кантынууму ў мастацкай літаратуры шматаспектна раскрываюцца і беларускімі даследчыкамі І. Навуменкам, У. Гніламедавым, С. Лаўшуком, І. Саверчанкам, Я. Гарадніцкім, Т. Шамякінай, І. Чаротам, А. Мельнікавай, З. Драздовай, А. Шамякінай, Т. Вабішчэвіч, В. Кошманам і іншымі. Яшчэ ў 1923 г. І. Замоцін у артыкуле "Пуціны беларускай літаратуры" звярнуў увагу на каштоўнасць канкрэтных матэрыялаў, тапаграфічнага асяродку ў фарміраванні маральна-этычнага, духоўна-філасофскага кантэксту паэмы Якуба Коласа "Новая зямля": "Аўтар у скромных топаграфічных асадках свае поэмы, на абшары між Слуцкам і Нясьвіжам, Нясьвіжам і Менскам, зьмясьціў усю вякамі цяжкай гісторыі зложаную душу беларуса з яго жыцьцёваю мудрасьцю працы, працоўнай маральлю і працоўным прадстаўленьнем аб людзкім шчасьці і людзкай праўдзе" [18, с. 179]. І сёння даследчыкі адзінадушныя ў прызнанні выключнай ролі ландшафтна-прасторавых элементаў у паўнакроўнай і шматпланавай рэалізацыі аўтарскай задумы твора, раскрыцці характараў, маральна-этычнага патэнцыялу, фарміраванні і трансляцыі этнапсіхалогіі, этнакультуры і нацыянальнай ідэі.

Аналізуючы набыткі беларускай публіцыстычнай літаратуры XVI–XVII стст., І. Саверчанка ўказвае на асаблівую цікавасць айчынных інтэлектуалаў да анталагічных, касмаганічных, натурфіласофскіх праблем і заўважае пры гэтым: "Канцэпцыя сутнасці зямнога быцця чалавека, ягонага месца ў свеце, суадносін з жывым і нежывым светам, рэфлексія і спробы самаўсведамлення ў сістэме этычных і эстэтычных каардынат займаюць у літаратуры ўсіх народаў і ўсіх перыядаў адно з цэнтральных месцаў" [19, с. 643]. Я. Гарадніцкі звязвае павышаную ўвагу ў айчынным прыгожым пісьменстве, літаратуразнаўстве да прыродна-прасторавых фактараў, пейзажу з набліжанасцю нацыянальнай літаратуры да прыроднага асяроддзя: "Прырода – тая натуральная сфера бытавання героя нацыянальнай літаратуры, з якой ён звязаны не толькі фізічна, але і ментальна, духоўна. У экзістэнцыянай набліжанасці героя да зямлі, яе сакралізацыі ("Зямля – усяму аснова!") выяўляецца якраз яго характар як чалавека прыроднага" [20, с. 290]. С. Лаўшук, аналізуючы майстэрства І. Навуменкі ў апісанні гарманічнай зладжанасці суадносін чалавечых пачуццяў і навакольнага свету, зазначае: "Для прадмета нашай гаворкі важна тое, што і прырода, і чалавек у выяўленні сваёго "нораву" маюць шмат агульнага <…> Для абазначэння буяння прыроды ўжываецца лексема "стыхія". У паняцце "стыхія пачуццяў чалавечых характараў" мы ўкладваем трошкі іншы змест і сэнс. Але ў гнасеалагічным плане іх аб'ядноўвае выснова: вытлумачальна, але некіруема (прынамсі, цяжкакіруема). <…> Затое пісьменнікамі яна (некіруемасць. – *Ж. Ш.*) цанілася ва ўсе часы, паколькі абумоўлівала з'яўленне спецыфічных найвастрэйшых маральна-этычных калізій, асэнсаванне якіх вымагала значных мастацкіх, а часам і філасофска-ментальных абагульненняў [21, с. 643]. Т. Шамякіна лічыць, што "паняцце нацыянальнай ідэі немагчыма разумець без разумення прасторавай культуры народа. А прасторавая сетка каардынат нацыі ў сваю чаргу праходзіць, як праз прызму, праз сэрца і розум мастака. Мастак і пазнае нацыянальны космас, і стварае яго. Без нашых класікаў мы б не ўяўлялі так поўна нацыянальны космас" [22, с. 18]. І. Чарота ў сваіх даследаваннях тлумачыць, якім чынам прыродна-прасторавыя рэаліі "паасобку ці ў сукупнасці замацоўваюцца, як пэўныя знакі тэрыторый, дзяржаў і населнікаў іх таксама, бо ўжо яны нясуць гэтыя рэаліі (часам стэрэатыпныя) уяўленні пра свой родны кут, "вобразы радзімы" [23, с. 107].

Такім чынам, прасторавая праблематыка знаходзіцца ў пастаянна напружаным полі прыцягнення гуманітарна-арыентаванай думкі. Фундаментальная катэгорыя рэчаіснасці, прастора, развіваецца ў катэгарыяльна-тэарэтычным і ідэйна-функцыянальным аспектах, як чыннік філасофскі, псіхалагічны, маральна-этычны вывучаецца ў актуальным і перспектыўным кірунку больш поўнага і шматбаковага спасціжэння светабачання і светаразумення чалавека, узаемаабумоўленай сувязі асноўных рыс нацыянальна-ментальнай характаралогіі і прыродна-прасторавых асаблівасцей тэрыторый. Даследаванне прасторы з'яўляецца важным і перспектыўным напрамкам вывучэння структуры, семантыкі, стылістыкі і паэтыкі мастацкіх тэкстаў, таму гэта катэгорыя выклікае асаблівую цікавасць літаратуразнаўцаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Флоренский, П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. Флоренский // История и философия искусства. – М. : Академ. Проект, 2017. – С. 239–402.

2. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе : сб. ст.; отв. ред. П. С. Гуревич. – М. : Прогресс, 1986. – С. 93–119.

3. Геттнер, А. География. Её история. Сущность, методы / А. Геттнер. – Л.; М. : Гос. изд-во, 1930. – 416 с.

4. Берг, Л. С. Номогенез или эволюция на основе закономерностей / Л. С. Берг. – Пб. : Гос. изд-во, 1922. – 306 с.

5. Савицкий, П. Географический образ России – Евразии / П. Савицкий // Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 263–278.

6. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М. : АСТ: Астрель, 2010. – 548 с.

7. Башляр, Г. Поэтика пространства / Г. Башляр. – М. : Ад Марчинем Пресс, 2014. – 352 с.

8. Лавренова, О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект) / О. А. Лавренова. – М. : Институт наследия, 1998. – 128 с.

9. Лавренова, О. А. Культурный ландшафт: от земли к космосу / О. А. Лавренова // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. – 2003. – Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // roerich-lib.ru/index.php/konferentsii-mtsr/204-kosmicheskoe-mirovozzrenie-novoe-myshlenie-xxi-veka-2003-tom-2/4642-lavrenova-o-a-kulturnyj-landshaft-ot-zemli-k-kosmosu. – Дата доступа: 15.01.2020.

10. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – М. : Знак, 2006. – 488 с.

11. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнеруской литературы / Д. С. Лихачёв // Избранные работы: в 3 т. / Д. С. Лихачёв. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 1 : О себе. Развитие русской литературы. Поэтика древнеруской литературы. – С. 261–647.

12. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера–история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

13. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: Семантика и структура: сб. ст.; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1983. – С. 227 – 285.

14. Боронь, О. В. Поетика простору в творчості Тараса Шевченка : автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.01.01 / О. В. Боронь. – Київ, 2004. – 15 с.

15. Голованов, В. Геопоэтика Кеннета Уайта / В. Голованов // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 157–159.

16. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 506 с.

17. Гачев, Г. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира / Г. Гачев. – М. : Академ. Проект, 2007. – 510 с.

18. Замоцін, І. Пуціны беларускай літаратуры / І. Замоцін // Полымя. – 1924. – № 1. – С. 174–178.

19. Саверчанка, І. В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 463 с.

20. Гарадніцкі, Я. А. Літаратура як мастацтва: камунікатыўнасць, інтэрмедыяльнасць, наратыўнасць / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 401 с.

21. Лаўшук, С. С. Да выдання 10-томнага збору твораў Івана Навуменкі / С. С. Лаўшук // Навуменка І. Я. Збор твораў: у 10 т. Т. 1: Апавяданні і нарысы, 1946–1972. – Мінск : Маст. літ., 2012. – С. 621–663.

22. Шамякіна, Т. І. Фальклор і беларуская літаратура ў люстэрку міфалогіі / Т. І. Шамякіна. – Мінск : БДУ, 2016. – 222 с.

23. Чарота, І. А. Пошукі спрадвечнай існасці / І. А. Чарота. – Мінск: Навука и тэхника, 1995. – 157 с.

References

1. Florenskii P. Analysis of spatiality and time in works of art. *Florenskii P. History and Philosophy of Art.* Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2017, pp. 239–402 (in Russian).

2. Khaidegger M. The Age of the World Picture. New technocratic wave in the West. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 93–119 (in Russian).

3. Gettner A. Geography. It's history. Essence, methods. Leningrad-Moscow, Gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1930, 416 p. (in Russian).

4. Berg L. S. Nomogenesis or evolution Determined by Law. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1922, 306 p. (in Russian).

5. Savitskii P. Geographical image of Russia – Eurasia. *Savitskii P. Selected.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 263–278 (in Russian).

6. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the Biosphere. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010, 548 p. (in Russian).

7. Bashliar G. The Poetics of Space. Moscow, Ad Marchinem Press Publ., 2014, 352 p. (in Russian).

8. Lavrenova O. A. Geographical space in Russian poetry of the eighteenth and early twentieth centuries (geocultural aspect). Moscow, Institut naslediia Publ., 1998, 128 p. (in Russian).

9. Lavrenova O. A. Cultural landscape: from earth to space. *Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka* [The cosmic worldview – the new thinking of the 21st century]. 2003, vol. 2. Available at: https: // roerich-lib.ru/index.php/konferentsii-mtsr/204-kosmicheskoe-mirovozzrenie-novoe-myshlenie-xxi-veka-2003-tom-2/4642-lavrenova-o-a-kulturnyj-landshaft-ot-zemli-k-kosmosu (Accessed 10 December 2019) (in Russian).

10. Zamiatin D. N. Culture and Space: modeling of geographical images. Moscow, Znak Publ., 2006, 488 p. (in Russian).

11. Likhachev D. S. The Poetics of ancient Russian literature. *Likhachev D. S. Selected works in 3 vol*., vol. 1: About myself. The development of Russian literature. The poetics of ancient Russian literature. Leningrad, Khudozhest lit. Publ., 1987, pp. 261–647 (in Russian).

12. Lotman Yu. Inside the Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 464 p. (in Russian).

13. Toporov V. N. The space and the text. The text: Semantics and structure. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–285 (in Russian).

14. Boron' O. V. The poetics of the space in the works of T. Shevchenko. Kiev, 2004, 15 p. (in Ukrainian).

15. Golovanov V. Geo-Poetics by Kenneth White. *Oktiabr'* [October], 2002, no. 4, pp. 157–159 (in Russian).

16. Zamiatin D. N. Metageography: the Space of Images and Images of the Space. Moscow, Agraf Publ., 2004, 506 p. (in Russian).

17. Gachev G. Cosmo-Psycho-Logos: national images of the world. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2007, 510 p. (in Russian).

18. Zamocin I. The ways of Belorussian literature. *Polymja* [Flame], 1924, no. 1, pp. 174–178 (in Belarusian).

19. Saverchanka I. V. Poetics and Semiotics of publicistic literature of Belarus of the sixteenth – seventeenth centuries. Minsk, Belaruskaia Navuka Publ., 2012, 463 p. (in Belarusian).

20. Garadnitski Ya. A. Literature as Art: communicative, intermediality, narrativeness. Minsk, Belaruskaia Navuka Publ., 2014, 401 p. (in Belarusian).

21. Laushuk S. S. To the publication of the 10-collected works by Ivan Naumenko. *Collected works in 10 vol*., vol. 1: Stories and essays, 1946–1972. Minsk, Mastackaia literatura Publ., 2012, pp. 621–663 (in Belarusian).

22. Shamiakina T. I. Folklore and Belarusian literature in the mirror of mythology. Minsk, BDU Publ., 2016, 222 p. (in Belarusian).

23. Charota I. A. The search of eternal essence. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995, 157 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Шаладонова Жанна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: shaladonov@tut.by

Information about the author

Zhanna S. Shaladonava – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher. Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: shaladonov@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 341.1
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-493-499

Поступила в редакцию 27.07.2020
Received 27.07.2020

И. И. Шувалов

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», Москва, Россия

О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена одному из дискуссионных вопросов – возможности отнесения Российской Федерации, субъекта РФ и муниципального образования к числу субъектов предпринимательской деятельности.

Рассмотрение доктринальных позиций, а также исследование новых форм осуществления предпринимательской деятельности позволили автору сделать следующие выводы. Совершаемые любым публично-правовым образованием действия преследуют исключительно цель обеспечения публичных интересов, что на первый взгляд свидетельствует о невозможности отнесения публично-правовых образований к субъектам предпринимательской деятельности. Вместе с тем появившиеся за последнее время новые формы экономического сотрудничества государства, его субъектов и муниципальных образований с предпринимателями свидетельствуют о том, что публичные образования могут быть стороной предпринимательского договора. Такие договоры заключаются уполномоченными органами публично-правовых образований, которые представляют публичные образования как собственников имущества. С учетом природы публично-правового образования (это территориальная структурно-функциональная форма организации территориального публичного коллектива) сделан вывод о том, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования непосредственно осуществлять предпринимательскую деятельность не могут, они осуществляют ее опосредованно через уполномоченные органы, а следовательно, государство, его субъекты и муниципальные образования являются опосредованными участниками предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: субъект предпринимательской деятельности, публично-правовые образования, государство, публично-правовое партнерство, муниципально-правовое партнерство, формы предпринимательской деятельности, уполномоченный орган публичной власти

Для цитирования: Шувалов, И. И. О предпринимательской правоспособности публично-правовых образований в России / И. И. Шувалов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 493–499. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-493-499

Igor I. Shuvalov

State Development Corporation "VEB.RF", Moscow, Russia

ON THE ENTREPRENEURIAL LEGAL CAPACITY OF PUBLIC LEGAL ENTITIES IN RUSSIA

Abstract. This article is devoted to one of debatable issues– the possibility of classifying the Russian Federation, the subject of the Russian Federation and the municipality as subjects of entrepreneurial activity.

Consideration of doctrinal positions, as well as the study of new forms of business activity allowed the author to draw the following conclusions. Actions performed by any public legal entity are solely aimed at ensuring public interests, which at first glance indicates that it is impossible to classify public legal entities as business entities. At the same time, the new forms of economic cooperation of the state, its subjects and municipalities with entrepreneurs that have appeared recently indicate that public formations can be a party to an entrepreneurial agreement. Such agreements are concluded by authorized bodies of public legal entities that represent public entities as property owners. Taking into account the nature of public legal education (this is a territorial structural and functional form of organization of a territorial public collective), the article concludes that the Russian Federation, its subjects and municipalities cannot directly carry out business activities, they carry out it indirectly through authorized bodies, and therefore, the state, its subjects and municipalities are indirect participants in business activities.

© Шувалов И. И., 2020

Keywords: business entity, public legal entities, state, public legal partnership, municipal legal partnership, forms of business activity, authorized public authority

For citation: Shuvalov I. I. On the entrepreneurial legal capacity of public legal entities in Russia. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 493–499 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-493-499

Вопрос отнесения того или иного лица к субъектам предпринимательства в научной доктрине относится к числу дискуссионных.

Так, сторонники концепции предпринимательского права считают необходимым отграничивать понятие «субъект предпринимательской деятельности» от категории «субъект предпринимательского права». По мнению В. В. Лаптева, субъект предпринимательского права обладает правами и обязанностями, которые относятся в целом к сфере осуществления хозяйственной деятельности и, в частности, к отрасли предпринимательского права [6]. Иными словами, субъекты предпринимательской деятельности обладают предпринимательской правоспособностью, т. е. могут выступать в предпринимательском обороте от своего имени, иметь права, обязанности и нести ответственность.

В связи с этим в науке предпринимательского права ведется дискуссия о возможности отнесения к субъектам предпринимательской деятельности государственных и муниципальных образований, причем данная проблема была поставлена юристами еще в дореволюционный период.

Аргументация сторонников отнесения государства к субъектам предпринимательства преимущественно сводилась к следующему. Государство следовало «считать купцом» при условии, что оно выступает наравне с частными предпринимателями и занимается тем же промыслом, используя аналогичные условия производства, что и частные предприниматели. Иными словами, решающее значение в решении данного вопроса придавалось не цели осуществления деятельности, а средствам (публично-правовым либо частноправовым), с помощью которых эти цели достигались [17, с. 138; 13, с. 56–57].

Противники подобного подхода исходят из приоритетности цели осуществления предпринимательской деятельности. При этом они подчеркивают, что извлекаемая государством прибыль направляется на удовлетворение не частных, а публичных интересов. Кроме того, существенные различия имеют условия хозяйствования государства и частных дельцов [14, с. 146–147; 16, с. 138–140]. Следует также согласиться с мнением Г. Ф. Шершеневича о том, что одно из самых основных таких отличий заключается в отсутствии для государства отрицательных последствий в результате нарушения установленных им же правил осуществления предпринимательской деятельности [16, с. 138–140]. Действительно, государство нельзя лишить права торговли или права заниматься определенными видами деятельности, его нельзя признать банкротом и т. д.

Продолжение данная дискуссия получила в правовой доктрине советского периода и в настоящее время. В частности, допуская такую возможность, В. С. Мартемьянов отмечает, что Российская Федерация, ее субъекты, а также муниципальные образования осуществляют предпринимательскую деятельность, поскольку используют свое имущество. Тем не менее ученый признает, что преобладающими в деятельности перечисленных субъектов права являются хозяйственно-организующая деятельность и регулирующее воздействие в отношении всех субъектов-предпринимателей [7, с. 52].

В современной литературе данная позиция также нашла поддержку, однако многие авторы подчеркивают ограниченный характер осуществления публичными образованиями предпринимательской деятельности [15, с. 13; 5, с. 106; 12, с. 29]. При этом отмечается, что ограниченный характер предпринимательской правоспособности государства, его субъектов и муниципальных образований предопределен приоритетом выполняемых ими публичных функций. Аргументируя данную позицию, О. А. Беляева, в частности, пишет, что публично-правовые образования приравнены по статусу к юридическим лицам и, следовательно, также могут быть участниками предпринимательской деятельности [3, с. 26]. Вероятно, такое утверждение основано на нормах п. 2 ст. 124 ГК РФ, согласно которой к Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям как субъектам гражданского права применяются нормы, определяющие участие

юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

Безусловно, принцип буквального толкования закона позволяет сделать вывод о возможности приравнять публично-правовые образования по статусу к юридическим лицам. Поэтому считаем весьма неудачной формулировку п. 2 ст. 124 ГК РФ. Публично-правовое образование нельзя рассматривать в качестве юридического лица. Оно представляет собой территориальную структурно-функциональную форму организации территориального публичного коллектива.

В данном случае следует поддержать позицию А. А. Спектор, по мнению которой публичные субъекты не ограничиваются в праве на осуществление предпринимательской деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли, они в принципе по своей природе не способны осуществлять непосредственно предпринимательскую деятельность [10, с. 40–43].

При этом публично-правовое образование обладает собственной публичной властью и использует ее посредством создания публичных органов власти и наделения их соответствующими полномочиями. Именно органы публичной власти по своему правовому статусу являются юридическими лицами[1]. В качестве подтверждения можно привести в пример п. 15 Указа Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации»[2], п. 12 постановления Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации»[3], п. 12 постановления Правительства РФ от 05.06.2008 г. № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации»[4] и т. д., в которых указанные органы публичной власти прямо названы юридическими лицами. Именно органы публичной власти вступают в гражданские отношения от имени публично-правовых образований, т. е. от имени государства, его субъекта или муниципального образования.

Исходя из вышеизложенного мы можем утверждать, что публичные субъекты права (государство, его субъекты и муниципальные образования) непосредственно предпринимательскую деятельность не осуществляют и осуществлять не могут. Поэтому на первый взгляд более аргументированной выглядит позиция ученых, отрицающих возможность отнесения государства, его субъектов или муниципальных образований к числу субъектов предпринимательской деятельности. Как справедливо указывает В. С. Белых, чтобы быть субъектом предпринимательства, Российская Федерация, ее субъекты или муниципальные образования должны заниматься предпринимательской деятельностью на профессиональной и постоянной основе, при этом преследовать цель систематического получения прибыли от реализации продукции (выполнения работ, оказания услуг) [8, с. 77]. В соответствии с п. 1 ст. 7 Конституции РФ политика Российской Федерации направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Если гипотетически отнести государство к субъектам предпринимательской деятельности, то, по мнению ученого, мы неизбежно должны будем прийти к выводу о том, что его основная цель заключается в извлечении прибыли, а следовательно, основная задача правового регулирования будет состоять в пополнении казны за счет собираемых налогов, поскольку предприниматель всегда действует с целью обогащения [8, с. 77].

Безусловно, перед публичными образованиями стоят иные по сравнению с классическими субъектами предпринимательства цели, и еще до недавнего времени можно было бы поддержать доктринальные тезисы о сведении роли государства в предпринимательских отношениях к регуляторной функции, в том числе контрольной, к регулированию ценообразования в ряде общественных отношений и т. д.

---

[1] См., например: п. 15; п. 12; п. 12 Постановления Правительства РФ от 05.06.2008 г. № 437 (ред. от 12.04.2020 г.) «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 16 июня. – № 24. – Ст. 2867 и т. д.

[2] Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1313 (ред. от 27.03.2020 г.) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 18 окт. – № 42. – Ст. 4108.

[3] Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 329 (ред. от 12.04.2020 г.) «О Министерстве финансов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 2 авг. – № 31. – Ст. 3258.

[4] Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 г. № 437 (ред. от 12.04.2020 г.) «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 16 июня. – № 24. – Ст. 2867.

Вместе с тем в решении дискуссии об отнесении государства, его субъектов и муниципальных образований к числу участников предпринимательской деятельности нельзя не принять во внимание следующее.

Экономика не стоит на месте, это динамичная категория. Вместе с экономикой развиваются и предпринимательские отношения, что выражается и в появлении новых форм предпринимательства, в том числе связанных с опосредованным участием публичных образований. Государство, его субъекты и муниципальные образования все чаще вовлекаются в такие отношения. Например, прямо или косвенно публичные образования участвуют в корпоративных правоотношениях. Причем это объективная реальность не только современной российской экономики, а мировой опыт, основанный на преодолении экономических кризисов прошлых лет, когда с участием государства учреждаются компании, функционирующие в общественно важных сферах [4, с. 223–228].

В научной доктрине по данному вопросу единая позиция отсутствует. Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, отметим лишь, что считаем участие государства в таких компаниях оправданным, поскольку оно способствует «выживаемости» этих компаний в период кризиса и, как следствие, решению социально значимых задач в ведущих отраслях экономики, стабилизации последней, т. е. осуществлению непосредственной функции государства. Следует также учитывать, что государство в этом качестве обеспечивает публичные интересы, интересы самой компании, а также интересы каждого ее участника, чем и обусловлены особенности правового статуса государства как участника компании.

В данном случае публичное образование осуществляет свои корпоративные права не напрямую, а через уполномоченные органы публичной власти[1].

Отдельного упоминания заслуживает также контрактная система. В ст. 3 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[2] содержится официальная дефиниция понятия государственного и муниципального контракта[3].

Интересной в связи с этим представляется позиция В. Ф. Яковлева, который относит государственный контракт к предпринимательским договорам, выделяя их условно в самостоятельную группу [10].

Таким образом, действующая контрактная система является еще одним подтверждением того, что публичное образование непосредственно не осуществляет предпринимательскую деятельность, но является субъектом таких отношений.

Относительно недавно законодательно была закреплена еще одна новая форма осуществления предпринимательской деятельности с участием публичных образований. Речь идет о государственно-частном (ГЧП) и муниципально-частном партнерстве (МЧП). В 2005 г. был принят

---

[1] В Российской Федерации таким органом является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество), которое находится в ведении Министерства экономического развития РФ и контролирует более 30 публичных компаний с учетом зависимых обществ. В числе иных полномочий Росимущество в соответствии с Положением о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом осуществляет полномочия собственника в отношении имущества федеральных государственных унитарных предприятий, федеральных государственных учреждений, акций (долей) акционерных (хозяйственных) обществ, долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью и иного имущества, в том числе составляющего государственную казну Российской Федерации, а также полномочия собственника по передаче федерального имущества юридическим и физическим лицам, приватизации (отчуждению) федерального имущества.

[2] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

[3] Государственный и муниципальный контракт представляет собой «гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд».

Федеральный закон «О концессионных соглашениях»[1], положивший начало законодательной регламентации ГЧП и МЧП.

Непростые экономические условия, связанные в том числе с установленными в отношении России санкциями, обусловили необходимость привлечения частного капитала в модернизацию инфраструктуры для достижения максимально возможного баланса публичных интересов государства и частных интересов предпринимателей. Данная потребность реализована в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. Указанный закон способствует решению одной из основных задач государства – полноценной реализации функций государства (муниципального образования) в условиях бюджетных ограничений [8][3]. Иными словами, частный (имущественный) интерес предпринимателя обеспечивается путем реализации интереса публичного, который в данном случае заключается в создании или модернизации имущества, находящегося в публичной собственности, а также состоит в реализации услуг, оказываемых органами публичной власти. В юридической литературе публично-частное партнерство рассматривают в качестве разновидности совместной инвестиционной деятельности [9], а нормы, регулирующие отношения публично-частного партнерства, относят к сфере предпринимательского инвестиционного права [1, с. 137; 2]. Факт участия в таких отношениях публично-правового образования не влияет на квалификацию рассматриваемых правоотношений в качестве гражданско-правовых, равно как устанавливаемые государством, его субъектом или муниципальным образованием ограничения публичного характера. Такие ограничения следует рассматривать как условия, на которых публичные образования принимают участие в инвестиционных соглашениях. При этом подобные условия не могут изменить частноправовой характер соглашения о ПЧП или МЧП.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Совершаемые любым публично-правовым образованием действия преследуют исключительно обеспечение публичной цели, что на первый взгляд свидетельствует о невозможности отнесения публично-правовых образований к субъектам предпринимательской деятельности. Вместе с тем появившиеся за последнее время новые формы экономического сотрудничества государства, его субъектов и муниципальных образований с предпринимателями (что обусловлено рядом факторов, в том числе связанных с необходимостью преодоления экономического кризиса) свидетельствуют о том, что публичные образования могут быть стороной предпринимательского договора. Договоры между предпринимателями и публично-правовыми образованиями, включая инвестиционные соглашения с их участием, заключаются уполномоченными органами публично-правовых образований, которые представляют публичные образования как собственников имущества. Реализацию такими органами своих полномочий следует рассматривать как осуществление публично-правовым образованием как участником предпринимательских правоотношений своих правомочий собственника. При этом с учетом природы публично-правового образования (это территориальная структурно-функциональная форма организации территориального публичного коллектива) мы приходим к выводу о том, что государство, его субъекты и муниципальные образования непосредственно осуществлять предпринимательскую деятельность не могут, они осуществляют ее опосредованно через уполномоченные органы, а следовательно, государство, его субъекты и муниципальные образования являются опосредованными участниками предпринимательской деятельности.

---

[1] Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3126.

[2] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4350.

[3] Как отмечено в научной доктрине, разнообразие видов, форм и сфер применения публично-частного партнерства делает его универсальным механизмом для решения многих долгосрочных задач – от создания и развития инфраструктуры до решения задач инвестиционной и инновационной политики. См.: Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина [и др.]; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – М.: Инфотропик Медиа, 2015.

Список использованных источников

1. Белицкая, А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая. – М. : Статут, 2012. – 190 с.

2. Гришина, Я. С. Социальное предпринимательство как инновационно-правовая модель обеспечения социально-имущественных потребностей / Я. С. Гришина ; под ред. Н. А. Баринова. – Саратов : Слово, 2012. – 162 с.

3. Беляева, О. А. Предпринимательское право : учеб. пособие / О. А. Беляева ; под ред. В. Б. Ляндреса. – М. : Инфра-М – Контракт, 2009. – 343 с.

4. Губин, Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы / Е. П. Губин. – М. : Юристъ, 2006. – 312 с.

5. Жилинский, С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности) : учеб. / С. Э. Жилинский. – 4-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2002. – 901 с.

6. Лаптев, В. В. Субъекты предпринимательского права : учеб. пособие / В. В. Лаптев. – М. : Юристъ, 2003. – 236 с.

7. Мартемьянов, В. С. Хозяйственное право : курс лекций / В. С. Мартемьянов. – М. : Бек, 1994. – Т. 1. – 298 с.

8. Предпринимательское право России / В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. В. С. Белых. – М. : Проспект, 2015. – 649 с.

9. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / [С. А. Белов и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 514 с.

10. Спектор, А. А. К вопросу о категориях «субъект предпринимательской деятельности» и «субъект предпринимательского права» / А. А. Спектор // Предпринимат. право. Прил. «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – Вып. 2. – С. 40–43.

11. Степанова, Е. Е. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования / Е. Е. Степанова. – СПб. : Гамма, 2018. – 228 с.

12. Тарасенко, О. А. Предпринимательская деятельность субъектов банковской системы России (правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Тарасенко. – М., 2014. – 58 с.

13. Удинцев, В. А. Русское торгово-промышленное право / В. А. Удинцев. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1907. – 2 т.

14. Федоров, А. Ф. Торговое право / А. Ф. Федоров. – Одесса : «Славян.» тип. Е. Хрисогелос, 1911. – 910 с.

15. Чорновол, Е. П. Понятие и юридическая природа предпринимательского права / Е. П. Чорновол // Актуальные проблемы цивилистических отраслей права : межвуз. сб. науч. тр. / Урал. юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 3. – С. 35.

16. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – 4-е изд. – СПб. : Изд. Бр. Башмаковых, 1908. – Т. 1 : Введение. Торговые деятели. – 515 с.

17. Янжул, И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах / И. И. Янжул ; под ред. Я. Н. Козырина. – М. : Статут, 2002. – 555 с.

References

1. Belitskaya A. V. *Legal regulation of public-private partnership*. Moscow, Statut Publ., 2012. 190 p. (in Russian).

2. Grishina Ya. S. *Social entrepreneurship as an innovative legal model for ensuring social and property needs*. Saratov, Slovo Publ., 2012. 162 p. (in Russian).

3. Belyaeva O. A. *Business law*. Moscow, Infra-M – Kontrakt Publ., 2009. 343 p. (in Russian).

4. Gubin E. P. *State regulation of the market economy and entrepreneurship: legal issues*. Moscow, Yurist" Publ., 2006. 312 p. (in Russian).

5. Zhilinskii S. E. *Business law (legal basis of entrepreneurial activity*). 4nd ed. Moscow, Norma Publ., 2002. 901 p. (in Russian).

6. Laptev V. V. *Subjects of business law*. Moscow, Yurist" Publ., 2003. 236 p (in Russian).

7. Martem'yanov V. S. *Commercial law. Vol. 1.* Moscow, Bek Publ., 1994. 298 p. (in Russian).

8. Belykh V. S. (ed.). *Business law of Russia*. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 649 p. (in Russian).

9. Popondopulo V. F., Sheveleva N. A. (eds.). *Public-private partnership in Russia and foreign countries: legal aspects*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2015. 514 p. (in Russian).

10. Spektor A. A. On the issue of the categories "subject of entrepreneurial activity" and "subject of entrepreneurial law". *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom»* [Entrepreneurial Law. Application "Business and Law in Russia and Abroad"], 2012, iss. 2, pp. 40–43 (in Russian).

11. Stepanova E. E. *Contract system in the field of procurement: the experience of civil studies*. St. Petersburg, Gamma Publ., 2018. 228 p. (in Russian).

12. Tarasenko O. A. *Entrepreneurial activity of the subjects of the banking system of Russia (legal aspect)*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2014. 58 p. (in Russian).

13. Udintsev V. A. *Russian commercial and industrial law*. Kiev, Typography I. I. Chokolov, 1907. 2 vol. (in Russian).

14. Fedorov A. F. *Commercial law*. Odessa, Slavic typography E. Khrisogelos, 1911. 910 p. (in Russian).

15. Chornovol E. P. Concept and legal nature of business law. *Aktual'nye problemy tsivilisticheskikh otraslei prava: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of civil law branches of law: interuniversity]. Yekaterinburg, 2003, iss. 3, p. 35 (in Russian).

16. Shershenevich G. F. *Course of commercial law. Vol. 1. Introduction. Trading figures*. 4nd ed. St. Petersburg, Bashmakov brothers publishing house, 1908. 515 p. (in Russian).

17. Yanzhul I. I. *Basic principles of financial science: The doctrine of state revenues*. Moscow, Statut Publ., 2002. 555 p. (in Russian).

Информация об авторе

Шувалов Игорь Иванович – кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» (ул. Воздвиженка, 10, 125009, Москва, Российская Федерация). E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Information about the author

Igor I. Shuvalov – Ph. D. (Law), Chairman of the State Development Corporation "VEB.RF" (10 Vozdvizhenka Str., Moscow 125009, Russia). E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА

ECONOMICS

УДК 330.34:001.895
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-500-509

Поступила в редакцию 20.08.2020
Received 20.08.2020

Л. Г. Тригубович

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАЛОЙ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются теоретико-методологические аспекты управления инновационным развитием экономики Беларуси как социально-экономической системы открытого типа. В контексте определения проблемного поля объекта управления рассмотрены основные характеристики равновесного состояния малой открытой экономики и ограничители, которые устанавливают рамки ее функционирования и обусловливают сбалансированность экономической системы. С позиций стратегического менеджмента исследовано воздействие технологических, экономических, территориальных и социальных факторов, определяющих степень влияния инноваций на функционирование и развитие экономики.

Ключевые слова: управление, инновационное развитие, инновационный потенциал, малая открытая экономика, экономический дисбаланс

Для цитирования: Тригубович, Л. Г. Структурирование проблемного поля инновационного развития малой открытой экономики как объекта управления / Л. Г. Тригубович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 500–509. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-500-509

Larisa G. Trigubovich

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STRUCTURING THE PROBLEM FIELD OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE SMALL OPEN ECONOMY AS A MANAGEMENT OBJECT

Abstract. The article examines the theoretical and methodological aspects of managing the innovative development of the economy of the Republic of Belarus as an open socio-economic system. To determine the problem field of the considered control object, the main characteristics of the equilibrium state of a small open economy and the constraints that establish the framework for its functioning and determine the degree of balance of the economic system are determined. From the standpoint of strategic management, the impact of innovation processes in a small open economy has been investigated, including the technological, economic, territorial and social factors that determine the degree of influence of innovation on the functioning and development of the socio-economic system.

Keywords: management, innovative development, innovative potential, small open economy, economic imbalance

For citation: Trigubovich L.G. Structuring the problem field of innovative development of the small open economy as a management object. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 500–509 (in Russian). https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2020-65-4-500-509

Введение. Существует множество подходов к рассмотрению различных аспектов управления национальной экономикой. Это обусловлено сложным переплетением процессов разделения труда, специализации, торгово-экономических отношений, воздействием экономики на социальное развитие и обратным влиянием социокультурных традиций и ценностей населения на экономику, характером интеграционных связей между странами и регионами, демографическими

© Тригубович Л. Г., 2020

процессами и др. Ключевым элементом в этой системе взаимосвязей выступает человек с его неуклонно растущими потребностями.

Изучение исследований белорусских ученых показало, что, несмотря на множество публикаций по вопросам управления национальной экономикой, в отечественной науке остаются недостаточно проработанными теоретические, методологические и методические аспекты управления инновационным развитием экономики как социально-экономической системы открытого типа.

Так, различные аспекты управления национальной экономикой изложены в работах Я. М. Александровича, Н. Б. Антоновой, А. А. Быкова, Е. Б. Дориной, Н. М. Зубко, Э. А. Лутохиной, А. И. Лученка, М. В. Мясниковича, О. И. Приходченко, И. Н. Русак, Л. А. Самусевой, А. О. Тихонова, М. С. Шибут, В. Н. Шимова, В. С. Фатеева, Ю. М. Ясинского и др.

Проблемы управления инновациями и инновационным развитием экономики исследуются в работах таких белорусских ученых, как В. М. Анищик, В. Ф. Байнев, Н. И. Богдан, Е. С. Ботеновская, И. В. Войтов, В. В. Гончаров, Н. Л. Давыдова, П. И. Иванцов, Л. М. Крюков, А. А. Матяс, Л. Н. Нехорошева, Н. В. Рябова, В. М. Руденков, А. В. Русецкий, Е. А. Семак, С. В. Сплошнов, Н. К. Толочко, А. Г. Шумилин и др.

Исследованию особенностей управления малой открытой экономикой посвящены работы Н. А. Антоненко, Т. С. Ветринской, Е. Л. Давыденко, А. Е. Дайнеко, А. В. Данильченко, М. М. Ковалева, В. Ф. Медведева, И. В. Новиковой, Е. Н. Петрушкевича, К. В Рудого, А. Н. Сенько, Г. А. Шмарловской, В. И. Ярошевича и др.

В то же время особенности управления инновационным развитием в условиях функционирования малой открытой экономики в отечественной научной литературе представлены фрагментарно. Полагаем, это обусловлено спецификой объекта управления, который характеризуется множеством изменяемых переменных, требующих отдельного анализа и контроля. К ним можно отнести и сложное структурирование экономики, и высокорисковый характер инновационной деятельности, и международное взаимодействие, и влияние дисбалансов на социально-экономические процессы и т. д.

С другой стороны, любая система имеет ограничители. Они устанавливают как рамки ее функционирования, так и характер протекания всех процессов, его сопровождающих. Для того чтобы определить влияние таких ограничителей на инновационные устремления Беларуси и разработать методологическую основу совершенствования механизма управления, целесообразно изучить проблемное поле инновационного развития малой открытой экономики.

Основная часть. Обобщая многочисленные определения понятия «национальная экономика», можно сказать, что в широком смысле это целостная система взаимосвязанных отраслей и сфер деятельности людей (общества), которая формируется и изменяется на определенной территории в результате исторического развития. Внутренние элементы данной системы органично взаимосвязаны, а само ее существование возможно только при выполнении двух важнейших условий: во-первых, это сохранение целостности данного объекта; во-вторых, самостоятельное полноценное функционирование каждого из его элементов.

В соответствии с теорией систем основным качеством и характеристикой национальной экономики является устойчивость – состояние развивающейся системы, при котором все ее элементы находятся в равновесии. Устойчивость экономической системы обеспечивается тем, что отдельные ее элементы согласованы, связаны и сбалансированы между собой в сложной многоуровневой структуре с вертикальными и горизонтальными внутренними и внешними связями. Данное состояние системы проявляется в стабильности ее функционирования и динамичном развитии при изменении внешней и (или) внутренней среды. При этом сохраняется оптимальность внутренней структуры системы за счет корректировки стратегии взаимодействия с внешней средой в определенный период времени, использования ресурсов и инструментов противодействия дестабилизирующему влиянию [1–3].

Устойчивость и стабильность функционирования экономики зависят от степени и характера воздействия на нее многообразных факторов, которые определяют степень сбалансированности экономической системы и обусловливают риски возникновения дисбалансов, в одних случаях

способных открыть новые возможности для социально-экономического развития, а в других – представляющих угрозу экономической и национальной безопасности. Считаем, что в ряде случаев дисбалансы могут быть оправданными. Например, тенденция старения населения вынуждает развитые страны Европы и Азии накапливать средства с целью последующего их использования для пенсионных выплат. Это приводит к профициту счета текущих операций. Такой дисбаланс не оказывает существенного негативного влияния на экономику. В то же время есть дисбалансы, которые повышают уязвимость социально-экономических процессов и способны существенно ограничить возможности экономического роста. Например, слишком высокий уровень закредитованности экономики обусловливает снижение темпов роста, ведет к уменьшению прибыльности хозяйствующих субъектов и их финансовой стабильности, а также может спровоцировать финансовый кризис в случае неожиданного прекращения потока капиталов. Устранение искажений и сокращение таких дисбалансов отвечает национальным интересам государства [4; 5].

А. И. Рей среди экономических дисбалансов, дестабилизирующих экономику, выделяет две группы:

1) структурные дисбалансы, которые затрагивают рынки специализированных активов (наиболее яркими примерами структурных дисбалансов являются недостаток или избыток рабочей силы; дефицит товаров, ресурсов, капитала, спроса);

2) макроэкономические дисбалансы, которые оказывают влияние на всю экономическую активность в стране (например, дефицит бюджета, торгового баланса, счёта текущих операций, ликвидности) [6].

Рассматривая влияние дисбалансов на функционирование и развитие экономики с позиций стратегического менеджмента, можно заключить, что глубина искажений, вызванных дисбалансом, предопределяется разностью ценностей, целей, интересов и потребностей взаимодействующих субъектов экономики либо (в случае глобальных дисбалансов) несоответствием целе-ценностной основы осуществления экономической деятельности в конкретной системе современным мировым тенденциям. В управленческой практике задача поддержания равновесия системы и контроля уровня дисбалансов решается посредством согласования целевых характеристик развития экономической системы и обеспечения единства либо разделением ценностей в зависимости от уровня управления (страновой, региональный, отраслевой, предприятие). Следовательно, особенность управления в условиях экономических дисбалансов заключается в выработке компромиссных вариантов реализации управленческих решений на основе проведения экспертной оценки уровня влияния дисбаланса. Недостаточное соответствие применяемых инструментов управления реальным возможностям их использования в конкретных условиях и (или) неучет интересов участвующих сторон являются причинами углубления деструктивных искажений в экономике, что, в свою очередь, препятствует реализации целевых ориентиров ее развития.

В условиях ускорения темпов социально-экономических и научно-технологических перемен движущей силой развития системы является инновационная деятельность. Поэтому качество управления инновационным развитием экономики становится предметом особого внимания ученых. Основополагающими принципами при принятии управленческих решений, направленных на развитие экономики, являются устойчивость, безопасность и последовательность изменений в рамках выбранной инновационной траектории. В то же время управление многочисленными инновационными процессами базируется на определении роли и вклада каждого фактора производства и инноваций в социально-экономическое и технологическое развитие страны.

Белорусская экономика – яркий пример страны с малой открытой экономикой. Она является активным участником международного рынка, что проявляется в значительном объеме ее экспортно-импортных операций, но в силу ограниченности природных ресурсов и емкости внутреннего рынка не оказывает существенного влияния на мировую экономику. Та ниша, которую занимает в международном разделении труда национальная экономика, определяет структуру взаимосвязей страны в мировом пространстве, возможности профилизации и развития ее производственной сферы, экспортные потоки [7, с. 15].

Технологически развитые страны имеют широкие возможности по повышению наукоемкости своей продукции. Малым же странам с открытой экономикой намного труднее добиться аналогичных результатов в системе координат «цена – качество – время». Это подтверждает и белорусский опыт. Темпы модернизации белорусских предприятий существенно ограничены, что, в свою очередь, снижает возможности массового обновления ассортимента производимых товаров. При этом по отдельным рыночным позициям качественные характеристики производимой продукции превосходят аналоги, выпускаемые транснациональными корпорациями. Но в целом ограниченность укрепления производственного потенциала снижает экспортные возможности страны, увеличивая риски ее вытеснения с международных рынков. А отсутствие возможности гибкого реагирования на стратегическое поведение крупных международных игроков не позволяет даже в среднесрочной перспективе спрогнозировать тенденции и сроки изменения рыночной ситуации.

В этих условиях главными векторами инновационного развития малой открытой экономики становятся наращивание конкурентных преимуществ в узких, предметно сфокусированных сегментах экономики и создание собственных технологических ниш, базирующихся на специфических сравнительных преимуществах национальной экономики, значимых для иностранного потребителя. Таким образом, обеспечивается учет ресурсных условий (природных, трудовых, материальных, интеллектуальных и т. д.) и развитие в стране тех видов экономической деятельности, которые будут востребованы в международном разделении труда в долгосрочной перспективе [7; 8].

По нашей оценке, результативность функционирования малой открытой экономики зависит главным образом от трех факторов: во-первых, от потребительской ценности создаваемых в стране товаров и услуг и, прежде всего, результатов научной и творческой деятельности; во-вторых, от состояния и развития внешнеэкономических связей; в-третьих, от постановки управленческих задач и институциональных механизмов их решения.

Белорусская экономика чрезвычайно чувствительна к проявлению экономических дисбалансов. Высокая степень открытости обусловливает восприимчивость хозяйственной деятельности субъектов к внешним угрозам. Так, отсутствие собственной топливно-энергетической базы создает высокую зависимость функционирования экономики от конъюнктуры мировых энергетических рынков и конкурентного позиционирования ключевых партнеров в этом сегменте. В то же время более 64% белорусского ВВП производится с использованием импортного сырья и комплектующих. При этом для Беларуси характерен высокий уровень географической концентрации экспорта на конкретных направлениях: в 2018 г. 72 % всей экспортной продукции направлялось в шесть стран (Россию, Украину, Литву, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Германию, Польшу), что составляет 3 % от общего количества стран-импортеров (180 стран). Такая концентрация приводит к высокой зависимости экспортного производства страны от экономического состояния и политического настроения стран – основных покупателей белорусской продукции. Кроме того, для Беларуси характерна узкая товарная спецификация экспорта. Основными товарами, реализуемыми на экспорт, являются нефтепродукты, калийные удобрения, продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности, которые в совокупности занимают около половины всего объема белорусского экспорта (57,6 % в 2018 г.). Это ставит белорусскую экономику в сильную зависимость от изменений, происходящих в мире по перечисленному ограниченному перечню товаров, и указывает на уязвимость белорусского экспорта.

Следует отметить исключительную особенность белорусской экономики, которая сама порождает структурный дисбаланс: не обладая запасами собственных топливно-энергетических ресурсов, страна обеспечивает существенную долю экспорта (37 %) за счет переработки привозного сырья. Соответственно, в значительной степени от стабильности функционирования топливной промышленности и электроэнергетики зависят и экономический рост, и благосостояние граждан, и энергетическая безопасность государства. В этих условиях при определенном стечении обстоятельств может возникнуть конфликт целей (например, обеспечение энергетической безопасности и независимости от внешних поставщиков или рост экономического благосо-

стояния), когда одна из них получит статус первостепенной, а вторая будет вынужденно рассматриваться как вторичная [9–11].

Востребованность товаров, услуг, процессов и технологий, как и объемы рыночных ниш, предопределяет специфика потребительского спроса. Учет данного фактора при принятии управленческих решений не только оказывает влияние на совершенствование структуры экспорта, что особенно актуально для малой открытой экономики, но и в целом способствует повышению качества управления товарными запасами в стране.

В этой связи считаем важным учитывать при определении новых экспортных ниш для создания и продвижения инновационной продукции особенности спроса потенциальных потребителей. Например, можно использовать классификацию, предложенную Э. Роджерсом, где он выделил пять категорий потребителей, интересы к инновациям у которых принципиально отличаются [12]:

1) новаторы (2,5 %) – потребители, которые первыми принимают инновации, готовые рисковать, финансово обеспеченные, имеющие самый высокий социальный статус и хороший доступ к источникам информации;

2) ранние последователи (13,5 %) – социальные лидеры, принимающие решение об использовании новой продукции на основе соответствия собственных интересов и предлагаемых инновационных возможностей;

3) раннее большинство (34 %) – категория потребителей, которые более осторожны и рассудительны в выборе инновационной продукции, но принимают решение раньше среднестатистического последователя и, как правило, на основе информации, предоставляемой множеством неформальных социальных контактов;

4) позднее большинство (34 %) – потребители, которые скептически относятся к инновациям и принимают нововведение только после того, как оно было принято большинством. Мотивирующим фактором принятия решения в данном случае является либо давление социальной группы, либо экономическая необходимость;

5) отстающие (16 %) – консервативные потребители, которые не любят перемен и переходят на использование инновационных продуктов в последнюю очередь. Чаще всего эту группу потребителей представляют лица из старшей возрастной категории, с низким социальным статусом и низкой финансовой обеспеченностью.

Подчеркивая значимость наращивания сегментарных технологических преимуществ для расширения экспорта, следует отметить, что при использовании нишевой стратегии инновационного развития важным фактором обеспечения устойчивости и стабильности функционирования малой открытой экономики является предсказуемость действий субъектов хозяйствования, участвующих в процессе инновационного преобразования экономики, и изменений взаимосвязей в экономической системе.

Инновационная деятельность является многофакторной, многообразной и сложно структурируемой, охватывает широкий спектр направлений. По степени влияния на экономику инновации также существенно отличаются. Радикальные инновации вызывают кардинальные изменения фундаментальных принципов осуществления деятельности, функций и механизмов взаимодействия. Модифицирующие инновации направлены на улучшение, дополнение и комбинирование существующих форм жизнедеятельности среды без принципиального ее изменения. В обоих случаях в течение определенного периода времени изменяются условия функционирования социально-экономической системы. При этом, как показывает исследование, процесс распространения инноваций во многом зависит от адаптационных возможностей среды функционирования системы.

Внедрение инноваций не только приводит к технологическим изменениям, оно формирует общество с новыми способностями и потребностями. Инновации обусловливают новую философию и содержание трудовых и производственных процессов, изменяют содержание и логику принятия решений. Соответственно, механизм управления инновационным развитием экономики должен учитывать и территориальный аспект научно-технического прогресса, что особенно важно в условиях открытости. Это требует комплексности и последовательности в мерах государственной инновационной политики, обеспечивающей создание благоприятной среды для ре-

ализации инновационных процессов, активную поддержку процессов их освоения, диффузию инноваций субъектами экономики, укрепление целостности и устойчивости процесса.

Под воздействием инноваций изменяется содержание стратегических и тактических целей развития экономики, меняются роли, интересы, возможности участников социально-экономических отношений. Изменение цепочек создания стоимости в условиях открытой экономики охватывает независимых хозяйствующих субъектов, объединенных общим технологическим циклом, что требует выработки согласованных решений. Широкое использование инноваций и прямым, и косвенным образом влияет на условия и содержание деятельности субъектов. Это предопределяет особую роль государственного управления в динамично развивающейся национальной экономике под влиянием инновационных процессов, в формировании ее способности адаптивно реагировать на изменения внешней среды. С другой стороны, недостаточная подготовленность управленческих решений по поводу осуществляемых инновационных преобразований в стране может стать причиной негативного эмоционально-психологического восприятия обществом инновационной политики, вызвать разочарование у населения результатами инновационной деятельности и стать реальным тормозом на пути к эффективной реализации инновационного развития экономики [13–14].

Ключевыми факторами, определяющими характер инновационного развития экономики и отражаемыми в государственной инновационной политике, являются инновационный замысел и мотивация инновационной деятельности, которые задают импульс реализации конкретных инновационных проектов и определяют динамику происходящих процессов. Инновационный замысел демонстрируют принятые государством стратегические ориентиры развития, мотивация инновационной деятельности поддерживается разнообразными мерами прямого и косвенного регулирования экономического поведения субъектов, участвующих в инновационных процессах. Под их влиянием с помощью инноваций экономическая система приобретает качественно новые свойства. Какими именно будут эти свойства, зависит от выбора ключевых приоритетов в инновационном развитии, а также от того, насколько детально проработана государством инновационная политика, в том числе меры, направленные на: обеспечение эффективной занятости населения и создание дополнительных рабочих мест за счёт формирования и расширения новых наукоёмких производств; обновление технически устаревших и экологически небезопасных производств; распространение успешных и прогрессивных технологий и эффективных процессов управления от центров генерации инноваций в менее активные территориальные пункты и производства [12; 14].

Территориальные аспекты управления инновационным развитием малой открытой экономики непосредственно связаны с организацией процесса диффузии нововведений. Они заключаются в выявлении закономерностей этого процесса в экономической системе и зависимости характера его протекания от тех условий (экономических, социальных, культурных и др.), которые связаны с конкретной территорией. В зависимости от активности использования и удобства размещения инновации могут стать центрами территориальной концентрации. Например, ключевым звеном инновационной инфраструктуры являются научно-технологические парки (технопарки). Особенностью их функционирования является долгосрочность: до начала реализации инновационных замыслов требуется несколько лет для привлечения финансирования, строительства, поиска резидентов и решения других вопросов. Развиваясь, со временем технопарк становится центром социальной и экономической жизни региона, города, в котором расположен. Поэтому важно, чтобы данный объект становился точкой роста инновационного развития конкретной территории. И корреляция деятельности технопарковых структур с промышленной специализацией конкретных регионов позволяет учесть в рамках государственной инновационной политики территориальные, производственные, транспортно-логистические и другие инфраструктурные особенности страны; возможности развития потенциала разных территорий с тем, чтобы дифференцировать научно-техническую и инновационную политику по отношению к регионам в зависимости от их традиционной специализации [15].

Риск потери устойчивости состояния открытой социально-экономической системы при безусловной необходимости ее инновационного преобразования определяет специфичность задач

и инструментов механизма управления инновационным развитием экономики, обеспечивающего выделение главных факторов успешности преобразований, сбалансированность функционирования всех подсистем экономики, согласованность происходящих изменений в экономике и обществе в долгосрочном периоде.

Исследование показало, что в белорусской практике управления инновационным развитием экономики в качестве стратегических целей определены наращивание инновационного потенциала, технологическое обновление производственных процессов за счет внедрения результатов научно-технической деятельности, минимизация воздействия производства на окружающую среду и т. д. Это отражено в нормативных правовых и программных документах, касающихся развития научно-технической и инновационной деятельности, т. е. процессы управления инновациями, инновационными процессами, инновационным развитием экономики и ее элементов на практике признаются идентичными, что, по нашей оценке, не совсем корректно.

Инновации трансформируют схемы производства и взаимодействия, изменяют отлаженные механизмы и технологии. Поскольку экономика – это сложно структурированная многоуровневая система, состоящая из элементов с вертикальными и горизонтальными внутренними и внешними связями, то расширение производства инновационных продуктов, востребованных на международных рынках, неизбежно приводит к изменению требований к кадровому обеспечению соответствующих видов экономической деятельности и к общей трансформации рынка труда. При этом ограниченные возможности экономики обусловливает появление структурных дисбалансов на основе возникших у отдельных элементов системы отклонений. В разрезе видов экономической деятельности о степени влияния дисбалансов на экономику можно судить по таким показателям, как численность занятых, объемы производства, технологический уровень, уровень эффективности производства и др.

Базой инновационного развития является наличие научно-технического и управленческого задела, с одной стороны, и необходимого для адекватной восприимчивости инноваций образовательного и культурного уровня общества – с другой. По нашей оценке, кроме опоры на новейшие достижения науки и практики, перспективные прорывные технологии, инновационная экономика требует разработки детального механизма социальной адаптации населения к инновационным преобразованиям и согласования целей реализуемых инновационных процессов с потребностями внутреннего и внешнего рынка. Например, техническое перевооружение производства обусловливает сокращение рабочих мест, что обязывает государство принять меры по созданию новых социальных ниш для обеспечения трудовой мобильности освобожденной рабочей силы.

В свою очередь, от управленческого механизма зависят и степень адаптивности текущей деятельности к использованию новых возможностей, и характер взаимодействия между субъектами экономики, и организационные связи. Поэтому полагаем, что концентрация системы управления только на формировании «точек роста» инновационного потенциала без учета качественного преобразования взаимодействующих элементов экономической системы малоперспективна [16–17].

Для определения наиболее действенных инструментов управления инновационным развитием в условиях открытой экономики важно изучить и учитывать пути образования источников инновационного потенциала. В. Л. Бабурин выделяет три варианта пространственного перемещения инноваций: 1) в результате трудовой и социальной миграции, когда носитель новшества (человек) лично перемещается в место, лучше обеспеченное финансовыми и информационными ресурсами, что позволяет материализовать инновацию быстрее и с меньшими затратами; 2) под влиянием информационных волн, которые способствуют формированию спроса на инновации в наиболее приспособленном месте для их использования и объединяют интересы производителей, потребителей и инвесторов в глобальном информационном пространстве; 3) в результате диффузии нововведений, при которой общество адаптируется к использованию новых товаров и услуг, а материализованная новация (инновация) перемещается в место с максимальным спросом на неё. Следовательно, ключевыми факторами формирования источников инновационного потенциала выступают знания; коммуникационные каналы, время (период принятия решения об инновации) и социальная среда [18].

Согласно концепции диффузии инноваций Э. Роджерса, сущностными характеристиками инноваций, которые влияют на решение конкретного человека принять или отклонить их, являются:

– относительное преимущество инновации среди имеющихся аналогов;

– совместимость с принятым традиционным состоянием системы ценностей и опытом конкретного социума;

– издержки потребителей, связанные с переходом на использование нового продукта;

– простота восприятия и апробации нововведения;

– коммуникативность (возможность или очевидность описания преимуществ инновации) [19].

Значимыми компонентами инновационного развития, которые непосредственно затрагивают выделенные источники инновационного потенциала и имеют принципиальное стимулирующее воздействие для экспортоориентированной экономики, являются цифровизация и информатизация, трансформирующие сущность социально-экономических взаимоотношений в условиях цифровой реальности на основе данных. Изменения, которые влекут за собой цифровизация и информатизация бизнес-процессов, имеют фундаментальный характер. Они затрагивают все области организации деятельности субъектов хозяйствования, способы их участия в производственных, инновационных, товарно-экономических процессах, открывая новые возможности и качественно трансформируя характер взаимодействия, социальной интеграции и коммуникации в целом. Цифровизация производственных и экономических процессов способствует формированию новых продуктов и моделей управления. Альтернативное использование потенциально высвобожденных средств за счет широкого внедрения информационных методов ведения бизнеса стимулирует потребительский спрос, побуждает производителей к эффективному применению материальных и трудовых ресурсов, способствует развитию конкурентоспособного производства товаров и услуг для удовлетворения самых разнообразных потребностей покупателей [20].

Традиционно при рассмотрении вопросов управления инновационным развитием экономики объектами управления выступают производственные, финансовые, информационные, энергетические, логистические, инфраструктурные и другие системы. Это позволяет решать частные вопросы, находящиеся в сфере компетенций конкретных управленческих структур, но не отражает общую картину трансформируемых процессов и, в первую очередь, не учитывает взаимообусловленного влияния на развитие национальной экономики социально-экономических и инновационных процессов. Данный аспект особенно важен для сохранения пропорциональности и согласованности основных характеристик экономики, ее подсистем и элементов в условиях трендовых изменений.

Вопросы управления инновационным развитием в условиях малой открытой экономики тесно связаны с тем, какие именно группы отраслей и виды экономической деятельности в стране являются приоритетными, поскольку от них напрямую зависит экспортная выручка. Инновационные процессы способны изменить отраслевую структуру, увеличивая долю высокотехнологичных отраслей с относительно низкой материало- и трудоемкостью и очень высокой долей человеческого капитала, затрат на НИОКР в добавленной стоимости, а также информационно-коммуникационных технологий и услуг, таких как разработка программного обеспечения, системная интеграция, консалтинг и т. п.

Следовательно, решающим фактором в обеспечении конкурентоспособности экономики в современных условиях выступает интеллектуальный капитал, который создает основную стоимость товаров и услуг. Он как ключевой ресурс и источник инновационного развития определяет характер и специфику использования в производстве и сфере услуг результатов научно-технической деятельности, инновационность национального производства и тенденции развития производительных сил в долгосрочном временном периоде. Поэтому система передачи знаний, а также способность и готовность трудового населения страны к технологическому и организационному обновлению экономики определяют реальные возможности общества по созданию конкурентоспособного национального хозяйства, активно использующего инновационный потенциал. В то же время инновационное развитие реализуется во взаимодействии различных

субъектов, как непосредственно участвующих в инновационных процессах, так и опосредованно влияющих на его ход и результаты [21].

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Базовым условием структурирования проблемного поля рассматриваемого объекта управления является обеспечение устойчивости функционирования национальной экономики как развивающейся системы.

Важной особенностью национальной экономики, влияющей на ход реализации управленческих решений по поводу инновационного развития, является высокая чувствительность к проявлению экономических дисбалансов.

Ограниченность экономических возможностей страны обусловливает целесообразность использования нишевой стратегии инновационного развития и наращивания сегментарных технологических преимуществ для расширения экспорта с учетом характера спроса потенциальных потребителей рыночных ниш.

Источниками формирования инновационного потенциала белорусской экономики выступают знания, коммуникационные каналы, время и социальная среда, а реальные возможности активного инновационного развития экономики определяет функционирующая в стране система передачи знаний.

Список использованных источников

1. Герасимов, Б. Н. Экономическая устойчивость в деятельности предприятий / Б. Н. Герасимов, М. Н. Рубцова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2006. – № 8 (58). – С. 108–111.

2. Соколова, С. А. Способы повышения устойчивости национальной экономики на основе развития высокотехнологичных секторов [Электронный ресурс] / С. А. Соколова // Экономика и менеджмент инновац. технологий. – 2014. – № 7. – Режим доступа: http://ekonomika.snauka.ru/2014/07/5607. – Дата доступа: 15.06.2020.

3. Бородушко, Е. С. Дисбалансы в национальной экономике и экономическая безопасность в Российской Федерации / Е. С. Бородушко // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2010. – № 3 (47). – С. 134–140.

4. Алабугин, А. А. Концептуальные основы управления дисбалансом целевых характеристик развития социально-экономических систем / А. А. Алабугин, Д. А. Шагеев // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Экономика и менеджмент». – 2013. – Т. 7, № 2. – С. 109–115.

5. Обстфельд, М. Оценка мировых дисбалансов: основные моменты [Электронный ресурс] / М. Обстфельд // Международный валютный фонд. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2017/062617r.pdf. – Дата доступа: 15.06.2020.

6. Рей, А. И. Макроэкономические и структурные дисбалансы в экономике США [Электронный ресурс] / А. И. Рей // Мировое и нац. хоз-во. – 2015. – № 3 (34). – Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Macroeconomic-and-Structural-Imbalances-in-US-economy.pdf. – Дата доступа: 15.06.2020.

7. Давыденко, Е. Л. Европейские страны с малой экономикой. Особенности внешней торговли и инновационного развития / Е. Л. Давыденко, Е. С. Ботеновская. – Минск : БГУ, 2015. – 275 с.

8. Дайнеко, А. Е. Модернизация: приоритеты и содержание / А. Е. Дайнеко // Экономика Беларуси. – 2013. – № 1. – С. 4–9.

9. Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 212 с.

10. Тригубович, Л. Г. Влияние интеграционных процессов в экономике Беларуси на инновационную деятельность / Л. Г. Тригубович // Экономическая теория в XXI веке: поиск эффективных механизмов хозяйствования : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Полоцк, 20–21 окт. 2016 г.) / Полоц. гос. ун-т ; под ред. И. В. Зеньковой. – Новополоцк, 2016. – Ч. 2. – С. 201–207.

11. Энергетические риски в малой открытой экономике / А. А. Быков [и др.]. – Минск : Мисанта, 2013. – 107 с.

12. Носонов, А. М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России / А. М. Носонов // Псков. регионолог. журн. – 2015. – № 23. – С. 3–16.

13. Кучко, Е. Е. Социологическая характеристика меры включенности населения в инновационные процессы (по материалам исследования) / Е. Е. Кучко // Социология. – 2010. – № 4. – С. 69–75.

14. Тригубович, Л. Г. Анализ государственной политики по формированию инновационной восприимчивости экономики / Л. Г. Тригубович // Экономика и банки. – 2019. – № 1. – С. 101–105.

15. Бельский, В. Повышение эффективности деятельности технопарков Беларуси в контексте евразийской интеграции / В. Бельский, Л. Тригубович // Наука и инновации. – 2017. – № 4 (170). – С. 31–34.

16. Тер-Григорьянц, А. А. Организация управления инновационным развитием социально-экономических систем / А. А. Тер-Григорьянц, А. А. Бабич // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 289–291.

17. Экономика инноваций : учеб.-метод. пособие / под ред. Н. П. Иващенко. – М. : Экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – 90 с.

18. Бабурин, В. Л. Инновационные циклы в российской экономике / В. Л. Бабурин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : URSS : КРАСАНД, 2010. – 210 с.

19. Rogers, E. M. Diffusion of innovations / E. M. Rogers. – 5th ed. – New York : Free Press, 2003. – 551 p.

20. Бельский, В. И. Преимущества и проблемы цифровизации сельского хозяйства / В. И. Бельский // Сб. науч. тр. «Проблемы экономики». – 2019. – № 1 (28). – С. 12–19.

21. Тригубович, Л. Г. Направления развития инновационной сферы Республики Беларусь / Л. Г. Тригубович. – Минск : Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2017. – 235 с.

References

1. Gerasimov B. N., Rubtsova M. N. Economic stability in activity of the enterprises. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2006, no. 8 (58), pp. 108–111 (in Russian).

2. Sokolova S. A. The ways of increase of stability of national economy, based on high-tech sectors. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii = Economics and Innovations Management*, 2014, no. 7. Available at: http://ekonomika.snauka.ru/2014/07/5607 (accessed 15.06.2020) (in Russian).

3. Borodushko E. S. The imbalances in the national economy and economic security in the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3 (47), pp. 134–140 (in Russian).

4. Alabugin A. A., Shageev D. A. Conceptual foundations of management of target characteristics development imbalance in social and economic systems. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Ekonomika i menedzhment" = Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"*, 2013, vol. 7, no. 2, pp. 109–115 (in Russian).

5. Obstfeld M. Assessing global imbalances: highlights. *International Monetary Fund*. Available at: https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2017/062617r.pdf (accessed 15.06.2020) (in Russian).

6. Rey A. Macroeconomic and structural imbalances in the US economy. *Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo* [World and National Economy], 2015, no. 3 (34). Available at: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/Macroeconomic-and-Structural-Imbalances-in-US-economy.pdf (accessed 15.06.2020) (in Russian).

7. Davydenko E. L., Botenovskaya E. S. *European countries with small economies. Features of foreign trade and innovative development*. Minsk, Belarusian State University, 2015. 275 p. (in Russian).

8. Daineko A. E. Modernization: priorities and content. *Ekonomika Belarusi* [Economy of Belarus], 2013, no. 1, pp. 4–9 (in Russian).

9. *Foreign trade of the Republic of Belarus: statistical collection*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2019. 212 p. (in Russian).

10. Trigubovich L. G. Impact of integration processes in the economy of Belarus on innovation activity. *Ekonomicheskaya teoriya v KhKhI veke: poisk effektivnykh mekhanizmov khozyaistvovaniya: materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Polotsk, 20–21 oktyabrya 2016 g.)* [Economic theory in the XXI century: search for effective management mechanisms: materials of the II international scientific and practical conference (Polotsk, 20–21 October 2016)]. Novopolotsk, 2016, pt. 2, pp. 201–207 (in Russian).

11. Bykov A. A., Vertai S. P., Gorlova O. A., Avdeeva T. G., Zezyul'kina A. E., Prusov S. G., Sakun S. V., Khaustovich N. A. *Energy risks in a small open economy: scientific and practical guide*. Minsk, Misanta Publ., 2013. 107 p. (in Russian).

12. Nosonov A. M. Theory of diffusion of innovations and innovative development of Russian regions. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Journal of Regional Studies*, 2015, no. 23, pp. 3–16 (in Russian).

13. Kuchko E. E. Sociological characteristics of the measure of population involvement in innovative processes (based on research materials). *Sotsiologiya* [Sociology], 2010, no. 4, pp. 69–75 (in Russian).

14. Trigubovich L. G. Analysis of the state policy on formation of an innovative susceptibility of economy. *Economika i banki* [Economics and Banks], 2019, no. 1, pp. 101–105 (in Russian).

15. Belskij V., Trigubovich L. Improving the Belarusian technology parks performance in the context of Eurasian integration. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2017, no. 4 (170), pp. 31–34 (in Russian).

16. Ter-Grigor'yants A. A., Babich A. A. Organization of management of innovative development of social and economic systems. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2013, no. 2 (39), pp. 289–291 (in Russian).

17. Ivashchenko N. P. (ed.). *Economy of innovation*. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2016. 90 p. (in Russian).

18. Baburin V. L. *Innovation cycles in the Russian economy.* 4th ed. Moscow, URSS, KRASAND Publ., 2010. 210 p. (in Russian).

19. Rogers E. M. *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York, Free Press, 2003. 551 p.

20. Belskij V. I. Advantages and problems of digitalization of agriculture. *Sbornik nauchnykh trudov «Problemy ekonomiki»* [Problems of economy: collection of scientific papers], 2019, no. 1 (28), pp. 12–19 (in Russian).

21. Trigubovich L. G. *Directions of development of the innovation sphere of the Republic of Belarus*. Minsk, The Institute of System Researches in Agroindustrial Complex of NAS of Belarus, 2017. 235 p. (in Russian).

Информация об авторе

Тригубович Лариса Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

Information about the author

Larisa G. Trigubovich – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Scientific secretary of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

ВАЛЕРИЙ ГУРЬЕВИЧ ТИХИНЯ
(К 80-летию со дня рождения)

1 октября 2020 г. исполняется 80 лет Валерию Гурьевичу Тихине – широко известному в Беларуси и далеко за ее пределами юристу, государственному и общественному деятелю. Эта цифра – отражение жизненного опыта, мудрости, проявления таланта ученого, практика и человека.

Старшему поколению, к которому относится и Валерий Гурьевич, пришлось испытать много трудностей, невзгод, побед и достижений. В. Г. Тихиня родился в городском поселке Копаткевичи Петриковского района Гомельской области в трудолюбивой семье менее чем за год до войны. Его отец – Гурий Петрович – участник Великой Отечественной войны. Уже с первых ее дней он сражался на фронте. В составе Третьего Белорусского фронта освобождал от немецко-фашистских захватчиков Бобруйск, Осиповичи и другие населенные пункты. Был награжден орденом Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны, а также несколькими медалями. Из Советской Армии Гурий Петрович демобилизовался в звании старшего лейтенанта. Отец всегда являлся примером для В. Г. Тихини. Супруга Гурия Петровича Юлия Андреевна была заботливой мамой, ей довелось многое пережить в годы войны, оставшись с тремя маленькими детьми на руках. Валерий Гурьевич безмерно благодарен своей маме за ее заботу в детские годы о нем. Уже тогда он проявил мужской характер – умение преодолевать трудности, быть настойчивым.

Валерий Гурьевич благодарен также своим школьным учителям. Всегда с теплотой отзывается о них.

Проявляя интерес к юриспруденции, В. Г. Тихиня часто посещал (после учебных занятий в школе) судебные процессы по гражданским и уголовным делам. В пятнадцатилетнем возрасте он поступил на работу в качестве делопроизводителя канцелярии народного суда Василевичского района.

Работу в суде Валерий Гурьевич успешно совмещал с учебой в вечерней школе рабочей молодежи. В 1958 г. он окончил среднюю школу с серебряной медалью и поступил в Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина (далее – БГУ) на юридический факультет по специальности «правоведение». Уже в начале учебы он проявил себя как старательный и организованный студент. На первом курсе его выбрали старостой студенческого научного кружка по государственному (конституционному) праву, научным руководителем которого был доктор юридических наук, профессор Анатолий Александрович Головко.

После окончания университета В. Г. Тихиня получил направление на работу в должности эксперта-криминалиста Минского научно-исследовательского института судебных экспертиз БССР. Здесь как научный сотрудник он приступил к работе над кандидатской диссертацией по теме «Применение криминалистической тактики при исследовании вещественных доказательств по гражданским делам».

В марте 1966 г. Валерий Гурьевич перешел на работу в органы прокуратуры – работал помощником прокурора Ленинского района города Минска, помощником прокурора города Минска, прокурором Ленинского района города Минска.

После успешной защиты в 1974 г. диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук В. Г. Тихиня был приглашен в порядке перевода на работу в БГУ для подготовки юридических кадров, где в разное время трудился в должностях старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета. В апреле 1982 г. Валерий Гурьевич был избран деканом юридического факультета БГУ. В октябре 1986 г. назначен проректором по учебной работе БГУ.

Плодотворная научная и педагогическая деятельность В. Г. Тихини в сфере юриспруденции позволила ему подготовить к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве», которую он успешно защитил в мае 1985 г. в Ленинградском государственном университете. Как отмечали советские ученые-юристы, это было первое в СССР диссертационное исследование на монографическом уровне по данной проблематике.

В сентябре 1986 г. за большой вклад в подготовку юридических кадров Указом Президиума Верховного Совета СССР Валерий Гурьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В июле 1987 г. решением Министерства высшего и среднего специального образования СССР В. Г. Тихине было присвоено ученое звание профессора.

По предложению Председателя Совета Министов БССР В. Ф. Кебича на сессии белорусского парламента в октябре 1989 г. Валерий Гурьевич был назначен министром юстиции БССР. На этом посту он проявил себя как грамотный руководитель и высококвалифицированный юрист.

На XXXI партийном съезде в ноябре 1990 г. В. Г. Тихиня был избран секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Беларуси и стал курировать по партийной линии работу административных органов. Валерий Гурьевич считал, что переход на эту работу был трудным, но необходимым выбором в условиях начавшегося политического и экономического кризиса.

В марте 1991 г. по Светлогорскому избирательному округу В. Г. Тихиня был избран депутатом Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва. Он принимал активное участие в разработке проекта ныне действующей Конституции, принятой Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 г. Весьма заметны его выступления как депутата на сессиях Верховного Совета. Они были яркими и содержательными.

В августе 1993 г. В. Г. Тихиня был назначен заместителем Председателя Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь. Многое в этот период он успел сделать для развития данного органа и укрепления его связей с аналогичными учреждениями других государств, в частности Российской Федерации.

Валерий Гурьевич с апреля 1994 по декабрь 1996 г. работал в Конституционном Суде. Это был трудный период становления Конституционного Суда Республики Беларусь, реального определения им своего места в системе государственной власти. Вначале он был избран заместителем Председателя Конституционного Суда. Исходя из богатого опыта Валерия Гурьевича, его стремления надлежащим образом организовать работу Конституционного Суда, уже в первые дни после сформирования судейского корпуса автором этих строк была проявлена инициатива по его избранию заместителем Председателя Суда, а в последующем – по выдвижению его кандидатуры для назначения на должность Председателя Суда. Среди решений, принятых Конституционным Судом в период, когда его возглавлял В. Г. Тихиня, можно назвать заключение о конституционности постановления Правительства о деноминации белорусского рубля, о государственных ценных бумагах бывшего СССР. Необходимо также отметить заключения Конституционного Суда по вопросу о правомерности прекращения трудового договора с лицами, достигшими пенсионного возраста, о праве местных Советов депутатов предусматривать административную ответственность за отдельные правонарушения. Эти и другие заключения Конституционного Суда были направлены на становление нашего государства в качестве правового, демократического и социального, на защиту прав и свобод граждан.

В декабре 1996 г. В. Г. Тихиня был избран президентом Белорусского фонда правового сотрудничества.

На сегодняшний день Валерий Гурьевич успешно занимается педагогической и научной деятельностью. Он является автором около 500 научных работ по конституционному, трудовому, семейному и гражданскому праву, гражданскому процессу, криминалистике и прочим юридическим дисциплинам. Много внимания В. Г. Тихиня уделяет подготовке научных кадров высшей квалификации. Под его научным руководством защищено 30 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Им также подготовлено два доктора юридических наук.

Научные труды Валерия Гурьевича посвящены актуальным проблемам юриспруденции. Среди них особо следует отметить такие издания, как «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве» (Минск, 1983), «Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР» (Минск, 1989), «Тернистый путь к правовому государству» (Минск, 1995), «Правовое регулирование международных перевозок» (Минск, 2001), «Правовое регулирование хозяйственной деятельности» (Минск, 2004), «Юридический справочник для населения» (Минск, 2006), «Семья и закон» (Минск, 2007), «Правовые основы научной деятельности в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Защита прав личности в белорусском гражданском процессе» (Минск, 2008), «Виды гражданского судопроизводства в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Аккредитивная форма расчетов в Республике Беларусь» (Минск, 2008), «Сборник нормативно-правовых актов по жилищному законодательству Республики Беларусь» (Минск, 2010), «Право на судебную защиту в исковом производстве» (Минск, 2012), «Правовой статус иностранцев в Республике Беларусь» (Минск, 2013), «Конституции зарубежных государств» (Минск, 2014) и др. В. Г. Тихиней разработан проект Закона «О международном частном праве», который был опубликован в журнале Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» (Минск, 1992). Основное научное направление ученого – проблемы формирования демократического правового государства в Республике Беларусь, международное частное право, гражданский процесс.

Валерий Гурьевич широко известен в Беларуси как автор учебников для вузов по гражданскому процессу и международному частному праву. В 2015 г. результаты многолетней работы В. Г. Тихини в области юриспруденции были обобщены в издании «Правотворчество и правоприменение в современном обществе: избранные научные труды по праву: в 3 т.» (общее количество страниц – 1661).

Хорошо известны научные труды В. Г. Тихини и в зарубежной научной среде. По решению Международного биографического центра (г. Кембридж, Великобритания) имя Валерия Гурьевича включено в издание наиболее известных ученых мира «Живые легенды» (Кембридж, 2005).

В. Г. Тихиня награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями. Его имя внесено в Книгу почета Министерства юстиции Республики Беларусь и включено в издание «Кто есть кто в Республике Беларусь» (Минск, 1999, 2001, 2006, 2009).

Валерий Гурьевич удостоен высокого звания «Заслуженный юрист БССР» (1990), является членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси (1994). В 2010 г. он получил почетную награду Беларуси – был признан победителем республиканского конкурса на приз известного юриста Владимира Даниловича Спасовича.

Фундаментальные книги и неординарные мысли характеризуют личность известного белорусского ученого-правоведа Валерия Гурьевича Тихини.

Уважаемому юбиляру в эти праздничные дни только самые добрые пожелания – здоровья, счастья, благополучия, долгих лет творческой и активной жизни!

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law, Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by